

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ПЯТИГОРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Григорян Марианна Размиковна

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ
ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ
НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В XIX ВЕКЕ**

Специальность 5.6.1 Отечественная история

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
Гранкин Юрий Юрьевич
доктор исторических наук,
профессор

Пятигорск – 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. НАРОДЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В ИМПЕРСКОМ ПРОЕКТЕ РОССИИ.....	21
1.1. Замыслы по умиротворению Северного Кавказа в проектах российской администрации в первой половине XIX в.	21
1.2. Военно-политические акции и участие в них горских народов.....	46
1.3. Правовое оформление новых политических реалий и смена парадигмы горского социума	71
ГЛАВА II. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ, ПРАВОВЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ ПОСЛЕВОЕННОГО КАВКАЗА	98
2.1. Трансформация экономики Северного Кавказа во второй половине столетия.....	98
2.2. Адаптация традиционных правовых институтов к имперским порядкам	122
2.3. Общественно-политические процессы в регионе в условиях новой реальности.....	147
Заключение	174
Список источников и литературы	181

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Становление и развитие такого многонационального государства, как Россия, представляет собой сложный и длительный процесс. В его основе присутствовала тенденция к взаимовыгодному межнациональному историческому партнерству. Включение в состав России новых территорий неизбежно предполагало интеграцию народов, проживающих в данных регионах, во все сферы общественной жизни: экономическую, политическую, социальную и духовную. Особенность такого сближения заключалась в применении различных способов, методов и инструментов воздействия на уклад народов, которым предстояло адаптироваться к условиям жизни в составе государства с его надэтническими ценностными императивами. Характер таких воздействий непосредственно зависел от ситуации, складывавшейся в тот или иной исторический период. Мы видим это на примере Кавказа, являвшегося полиэтничным краем с присущим ему комплексом противоречий, преодоление которых привело к многолетнему противостоянию между частью горских обществ и Российской империей. В результате непростого взаимодействия и взаимовоздействия сторон были выработаны достаточно эффективные формы и инструменты управления и развития присоединяемой территорией и её развития.

При всём различии управленческих практик XIX в. и современности можно провести некоторые исторические параллели. Так, в целях координации деятельности субъектов регионального уровня Указом Президента Российской Федерации от 19 января 2010 года¹ был сформирован

---

¹ Указ Президента РФ от 19.01.2010 N 82 (ред. от 21.05.2012) «О внесении изменений в перечень федеральных округов, утвержденный Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2000 г. N 849, и в Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2008 г. N 724 «Вопросы системы и структуры федеральных органов исполнительной власти» // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_96431/ (дата обращения: 09.12.2023 г.), Указ Президента РФ от 19.01.2010 N 83 «О Заместителе Председателя Правительства Российской Федерации и полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Кавказском федеральном округе» // Справочно-

Северо-Кавказский федеральный округ, учреждение которого является примером расширения региональной самостоятельности и повышения эффективности управления и самоуправления.

В этой связи особое значение приобретают исследования, посвящённые изучению особенностей интеграционных процессов, в которые были вовлечены народы Северного Кавказа, и их отражения в политической и правовой практике Российской державы. Понимание особенностей интеграции Северного Кавказа в общеимперское пространство позволяет осознать специфику региона, а также понять исторические причины и последствия конфликтов и нестабильности, которые продолжают существовать в этой части Российского государства.

Объектом исследования является процесс вхождения Северного Кавказа в имперское пространство России в XIX веке.

Предметом исследования являются обстоятельства и особенности интеграционных процессов на Северном Кавказе, связанных с адаптацией образа жизни автохтонных народов к российским политическим и правовым порядкам на протяжении XIX века.

Степень научной изученности темы. Изучение процесса интеграции Северного Кавказа в состав Российского государства невозможно без глубокого анализа административно-правовых и социально-экономических особенностей, происходивших в регионе на протяжении XIX века. В этой связи различные аспекты протекавших в регионе консолидирующих процессов выделялись многими дореволюционными, советскими, современными отечественными и зарубежными исследователями, что подтверждают многочисленные труды, представляющие собой основу рассматриваемой темы.

При этом необходимо отметить одно важное отличие трудов дореволюционных исследователей от работ, опубликованных в последующие

годы. В частности, данные авторы в своих трудах особое внимание уделяли описательной стороне рассматриваемой проблемы и введению в научный оборот фактического материала, в то время как работам последующего периода присущ всесторонний анализ материалов, связанных с раскрытием факторов успеха и неудач российских властей в процессе включения Северного Кавказа в экономическое пространство России.

Несмотря на то, что различные направления осуществляемой на территории Северного Кавказа в XIX веке имперской политики неоднократно выступали в качестве главного предмета исследований отечественных и зарубежных ученых, заявленный ракурс проблемы до сих пор не получил должного освещения. Видится целесообразным провести историографический обзор по принципу объединения имеющихся работ в зависимости от рассматриваемых ими вопросов.

Особенности формирования и развития государственно-административной системы управления на территории Северного Кавказа всегда являлись предметом пристального внимания ученых. Одним из первых исследований в данной области является книга «О Кавказской линии», написанная служившим долгие годы на Кавказе статским советником И.Л. Дебу². В своём сочинении автор делится подробным описанием процесса образования и развития линии укреплений в регионе, а также сведениями о деятельности командующих Кавказской линией. И.Л. Дебу отмечает, что создание Кавказской линии происходило не только для осуществления военных планов Российской империи, но и в целях установления среди горцев административного аппарата управления. В дальнейшем эти вопросы будут не раз подниматься в кавказоведении, конкретизируя и расширяя представление о данной проблеме³.

---

² Дебу И.Л. О Кавказской линии и присоединенном к ней Черноморском войске, или Общие замечания о поселенных полках, ограждающих Кавказскую линию, и о соседственных горских народах, собранные действительным статским советником и кавалером Иосифом Дебу с 1816 по 1826 год. Санкт-Петербург, 1829. 464 с.

³ Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом. Тифлис, 1907. Т. I. 616 с.; Блиева З.М. Некоторые черты административного развития Северного Кавказа в 20-х гг. XIX в. // Россия и Северный Кавказ (проблема историко-культурного единства). Грозный, 1990. С. 72–81; Она же. Система управления на

Успешный опыт военно-народного управления на Кавказе отмечает в своем исследовании Ю.Ю. Гранкин, определяя его в качестве удачного цивилизационного компромисса, который впитал элементы различных способов регламентации жизни коренного населения края⁴.

К вопросу управления Кавказом обращались и западные исследователи. Зарубежные ученые, исследовавшие особенности развития Северного Кавказа в XIX веке, особое внимание уделяли его военно-политической и международной составляющей, в то время как демографический и экономический аспекты оставались практически неизученными. Наряду с этим в западной литературе нашло отражение такое приоритетное направление исследований, как проблема формирования системы государственного управления в национальных окраинах империи⁵. Большой интерес представляют исследования американского историка-кавказоведа Л.Г. Райнелендера, посвященные анализу института наместничества на Кавказе⁶. Автор также является создателем концепции борьбы «централистского» и «регионалистского» подходов в проводимой российскими властями политике на Кавказе. «Регионалистский» подход, согласно мнению исследователя, основывался на постепенной адаптации

Северном Кавказе в конце XVIII – первой трети XIX в. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 1992. 107 с.; Лисицына Г.Г. Кавказский комитет 1845 – 1882 // КЛИО. 1997. № 2. С. 140–148; Она же. Кавказский комитет – высшее государственное учреждение для управления Кавказом // «Россия и Кавказ – сквозь два столетия». Исторические чтения. Санкт-Петербург: АОЗТ Журнал «Звезда», 2001. С. 154–168; Малахова Г.Н. Становление и развитие российского государственного управления на Северном Кавказе в конце XVIII – XIX вв. Ростов-на-Дону: Издательство СКАГС, 2001. 400 с.; Бобровников В.О. Военно-народное управление в Дагестане и Чечне: история и современность // «Россия и Кавказ – сквозь два столетия». Исторические чтения. Санкт-Петербург: АОЗТ Журнал «Звезда», 2001. С. 91–107; Омаров А.С. Становление российского управления на Северо-Восточном Кавказе в конце XVIII начале XIX века // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2009. № 93. [Электронная версия]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-rossiyskogo-upravleniya-na-severovostochnom-kavkaze-v-kontse-xviii-nachale-xix-veka> (дата обращения: 19.06.2022); Кобахидзе Е.И. От «военно-народного» управления к «гражданскому»: административная политика России на Центральном Кавказе в конце 50-х – начале 70-х гг. XIX в. // Известия СОИГСИ. 2009. № 3 (42). С. 107–128; Шингарова З.О. Изменения в административном управлении накануне образования Дагестанской области // Вестник Дагестанского университета. 2014. Вып. 4. С. 15–20; Глашева З.Ж. Из истории реформирования системы местного самоуправления горских народов (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Исторический бюллетень 2019. Т. 2. № 4. С. 12–20 и др.

⁴Гранкин Ю.Ю. Управленческие практики на Северном Кавказе: от соперничества к симбиозу. Пятигорск: ПГЛУ, 2020. 156 с.

⁵Баддели Д. Завоевание Кавказа русскими. 1720–1860 / Пер. с англ. Л.А. Калашниковой. Москва: ЗАО Центрполиграф, 2007. 351 с. и др.

⁶Rhineland L.H. The Creation of Caucasian Vicegerency // The Slavonic and East European Review. 1981. Vol. 59. N1. P. 15–40; Rhineland L.H. Russian imperial policy: The administration of the Caucasus in the first Half of the nineteenth century // Canadian Slavonic papers. 1975. Vol. 17.N 2/3 P. 218–235.

имперской политики к национальным традициям, социальным и правовым нормам и на дальнейшей их перестройке в соответствии с общероссийскими стандартами, в то время как «централистский» подход предполагал установление в короткие сроки российских органов власти, судебных и иных учреждений по примеру действующих на остальной территории Российской империи.

Важную научную ценность представляют работы, в которых внимание исследователей направлено на анализ деятельности кавказских военачальников и администраторов и их проектов по умиротворению региона⁷.

Различные аспекты социально-экономических изменений в крае, его вхождение во всероссийский рынок и последствия этого процесса получили освещение в работах дореволюционных и особенно советских авторов. Не утрачен интерес к данной теме и в современном кавказоведении. В исследованиях прослеживается трансформация уклада местных народов, отражение данных процессов в правовой и политической практике⁸.

---

⁷ Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Ртищев и Ермолов. Санкт-Петербург, 1888. Т. VI. 495 с.; Голицын Н.Б. Жизнеописание генерала от кавалерии Емануеля. Санкт-Петербург, 1851. 196 с.; Клычников Ю.Ю. Деятельность А.П. Ермолова на Северном Кавказе (1816-1827) / Под редакцией и с послесловием В.Б. Виноградова. Ессентуки, 1999. 135 с.; Муханов В.М. Покоритель Кавказа А.И. Барятинский. Москва: ЗАО Центрполиграф, 2007. 428 с.; Лапин В.В. Цицианов. Москва: Молодая гвардия, 2011. 542 с.; Гапуров Ш. Кавказская политика России в период наместничества П.Д. Цицианова (1802—1806 гг.). [Электронная версия]. URL: <https://kvkz.ru/history/3422-kavkazskaya-politika-rossii-v-period-namestnichestva-p-d-cicianova-1802-1806-gg.html> (дата обращения: 10.01.2022) и др.

⁸ Вертепов Г. А. Очерки кустарных промыслов в Терской области // Терский сборник. Владикавказ, 1897. Вып. 4. 126 с.; Алов А.А. Производство плугов в слободе Беловодске // Отчёты и исследования по кустарной промышленности в России. Санкт-Петербург, 1898. Т. V. С. 471–488; Гриценко, Н. П. Социально-экономическое развитие Притеречных районов в XVIII – первой половине XIX в. Грозный: б.и., 1961. 196 с.; Он же. Экономическое развитие Чечено-Ингушетии в пореформенный период (1861–1900). Грозный: б.и., 1963. 199 с.; Кумыков Т.Х. Вовлечение Северного Кавказа во Всероссийский рынок. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1962. 200 с.; Горчханова Г.А. К состоянию кустарных промыслов и обрабатывающей промышленности в пореформенной Чечено-Ингушетии // Вопросы политического и экономического развития Чечено-Ингушетии (XVII – начало XX века). Грозный: б.и., 1986. С. 77–86; Ахмадов Ш.Б. Взаимовлияние производственного опыта русских переселенцев и местных народов Терской области в XIX – начале XX в. // Прогрессивное влияние России на социально-экономическое и политическое развитие народов Чечено-Ингушетии (дореволюционный период). Грозный: Чечено-Ингушское изд.-полигр. объединение «Книга», 1989. С. 26–40; Гранкин, Ю.Ю. Торгово-экономические связи России с народами Западного и Центрального Кавказа (конец XVIII – первая половина XIX вв.). Пятигорск: изд-во ПГЛУ, 2002. 215 с.; Ибрагимова З.Х. Чеченские кустарные промыслы // Чеченская Республика и чеченцы. История и современность. Москва, 2006. С. 234–243 и др.

Особое внимание уделяется изучению развития коммуникаций в регионе, способствовавшего не только укреплению экономических связей, но и влиявшего на социокультурные процессы в крае⁹.

Традиционно повышенное внимание уделяют проблеме военно-политических событий в крае, что обусловлено значимостью силового инструментария на начальном этапе распространения в регионе порядков империи¹⁰. Комплексный анализ социокультурных последствий вооружённого противостояния в крае позволяет понять специфику интеграционных процессов, инициированных Российской империей¹¹.

Об особенностях протестного движения в регионе начали говорить уже дореволюционные авторы¹². Не утрачен интерес к теме и в советский и постсоветский период развития кавказоведения¹³.

Необходимый материал проанализирован в обобщающих работах, которые посвящены истории Кавказа в целом и его отдельных частей в частности¹⁴.

⁹ Исторический очерк развития железных дорог в России с их основания по 1897 г. включительно. Санкт-Петербург, 1899. Вып. 2. С. 177–592, 59 с.; Кислинский Н.А. Наша железнодорожная политика. По документам архива Комитета Министров. / Под ред. А.Н. Куломзина. Санкт-Петербург, 1902. Т. 2. 324 с.; Данилов А.В. История становления и развития транспортной системы Кавказских Минеральных Вод в конце XVIII – первой четверти XX века. Пятигорск: Рекламно-информационное агентство на КМВ, 2015. 232 с. и др.

¹⁰ Васильев Е. Черноморская береговая линия 1834–1855 гг. // Военный сборник. 1874. № 98. С. 5–26; Климан-фон Ф. Война на восточном Кавказе с 1824 по 1834 г. в связи с мюридизмом // Кавказский сборник. Тифлис, 1894. Т. XV. С. 506–576; Фадеев Р.А. 60 лет Кавказской войны. Н. Новгород: Чёрная Сотня, 2015. 150 с.; Лапин В. В. Армия России в Кавказской войне XVIII–XIX вв. Санкт-Петербург: Издательство «Европейский дом», 2008. 400 с. и др.

¹¹ Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. Москва: Росет, 1994. 592 с.; Блиев М.М. Россия и горцы Большого Кавказа на пути к цивилизации. Москва: Мысль, 2004. 877 с. и др.

¹² Свистунов А.П. Очерк восстания горцев Терской области в 1877 году. Санкт-Петербург, 1896. 124 с.; Иваненко В. Разлад между уголовным законом и народным обычаем на Кавказе и его влияние на преступность // Русская мысль. 1904. № 5. С. 205–224; Гершальман Ф. Причины неурядиц на Кавказе. Санкт-Петербург, 1908. 80 с.; Ковалевский П.И. Восстание Чечни и Дагестана в 1877–1878 гг. Зелим-Хан. Санкт-Петербург, 1912. 91 с. и др.

¹³ Джимов Б.М. Социально-экономическое положение и классовая борьба трудящихся Адыгеи в пореформенное время (1869–1900 гг.) // Ученые записки Адыгейского научно-исследовательского института экономики, языка, литературы и истории: История и этнография. Майкоп: б.и., 1974. Т. 17. С. 179–345; Ботяков Ю.М. Абреки на Кавказе: Социокультурный аспект явления. Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение, 2004. 205 с.; Иразова М. А. Причины и начальный этап восстания в Чечне в 1877 г. // Чеченцы в сообществе народов России: Материалы всероссийской научно-практической конференции, посвященной 420-летию установления добрососедских отношений между народами России и Чечни (г. Грозный, 18–20 декабря 2008 г.). Т. I. Нальчик: Пилигрим, 2008. С. 375–379; Гагагова Л.С. Северный Кавказ в эпоху поздней империи: природа насилия. 1860–1917. Москва: Новый хронограф, 2016. 448 с.; Клычников Ю.Ю. Северный Кавказ: старые проблемы в новом измерении (Историко-политические очерки). / Под ред. и с предисловием проф. С.Л. Дударева. Пятигорск: ПГЛУ, 2016. 99 с. и др.

Среди научных приоритетов кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет» выделяется изучение интеграционных процессов, которые были инициированы Российским государством, сумевшим создать полиэтничное сообщество народов, заинтересованных в долговременном историческом партнёрстве. Акцент делается на формировании русско-северокавказского объединения, разным аспектам которого посвящены недавно успешно прошедшие процедуру публичной защиты диссертационные исследования Р.Б. Зубариева, А.А. Гойбасханова, С. С.-А. Мутаева, Д.К. Марковой¹⁵. Представленная работа является продолжением усилий в заявленном направлении.

Целью диссертационной работы является комплексный анализ политических и правовых особенностей интеграции Северного Кавказа в имперское пространство России в XIX веке.

На основании заявленной цели были сформулированные следующие **задачи**:

- 1) проанализировать проекты российской администрации по умиротворению Кавказского региона;
- 2) рассмотреть военно-политические акции и характер участия в них горских народов;

---

¹⁴ История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). / Отв. ред. А.Л. Нарочницкий. Москва: Наука, 1988. 659 с.; Гасанов М.М. Дагестан в составе России (вторая половина XIX века). Махачкала: б.и., 1999. 357 с.; Казначеев А.В. Развитие северокавказской окраины России (1864–1904 гг.). Пятигорск: «Технологический университет», 2005. 409 с.; Ибрагимова З.Х. Мир чеченцев. XIX век. Москва: «Пробел-2000», 2007. 1024 с.; Северный Кавказ в составе Российской империи. Москва: Новое литературное обозрение, 2007. 460 с.; История Чечни с древнейших времен до наших дней: В 2 т. Т. I: История Чечни с древнейших времен до конца XIX века. Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2008. 832 с.; Северный Кавказ с древнейших времён до начала XX столетия (историко-этнографические очерки). / Под редакцией и с предисловием В.Б. Виноградова. Пятигорск: ПГЛУ, 2010. 318 с.; Невская Т.А. Северный Кавказ в начале XX в. Очерки истории. Ставрополь: СКФУ, 2012. 217 с. и др.

¹⁵ Зубариев Р.Б. Колонизационно-переселенческие процессы на Северном Кавказе во второй половине XIX века: политические, экономические и демографические последствия. Дисс. канд. ист. наук. Ставрополь, 2019. 190 с.; Гойбасханов А.А. Северный Кавказ в условиях преодоления последствий политического и социокультурного кризиса и его рецидивов (60-е гг. XIX – начало XX вв.). Дисс. канд. ист. наук. Ставрополь, 2021. 208 с.; Мутаев С. С.-А. Народы Северо-Восточного Кавказа в «эпоху великих реформ» 60-70-х годов XIX века: региональные особенности и результаты модернизационных преобразований. Дисс. канд. ист. наук. Ставрополь, 2020. 198 с.; Маркова Д.К. Российская империя и «конфликтные сообщества»: опыт политического и социально-экономического реформирования на примере русско-северокавказских отношений в первой половине XIX века. Дисс. канд. ист. наук. Пятигорск, 2023. 204 с.

3) исследовать особенности правового оформления новых политических реалий и смены парадигмы жизненного уклада горского социума;

4) охарактеризовать основные направления трансформации экономики Северного Кавказа во второй половине столетия;

5) раскрыть особенности адаптации традиционных правовых институтов к имперским порядкам;

6) выявить причины и сущность общественно-политических процессов, протекавших в регионе вследствие проведения российскими властями реформ.

Хронологические рамки исследования включают в себя период с конца XVIII – начала XIX века по 70-е годы XIX века. В этот период начинается фактическое включение территории региона в состав Российской империи с распространением здесь политико-правовых правил и принципов ее существования. Завершение силового подавления сопротивления противников нового миропорядка позволило провести в крае череду модернизационных преобразований, приблизив образ жизни местных народов к общеимперским критериям. В ряде случаев признается целесообразным выход за обозначенные временные рамки, что обеспечивает лучшее понимание динамики интеграционных процессов.

Территориальные рамки исследования определены территорией Северного Кавказа и тех административных единиц, которые существовали здесь в рассматриваемый исторический период.

Методологической основой исследования стали общенаучные и специальные исторические методы. Автор исходил из принципа историзма, в соответствии с которым исследуемые события оценивались в контексте эпохи и сложившейся в изучаемом регионе обстановки. Были задействованы методы обобщения, анализа и синтеза, а также описательный метод. Применялись проблемно-хронологические и историко-генетические методы исследования, позволившие выявить причины и следствия анализируемого

явления. Всё это в совокупности дало возможность решать поставленные в исследовании задачи и достичь заявленной цели работы.

Источниковая база исследования. В ходе подготовки диссертационного исследования был использован широкий спектр источников: законодательные и нормативные акты, материалы делопроизводства, источники личного происхождения, публицистические материалы, позволившие проанализировать политические и правовые особенности интеграционных процессов, происходивших на Северном Кавказе в XIX веке.

В массиве документальных материалов, на основе которых была осуществлена исследовательская работа и сделаны основные выводы и обобщения, важную роль сыграли сведения, полученные из архивных источников как столичного, так и регионального уровня.

В *Российском государственном военно-историческом архиве* вызвал интерес фонд 400 – Главный штаб (1866–1919 гг.), в котором содержатся материалы, позволяющие воссоздать картину осуществляемых российскими властями на Северном Кавказе административно-судебных преобразований. В фонде 414 – Военно-статистические, географические, топографические описания России по областям, краям, губерниям, уездам и наместничествам (1735–1914 гг.) были выявлены материалы, касающиеся особенностей отдельных частей Северного Кавказа, жизни и быта населявших его народов, их политических предпочтений. Фонд 846. Оп. 16 – Каталог Военно-учёный архив (1803–1892 гг.) содержит данные о текущей военно-политической ситуации в крае, о замыслах российского командования и особенностях их реализации на практике. Сведения из фонда 644 – Военная канцелярия при военном губернаторе Терской области (1787–1916 гг.) позволили раскрыть особенности трансформации экономического уклада горского населения, а вызванные этим социальные катаклизмы нашли отражение в фонде 1300 – Штаб Кавказского военного округа на театре военных действий (1819–1928 гг.). Фонд 13454 – Штаб войск в Кавказской линии и Черномории

расположенных (1771–1916 гг.) и фонд 14719 – Кавказская армия (1805–1902 гг.) – позволяет получить представление о том, как выстраивался диалог между имперскими властями и отдельными северокавказскими обществами, и о правах и обязательствах сторон.

В *Российском государственном историческом архиве* были использованы сведения, содержащиеся в фонде 268 – Департамент железнодорожных дел Министерства финансов (1860–1919 гг.). Они иллюстрируют специфику строительства сети коммуникаций в регионе, которые повлекли за собой важные изменения в процессе интеграции Северного Кавказа в состав Российского государства.

Специфика развития торговых отношений в исследуемый период, трансформирующихся по мере включения горских народов в общероссийский рынок, особенности финансовых операций нашли отражение в фондах 1268 – Кавказский комитет (1833–1882 гг.) и 1407 – Благотворительное общество чинов судебного ведомства (1894–1917 гг.).

Богатейший материал содержится в *Государственном архиве Краснодарского края*, в котором хранятся сведения о реализации экономических положений проектов кавказских администраторов на практике. В частности, был использован фонд 249 – Канцелярия наказного (войскового) атамана Черноморского казачьего войска (1776–1898 гг.), в котором освещаются хозяйственные процессы.

Из числа региональных архивов следует выделить *Государственный архив Ставропольского края*, материалы которого отличаются разнообразием и позволяют получить сведения в области административного управления горскими народами. Эти материалы были выявлены в фонде 87 – Канцелярия гражданского губернатора Кавказской губернии (1802–1822 гг.) и 128 – Кавказское губернское правление (1804–1822 гг.).

Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания вызвал интерес сведениями, позволившими получить представление о политических процессах, протекавших во второй половине XIX века на

территории Северного Кавказа, обусловленных завершением вооруженного противостояния и проведением «великих реформ» 60–70-х годов. В частности, были использованы фонды 55 – Походный штаб командующего войсками Терской области (1877–1879 гг.) и фонд 256 – Комиссия по правам личным и поземельным городского населения Терской области (1861–1877 гг.).

Основной массив источников составляют уже *опубликованные документы*. Большое значение имели материалы, представленные в «Полном собрании законов Российской империи», в котором нашла отражение законодательная основа преобразований, осуществлённых российскими властями в регионе¹⁶. Такого рода материалы публиковались и в отдельных изданиях и доводились до сведения заинтересованных сторон. Важную роль играли отчёты отдельных учреждений, которые демонстрируют различные аспекты интеграционных процессов¹⁷.

Внутренний пласт сведений хранят изданные в конце XIX века «Акты, собранные Кавказской Археологической комиссией»¹⁸, председателем которой до 1886 г. являлся историк-кавказовед Адольф Петрович Берже. Сведения, содержащиеся в данной серии документов, дают представление об истории народов Кавказа и иллюстрируют различные стороны имперской политики на Северном Кавказе в период правления того или иного кавказского наместника. В ходе исследования были также использованы подготовленные для императора отчёты и рапорты кавказских администраторов, начальников областей и наказных атаманов, отражающие официальное представление о протекавших на территории Северного

¹⁶ Полное собрание законов Российской империи с 1649 года (в дальнейшем ПСЗРИ). Санкт-Петербург, 1830. Т. XXII. С 1784 по 1788; ПСЗРИ. Собрание второе. Санкт-Петербург, 1858. Т. XXXII. Отделение первое. 1857; ПСЗРИ. Собрание третье. Санкт-Петербург, 1886. Т. III и др.

¹⁷ Всеподданнейший отчет Главнокомандующего Кавказской армией по Военно-народному управлению за 1863–1869 гг. Санкт-Петербург, 1870; Высочайшее повеление. О привлечении к отбыванию воинской повинности населения Закавказья и инородцев Терской и Кубанской областей. Тифлис, 1886; Кавказское краевое военно-народное управление. Всеподданнейший отчет Главнокомандующего Кавказской армией по Военно-народному управлению за 1863–1869 гг. Санкт-Петербург, 1870; Обзоры о состоянии Дагестанской области за 1892 год. Темир-Хан-Шура, 1893; Проект положения об устройстве аульных обществ Кубанской области // Памятная книжка Кубанской области на 1874 год. Екатеринодар, 1873; Учреждение управления Кавказского и Закавказского края. Тифлис, 1869 и др.

¹⁸ Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис, 1866–1904.

Кавказа процессах, а также результаты деятельности региональной администрации.

Важные сведения были получены из опубликованных воспоминаний современников, достаточно ёмко описавших происходившие в регионе события. В своих очерках авторы дают оценку предпринимаемым российским правительством шагам на Северном Кавказе и выдвигают альтернативные предложения по методам воздействия на местное население¹⁹. Особый интерес вызывают воспоминания противников России, представляющие собой альтернативную точку зрения на происходящие изменения²⁰.

В тематических сборниках документов объединены материалы, посвящённые отдельной теме, в том числе и по изучаемой в диссертационном исследовании проблеме²¹.

¹⁹ Абрамов Я.В. Кавказские горцы. (Из летних экскурсий) // Дело. 1884. № 1; Белозерская Н.А. Записки Ван-Галена // Исторический вестник. 1884. Т. XVI. Июнь; Бестужев-Марлинский А.А. Сочинения в двух томах. Т.2. Повести; Рассказы; Очерки; Стихотворения; Статьи; Письма. / Сост., подгот. текста; коммент. В.И. Кулешова. Москва: Художественная литература, 1981; Записки А.П. Ермолова 1798-1826 / Сост., подготовка текста, вступ. ст., коммент. В.А. Федорова. Москва: Высшая школа, 1991; Зиссерман А.Л. Кавказские воспоминания // Русский архив. 1885. № 1; Кавказские письма А.П. Ермолова М.С. Воронцову / Предисловие Я. Гордина. Комментарии, указатель Б.П. Миловидова. Санкт-Петербург: ЗАО «Журнал «Звезда», 2011; Медокс Р.М. Моё предприятие составить кавказско-горское ополчение в 1812 году // Русская старина. 1879. Т. XXVI. № 12; Милютин Д.А. Воспоминания. 1860–1862. Москва: «Редакция альманаха «Российский Архив», 1999; Он же. Воспоминания. 1863–1864 / Под ред. Л.Г. Захаровой. Москва: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003; Мнение адмирала Мордвинова о способах, коими России удобно можно привязать к себе постепенно кавказских жителей // Чтение в императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете. Москва, 1858. Октябрь – декабрь. Книга четвёртая; Торнау Ф. Ф. Воспоминания кавказского офицера. Майкоп: Полиграфиздат «Адыгея», 2008 и др.

²⁰ Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи о дагестанских войнах в период Шамиля / Перевод с арабского А.М. Барабанова, предисловие И.Ю. Крачковского. Москва, Ленинград: Изд-во АН СССР, 1941.

²¹ Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX – середина XX в.) / авт. коллектив. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011; Восстание дагестанцев и чеченцев в послешамилевскую эпоху и имагат 1877 года (материалы) / Сост. Т.М. Айтберов, Ю.У. Дадаев, Х.А. Омаров. Махачкала, 2001. н. I; Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50 гг. XIX века. Сборник документов. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1959; Документальная история образования многонационального государства Российского. В четырёх книгах. Книга первая. Россия и Северный Кавказ в XVI–XIX веках. Под общей ред. доктора юридических наук Г.Л. Бондаревского и кандидата юридических наук Г.Н. Колбая. Москва: Изд-во НОРМА, 1998; Между централизмом и регионализмом: административные преобразования на Центральном Кавказе в 70-х гг. XIX – начале XX в.: сборник документов / Сост., вступ. ст., коммент Е.И. Кобахидзе. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВЦ РАН и РСО-А, 2014; Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX вв.: сборник документов. Москва: Наука, 1988 и др.

Отдельно следует выделить публикации в периодической печати, которые позволяют понять, какие темы и как преподносились общественности и считались наиболее интересными²².

В качестве источника выступают литературные произведения, в которых отражались различные события и процессы, протекавшие в регионе в рассматриваемый период²³.

Научная новизна работы диссертационного исследования состоит в следующем:

Во-первых, в результате анализа проектов российской администрации по умиротворению Кавказа, показана роль субъективного фактора в выработке политического курса в регионе. Раскрываются обстоятельства применения мирного и военного инструментария по реализации поставленной цели интеграции региона в состав империи.

Во-вторых, рассмотрены военно-политические акции российских властей и характер участия горского населения в вооружённом противостоянии. Акцентируется внимание на расширении числа сторонников России среди горского населения по мере перехода стратегической инициативы к царскому командованию.

В-третьих, исследованы особенности правового оформления новых политических реалий и показано, что Кавказ переставал расцениваться как изолированный от остальных регионов империи край, становясь закономерной частью российского пространства с характерной ему «особостью».

В-четвертых, охарактеризованы основные направления трансформации экономики Северного Кавказа во второй половине XIX в. и установлено, что

---

²² Макаров Т. Шамиль – гражданский и военный правитель (Очерк из описания военного крыла) // Кавказ. 1859. № 94; Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах: Научно-популярный сборник. / Сост. Чибириков Л.А. Цхинвали: Ирыстон, 1982. Книга 2; Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах: Научно-популярный сборник. / Сост. Чибириков Л.А. Цхинвали: Ирыстон, 1989. Книга 4; Терский календарь на 1895 год. / Под ред. Г.А. Вертепова. Владикавказ, 1894. Вып. 4 и др.

²³ Лермонтов М.Ю. Сочинения в двух томах. Том первый. / Сост. и комм. И.С. Чистовой; Вступ. ст. И.Л. Андроникова. Москва: Правда, 1988; Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик: Книжное изд-во «Эльбрус», 1978; Хетагуров К. Полное собрание сочинений в 5-ти томах. / Составление, подготовка текста, комментарии и указатели З.Н. Суменовой. Владикавказ, 2000 и др.

традиционное хозяйство достаточно успешно адаптировалось к изменениям, связанным с распространением капиталистического способа производства. Наиболее успешно действовали те горские хозяйства, которые ранее уже успели интегрироваться в российский рынок и не имели сковывавших инициативу патриархальных предубеждений против новых способов организации трудовой деятельности.

В-пятых, раскрыты особенности адаптации традиционных для региона правовых институтов к имперским порядкам, что не только соответствовало задачам проводимой модернизации управления, трансформации социальных институтов и хозяйственного уклада местного населения, но и формировало у него новое мировоззрение с присущими российской государственности духовно-нравственными приоритетами.

В-шестых, установлено, что происходящие на Северном Кавказе общественно-политические катаклизмы были следствием реакции населения на ускоренные темпы модернизации, приводившие к вытеснению привычных форм мироустройства. Далекое не все готовы были принять новую модель миропорядка, считая, что они теряют больше, нежели получают взамен. Налицо был латентный раскол горского общества, крайним проявлением которого становились массовые волнения и распространение практики абречества. С этим боролись как имперские власти, так и та часть населения, которая успешно адаптировалась к новым реалиям.

Положения, выносимые на защиту:

1. На протяжении рассматриваемого периода главная задача российского правительства заключалась в нахождении наиболее эффективной модели управления Северо-Кавказским регионом и организации его правового статуса. Анализ проектов российской администрации по умиротворению Северного Кавказа показал, что политика российских властей на том или ином этапе освоения края во многом определялась взглядами местной администрации, представители которой зачастую имели противоположные представления о способах и формах

включения региона в состав империи. В целом же усиление позиций России в крае осуществлялось путём сочетания мирного направления и военной составляющей, что в результате привело к разработке единой и сбалансированной стратегии, позволившей завершить широкомасштабное военное противостояние.

2. Важным элементом планов по умиротворению Кавказского региона, реализуемых российским командованием, было применение силовых акций. Многообразие мнений и оценок высокопоставленных военных и чиновников свидетельствует о степени сложности задач, стоявших перед российскими властями. Осуществляемые усилия военно-силового характера подразумевали и проведение административных, судебных, переселенческих, культурных преобразований, которые в совокупности позволили разработать единую, достаточно сбалансированную стратегию и завершить вооруженное противостояние в регионе.

3. На протяжении исследуемого периода Северный Кавказ, как и другие окраины империи, фактически не входил в общую систему управления страной. В этой связи перед российскими властями вставала важнейшая задача по поиску такой формы присутствия на Кавказе, которая способствовала бы сохранению социально-политической стабильности в крае. По мере усиления тенденции к стандартизации административно-правового устройства окраин империи представителями центральной власти выражалось всё большее несогласие в отношении широкой автономии региональной администрации, тогда как кавказские представители власти указывали на необходимость увеличения объёма их полномочий. В результате влияния этих двух подходов трансформировались и формы взаимодействия между ними, постепенно вырабатывая модель, соответствующую задачам, решаемым империей на Кавказе.

4. Анализ социально-экономического развития народов края во второй половине столетия показал, что в пореформенный период процесс их интеграции в имперское пространство ускорился и уже не вызывал массового

отторжения, характерного для предшествующего периода. Продолжалось развитие привычных промыслов, большинство из которых начали ориентироваться на потребности рынка. Кроме того, стали появляться новые отрасли хозяйства, связанные в первую очередь с добычей и переработкой нефти. При этом присутствовали факторы, которые тормозили развитие перспективных отраслей. Среди них выделялись отсутствие квалифицированной рабочей силы, недостаточное финансирование и сложности в организации транспортной логистики.

5. В результате поиска приемлемого и эффективного управленческого компромисса была создана военно-народная система, которая учитывала как базовые принципы имперского порядка, так и традиции горского самоуправления. Исходя из особенностей менталитета местных народов, она фактически объединила законы империи с нормами адата и шариата, минимизируя вмешательство в уже сложившуюся и доказавшую свою жизнеспособность модель мироустройства. Успехи военно-народного управления породили иллюзию о возможности окончательном слиянии и унификации местной административно-судебной практики с общеимперской. В итоге наместничество было ликвидировано и учреждён пост главноначальствующего гражданской частью с полномочиями генерал-губернатора. Однако дальнейшие события показали ошибочность этого шага и необходимость восстановить наместничество.

6. Общественно-политические процессы, протекавшие на территории Северного Кавказа во второй половине XIX века, были обусловлены завершением вооружённого противостояния и проведением «великих реформ» 60-70-х годов, существенно изменивших жизненный уклад местного населения. В результате привычные для края проблемы (прежде всего, земельный вопрос) обострились и вызвали недовольство у части общества, видевшего в происходящем злой умысел со стороны российских властей и тех, кто их поддерживал. Однако их численность и сплочённость уже не достигали масштабов протестных движений первой

половины столетия. Кроме того, возросла поддержка имперской администрации со стороны тех горцев, которые успешно адаптировались к новым условиям и не желали возврата к старым порядкам.

Теоретическое и практическое значение работы состоит в комплексном анализе процесса интеграции населения Северного Кавказа в состав Российской империи. В ходе анализа предпринимаемых властями усилий были выявлены и особенности выстраивания взаимодействия между державными властными институтами и существующими в местной среде и основанными на обычаях способами регламентации жизненного уклада населения региона. Показана постепенная адаптация последнего к общеимперским порядкам.

Материалы диссертационного исследования могут быть использованы в ходе осуществления учебно-преподавательского процесса в высших учебных заведениях Российской Федерации, при подготовке специальных курсов, посвященных интеграции Северо-Кавказского края в состав Российской империи, при подготовке академических работ в области анализа политики, осуществляемой Российской империей на Северном Кавказе, а также при разработке отдельных практических подходов в административной деятельности, опирающейся на исторический опыт прошлого.

Степень достоверности и апробация результатов исследования. Основные результаты работы прошли апробацию в выступлениях с докладами на ежегодных международных, всероссийских и региональных научно-практических конференциях: Всероссийская научно-методическая конференция магистрантов, аспирантов и преподавателей с международным участием «Университетские чтения – 2023» (г. Пятигорск, 12–13 января 2023 г.) и «Университетские чтения – 2024» (г. Пятигорск, 11–12 января 2024 г.), Региональная межвузовская научно-практическая конференция молодых ученых, аспирантов и студентов «Молодая наука – 2023» (г. Пятигорск, 20–21 апреля 2023 г.) и «Молодая наука – 2024» (г. Пятигорск, 11–12 апреля 2024 г.), Международная научно-практическая конференция «Присоединение

Алании-Осетии к России» (к 250-летию вхождения Осетии в состав России) при поддержке фонда «История Отечества» (г. Владикавказ, 27–28 октября 2023 г.).

По материалам диссертационного исследования было подготовлено 10 публикаций, в том числе 4 – в журналах, входящих в список изданий, рекомендованных ВАК РФ. Общий объём публикаций – 5,14 печатных листов.

Соответствие диссертационного исследования паспорту научной специальности. Исследовательская работа выполнена в рамках специальности 5.6.1 – Отечественная история. Отрасль наук: исторические науки. Область исследования: п.2. – «Предпосылки формирования, основные этапы и особенности развития российской государственности»; п. 3. – «Социально-экономическая политика Российского государства и её реализация на различных этапах его развития»; п. 4. – «История взаимоотношений власти и общества, государственных органов и общественных институтов России и её регионов»; п.7. – «История развития различных социальных групп России, их политической жизни и хозяйственной деятельности»; п.8 – «Военная история России, развитие её Вооруженных сил на различных этапах развития»; п.10. – «Национальная политика Российского государства и её реализация. История национальных отношений»; п.15. – «Исторический опыт российских реформ»; п.16. – «Личность в российской истории, её персоналии».

Структура диссертации соответствует поставленной цели и сформулированным задачам. Исследование состоит из введения, двух глав, шести параграфов, заключения и списка источников и литературы.

ГЛАВА I. НАРОДЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В ИМПЕРСКОМ ПРОЕКТЕ РОССИИ

1.1. Замыслы по умиротворению Северного Кавказа в проектах русской администрации в первой половине XIX в.

Присоединение Северного Кавказа стало настоящим вызовом для русской практики государственного строительства. Нужно было адаптировать к условиям жизни в империи народы, не имевшие опыта державного сосуществования. Следовало разработать и начать внедрять такие элементы административного обустройства края, которые сделали бы из воинственных горцев лояльных подданных и искренних соотечественников²⁴.

Первое время приходилось активно использовать силовые инструменты воздействия на местные сообщества. Иные модели диалога были бы обречены на неудачу, т.к. не подкреплённые реальной силой институты не могли повлиять на людей, воспитанных в духе маскулинных ценностей. Не случайно, что первые административные центры располагались в военных укреплениях, с 1777 г. обозначивших русское пограничье²⁵. При этом Петербург настойчиво доводил до своих генералов мысль, что они не должны сводить взаимодействие с народами края исключительно к вооружённому противостоянию, напротив – надлежит искать возможность мирного сосуществования. Квинтэссенцией такого подхода можно считать слова императрицы Екатерины II, в своём указе от 28 февраля 1792 г. прямо указавшей, что одной силой оружия невозможно

---

²⁴ Григорян М. Р. Проекты русской администрации по «умиротворению» Кавказа в первой половине XIX в. // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9 (4). С. 549.

²⁵ Блиева З.М. Система управления на Северном Кавказе в конце XVIII – первой трети XIX в. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 1992. С. 15.

привлечь тех, кто всегда может скрыться в недоступных горах, поскольку привык к воинственному и связанному с самоограничениями образу жизни. Лишь правосудие и справедливость, кротость и милосердие смогут вызвать их доверие к российской власти²⁶. Приучая население к материальному благополучию, империя должна была изменить его самосознание, привить новые нравственные нормы²⁷. Следует подчеркнуть, что и в дальнейшем власть старалась придерживаться подобного подхода, недвусмысленно артикулируя это в различных указах и распоряжениях.

Отсюда и повышенное внимание к торговле, которая предоставляла возможность приобщиться к товарам и услугам, появившимся в жизни горцев благодаря России²⁸. Те общества, которые переселялись на равнины под защиту царских войск, пользовались различными преференциями и привилегиями со стороны администрации. Анализ замыслов правительства наглядно демонстрирует стремление кардинально поменять местную жизнь, внести в неё новые смыслы и практики.

Особое значение придавалось процессу урбанизации, когда полезным признавалось «заводить в близости подгорных народов нам подданных города, для обуздания своевольных и для надёжнейшего сохранения внутреннего в них порядка»²⁹. Обратим внимание на то, что здесь речь не шла о применении насилия. Горцы сами должны были убедиться в преимуществах предлагаемого им образа жизни, открыть и оценить предлагаемые перспективы. Данный проект, хотя и выходит за рамки обозначенного нами исторического периода, но важен для понимания сути тех подходов, которые будут выработаны в следующем XIX столетии и которые определяют фундаментальную основу российской политики в крае.

---

²⁶ Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX вв.: сборник документов. Москва: Наука, 1988. С.13.

²⁷ Акты собранные Кавказской археографической комиссией / под ред. А.П. Берже (В дальнейшем – АКАК). Тифлис: Типография главного управления Наместника Кавказа, 1868. Т. II. С. 1123

²⁸ Блиева З.М. Система управления на Северном Кавказе... С. 24.

²⁹ Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Санкт-Петербург, 1830. Т. XXII. С 1784 по 1788. С. 389.

Предлагаемые проекты не являлись догмой и подвергались корректировке. Российские власти должны были учитывать реакцию самих горцев как на внедряемые новации, так и на действия сопредельных держав, для которых усиление позиций северного соседа являлось вызовом и поводом к ужесточению соперничества. Отсюда и необходимость привлекать силовые инструменты для достижения поставленной цели – умиротворения новых территорий³⁰. Выбор способов достижения желаемого результата зависел от конкретно складывавшейся ситуации. Если военно-политические угрозы ослабевали, доминировали мирные методы, основанные на превалировании хозяйственных интересов³¹. Когда возникала опасность сохранению российского присутствия в крае, власти шли на решительное силовое подавление таких вызовов, временно сворачивая мирные инициативы, но полностью не отказываясь от них.

Хотя генеральная линия, определяющая выбранный политический курс империи в отношении Кавказа вырабатывалась в Петербурге, но она во многом зависела от рекомендаций и взглядов непосредственных представителей российской власти в регионе. Субъективный фактор нельзя игнорировать при рассмотрении обстоятельств воплощения на практике замыслов правительства, тем более что в столице принято было прислушиваться к мнению управляющих проблемной окраиной, зачастую вынужденных действовать автономно.

Одним из таких авторитетных деятелей, определившим специфику российской политики на Северном Кавказе в начале рассматриваемого периода, был князь Павел Дмитриевич Цицианов, который императорским указом от 11 сентября 1802 г. был назначен на должность инспектора Кавказской линии и главнокомандующего в Грузии. Ему пришлось действовать в крайне неблагоприятных обстоятельствах, что в немалой степени предопределило политические шаги этого генерала по отношению к

---

³⁰ Керсновский А.А. История русской армии: В 4-х томах. Москва: Голос, 1999. Т.2. С.95.

³¹ Гранкин Ю.Ю. Торгово-экономические связи России с народами Западного и Центрального Кавказа (конец XVIII – первая половина XIX вв.). Пятигорск: изд-во ПГЛУ, 2002. С. 187.

беспокойным горцам³². Далекое не случайно в его руках оказалась сосредоточена и военная, и гражданская власть, что позволило оперативно реагировать на быстро меняющиеся обстоятельства местной жизни³³. Такой принцип будет и в дальнейшем использоваться в крае, что наглядно продемонстрирует опыт наместничества.

Столкнувшись с экспансией лезгин на Грузию, П.Д. Цицианов вынужден был сосредоточить внимание на разработке военных планов по обеспечению безопасности этой части империи, а заодно и по нейтрализации угрозы со стороны персов. Не пренебрежение мирными методами, а необходимость защиты подданных императора толкали его на решительные, порой жесткие действия³⁴. Имея недостаток в средствах для пресечения горских набегов, генерал постарался использовать внутренние противоречия местных племён, переключить их внимание на междоусобицы и таким образом не допустить нападения на линию и на Закавказские владения России³⁵.

Помимо силового решения проблемы, важную роль в изменении нравов местных жителей должны были играть судебные институты, внедряемые имперскими властями. Немалое значение придавалось административному обустройству края, которое должно было наглядно демонстрировать все преимущества российской модели жизнеустройства³⁶. При этом князь явно не испытывал иллюзий в отношении сроков воплощения в жизнь предлагаемых им мер. Должны были смениться поколения, прежде чем можно было ожидать позитивного результата «перемены нравов и обычаев азиатских»³⁷.

---

³² Смирнов Ф. А. Краткая история Кавказа. Санкт-Петербург, 1901. С. 28 – 29.

³³ АКАК. Тифлис, 1868. Т. II. С. 919.

³⁴ Тучков С. А. Записки Сергея Алексеевича Тучкова, 1766-1808 / Под редакцией и с вступительной статьёй К.А. Военского. Санкт-Петербург: Типо-литография Т-ва «Свет», 1908. С. 207.

³⁵ АКАК. Тифлис, 1868. Т. II. С. 757, 778.

³⁶ Малахова Г.Н., Чегарнова В.Н. Исторические аналогии политики softpower на северном Кавказе (конец XVIII - XIX вв.) // Дискурс-Пи. 2014. №4. [Электрон. версия]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskie-analogii-politiki-soft-power-na-severnom-kavkaze-konets-xviii-xix-vv> (Дата обращения: 16.06.2022).

³⁷ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1268. Оп. 1. Д. 951. Л. 185.

Как представляется, в этих рассуждениях есть безусловное влияние проекта полковника Измаил-бея Атажукина, который, будучи на русской службе, стремился достичь сближения народов Кавказа с империей мирными средствами. Им была подготовлена соответствующая записка, весьма внимательно рассмотренная властью имущими, в том числе П.Д. Цициановым³⁸.

Если суммировать и обобщить предложения главнокомандующего, то они сводились к следующему: изменить традиционные способы социализации, основанные на культе маскулинности и силы, и, наконец, попытаться соединить местные социокультурные традиции и нормы с государственным законодательством. Однако выглядевшие вполне разумными на бумаге предложения оказались совершенно нереализуемыми на практике, тем более в условиях крайне неблагоприятной внешнеполитической конъюнктуры.

Исследователи обращают внимание на то обстоятельство, что нередко П.Д. Цицианов действовал вопреки указаниям Александра I. Местные реалии были таковы, что предлагаемые Петербургом методы решения проблемы не только не работали, но и приводили к ухудшению ситуации. Отсюда и расхождение столичных деклараций и действий решительного главнокомандующего³⁹.

При всех формальных разногласиях П.Д. Цицианов не выходил за рамки магистральной задачи, поставленной перед ним его сюзереном. Российский император требовал замирения Кавказа, распространения здесь державных порядков. Этому и посвятил свои заботы главнокомандующий, лишь временно вынужденный поменять приоритеты в выбранных способах воздействия на местные племена⁴⁰. Пока горцы не могли считаться верноподданными, генерал старался не допустить их консолидированных

---

³⁸ Лапин В.В. Цицианов. Москва: Молодая гвардия, 2011. С. 323–326.

³⁹ Гордин Я. Кавказ: земля и кровь. Санкт-Петербург: Журнал «Звезда», 2000. С.96 – 97.

⁴⁰ Гапуров Ш. Кавказская политика России в период наместничества П.Д. Цицианова (1802—1806 гг.). [Электрон.версия]. URL: <https://kvkz.ru/history/3422-kavkazskaya-politika-rossii-v-period-namestnichestva-p-d-cicjanova-1802-1806-gg.html> (дата обращения: 10.01.2022).

антироссийских действий, стараясь «...отвращать между ними всякое единомыслие»⁴¹.

Не следует считать Александра I человеком, не способным менять свои планы и заложником доктринёрства. Его позиция лишь казалась непоследовательной и противоречивой. Выслушивая разумные доводы, он готов был менять свою позицию в решении проблемы, впрочем, скорее тактически, нежели стратегически. Отсюда кажущаяся непоследовательность в проводимом политическом курсе, когда на смену плану дипломата С.Л. Лашкарева о создании федерации кавказских владений приходит проект А.П. Тормасова о сближении Российской империи с кавказскими народами посредством развития торгово-экономических отношений с ними. Все они основывались на принципе «кроткого» убеждения горцев в целесообразности мирного сосуществования с русскими. Но, как показали дальнейшие события, такие надежды были несбыточны и оторваны от понимания реалий северокавказской повседневности.

Не желая отказываться от романтического восприятия Востока, император требовал по отношению к горцам «ласковости» и справедливости. Он не пытался сделать виновной лишь одну сторону исторического диалога жителей Северного Кавказа. Александр признавал, что причиной конфронтации могут быть действия его собственных чиновников и поселян, которые, совершая притеснения горцев, настраивают их против российских порядков и лишают «всякой доверенности»⁴². Но, как лицо, облечённое огромной властью и не меньшей ответственностью за судьбы своих подданных, он вместе с тем призывал наказывать горцев репрессалиями в случае оказания неповиновения⁴³.

Противоречивость в оценке местных реалий встречалась в правительственных циркулярах повсеместно. Так, уповая на эффективность работы приставов, которые должны были назначаться в качестве

---

⁴¹ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф.414. Оп. 1. Д.305. Л.23.

⁴² АКАК. Тифлис, 1868. Т. II. С. 9.

⁴³ Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 249. Оп. 1. Д. 417. Л. 123.

контролирующего органа у местных народов, император одновременно требовал не вмешиваться в их жизнь. Как при этом добиться положения, когда «они не позволяли себе ничего вредного», он не конкретизировал⁴⁴. Мягкость Петербурга стоила крови и разорения жителям пограничья, для которых непрестанные набеги сделались тягостной обыденностью. Найти твёрдую грань между необходимым применением силы и чрезмерным насилием было непросто. Кавказское командование оказалось в весьма двусмысленной ситуации, прекрасно понимая, что в случае ошибки Петербург назначит главным виновником именно его. Отсутствие чётких критериев, регламентирующих действия имперской власти на Кавказе, долгое время будет мешать выстраивать эффективную политику в крае⁴⁵.

Новый командующий А.П. Ермолов в 1816 г. назначенный управлять Кавказом, сделал ставку на силовую практику воздействия на местные народы. Он предложил перенести линию укреплений ближе к подошве гор и вытеснить воинственных и не соблюдающих договорённости горцев в бесплодные земли. Они должны были либо подчиниться российским порядкам, либо подвергнуться разорению и разгрому. Новым рубежом определялась река Сунжа, где появилась крепость Грозная как символ нового стратегического плана по подчинению «немирных» племён⁴⁶.

Как и его предшественники, новый командующий не был обделён столичными рекомендациями и проектами, подготовленными, к слову, вполне компетентными администраторами. Так, А.П. Ермолову вручили «Мнение о способах, коими России удобнее можно привязать к себе постепенно кавказских жителей, чем покорять их силой оружия»⁴⁷. Разработчиком данного проекта стал известный своими либеральными

⁴⁴ АКАК. Тифлис, 1868. Т. II. С. 9.

⁴⁵ АКАК. Тифлис, 1866. Т. I. С. 567.

⁴⁶ Зиссерман А. История 80-го пехотного Кабардинского генерал-фельдмаршала графа Барятинского полка (1726–1880). Санкт-Петербург, 1881. Т. I. С. 333.

⁴⁷ Мнение адмирала Мордвинова о способах, коими России удобно можно привязать к себе постепенно кавказских жителей // Чтение в императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете. - Москва, 1858. - Октябрь – декабрь. - Книга четвёртая. - С. 109–112.

взглядами адмирал Николай Семенович Мордвинов⁴⁸. Предложения адмирала сводились к отказу от применения силы и оказания давления на горцев. Предлагалось развитие торговых отношений с ними, преподнесение подарков для знати с целью создания у них новых потребностей, организация общих праздников, открытие учебных заведений, посредством которых появилась бы возможность обучать и приобщать детей знати к имперской культурной традиции. При этом обязательным условием выступал учёт присущих северокавказским народам обычаев.

Рассуждения адмирала в целом соответствовали идеалам эпохи Просвещения, порождением которой он и являлся. Очевидно, что такие предложения импонировали и императору, который не желал отказываться от своих прежних воззрений на кавказскую проблему. Имеющему серьёзный кредит доверия Александра I «проконсулу Кавказа» тем не менее давали понять, что ждут от него не столько военных побед, сколько мирного обустройства края. И генерал, которого не раз будут обвинять в злоупотреблении силой, на практике никогда не отказывался от попыток ненасильственного воздействия на горцев, пытаясь наглядно демонстрировать все преимущества добрососедского сосуществования в рамках многонародного государства⁴⁹.

Непосредственно ознакомившись с ситуацией на месте, он пришёл к выводу, что попытки сохранить автономию горцев в рамках общероссийских государственных порядков тщетны. Более того – они вредят интеграции региона в состав России. Отсюда последовательное наступление на права местных ханств и вольных обществ, на которые начинает распространяться действие имперского законодательства⁵⁰.

---

⁴⁸ Яндарова А. Х.-А. Первые проекты хозяйственно-экономического развития народов Северного Кавказа в составе России // Россия и Северный Кавказ (проблемы историко-культурного единства). Грозный, 1990. С. 60-65.

⁴⁹ Клычников Ю.Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827–1840 гг.). Пятигорск: ПГЛУ, 2002. С. 237

⁵⁰ Баддели Д. Завоевание Кавказа русскими. 1720–1860 / Пер. с англ. Л.А. Калашниковой. Москва: ЗАО Центрполиграф, 2007. С. 89.

А.П. Ермолов был убеждён, что за сохранение своей легитимности местные владетели должны будут заплатить абсолютной лояльностью империи. Генерал решительно вмешивался в местные династические споры и оказывал поддержку только тем претендентам на власть, кто готов был делами подтвердить верность русскому престолу. Но такие меры касались исключительно «старой» знати, уже сформировавшейся на Кавказе⁵¹. Вместе с тем здесь начались процессы выдвижения новых лидеров из числа узденской среды, которые, благодаря своим личным качествам, рассчитывали повысить собственный социальный статус. Россия, которая становилась преградой на этом пути, начинала восприниматься враждебно, тем более что она последовательно вела борьбу против традиционного уклада горцев, в частности, наказывала за набеги. Довольно скоро против неё сплотятся многочисленные силы недовольных навязываемыми порядками. Они получают новую идеологию в виде мюридизма, придавшую их действиям признаки религиозной «святости».

Очень скоро А.П. Ермолов убеждается, что все прежние декларативные и лишённые конкретики планы не могут решить поставленной Петербургом задачи. Да и наличных сил для эффективной обороны было явно недостаточно⁵². Отсюда склонность генерала к наступательным действиям, стремление выйти на такие рубежи, которые позволят минимальными средствами добиваться существенных результатов⁵³. Пожалуй, А.П. Ермолов стал одним из первых российских главнокомандующих и администраторов, который попытался придать политическому курсу, проводимому на Кавказе, упорядоченность и системность, что в итоге и привело к победному результату. Но такой подход генерала заставил историков сформулировать вопросы, на которые и поныне отсутствуют однозначные ответы: «...был ли

---

⁵¹ Блиев М. М., Дегоев В.В. Кавказская война. М.: Росет, 1994. С. 161.

⁵² Омаров А.С. Становление российского управления на Северо-Восточном Кавказе в конце XVIII начале XIX века // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2009. № 93. [Электрон. версия]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-rossiyskogo-upravleniya-na-severovostochnom-kavkaze-v-kontse-xviii-nachale-xix-veka> (дата обращения: 19.06.2022).

⁵³ Уманец Ф.М. Проконсул Кавказа: Ист. монография: С портретом А.П. Ермолова и его почерком. Санкт-Петербург: тип. И.Г. Ватсар, 1912.С. 50.

он неумолим именно настолько, насколько это необходимо, чтобы поразить воображение горца и, приведя в трепет непокорные племена, смирить Кавказ, или, в этом случае, перешёл пределы человечности и благоразумия?»⁵⁴.

Как уже отмечалось выше, главнокомандующий решил отказаться от эпизодических походов – своеобразного «военного акционизма», не приносившего реальных результатов, но зато становившегося поводом для «сочинения пышной реляции» отдельных генералов-карьеристов⁵⁵. В отличие от них А.П. Ермолов не собирался углубляться в лесистые горы, где неприятель мог в любой момент атаковать его солдат и столь же легко выйти из боя, если оказывался слабее. Предполагалось ударить по хозяйственной базе «немирных» горцев, лишить их возможности заниматься земледелием и скотоводством и вынудить под угрозой голода прекратить набег. Отметим, что такой замысел первоначально «проговаривался» в частной переписке, а уже потом лёг в основу официальных докладов императору.

Ещё одной важной составляющей плана были шаги по казачьей колонизации этих земель, что позволяло организовать надёжную охрану формируемого фронта, в сочетании с прикрытием границы силами армейских гарнизонов, размещённых в крепостях. Сам А.П. Ермолов считал себя продолжателем начинаний П.Д. Цицианова, который уже предлагал подобные меры для умиротворения беспокойных горцев⁵⁶.

Как только генерал выполнил важную дипломатическую миссию в Персии и убедился в отсутствии в ближайшей перспективе угрозы нападения со стороны сопредельных держав, он предоставил Александру I развёрнутый план действий на Северном Кавказе, где пошагово расписал, что собирается предпринять и какие ждёт от этого результаты. Выход на линию реки Сунжи предполагалось дополнить последующими шагами в сторону реки Сулак. Важную роль играло и установление контроля над Кабардой. Это разрывало

⁵⁴ Уманец Ф.М. Проконсул Кавказа: Ист. монография: С портретом А.П. Ермолова и его почерком. Санкт-Петербург: тип. И.Г. Ватсар, 1912. С. 50–51.

⁵⁵ Письма Алексея Петровича Ермолова к Арсению Андреевичу (впоследствии графу) Закревскому // Сборник императорского русского исторического общества. Санкт-Петербург, 1890. Т.73. С. 210.

⁵⁶ Омельченко И.Л. Терское казачество. Владикавказ: Ир, 1991. С. 110-111.

её связь с закубанскими черкесами, в рассматриваемый период являвшимися формальными подданными османского султана, но фактически никому не подчинявшимся. Ситуация в северо-западной части Кавказа оставалась сложной. Внешнеполитические преграды не позволяли действовать здесь так, как планировалось поступать в Чечне и Дагестане. Тем не менее А.П. Ермолов рассчитывал путём укрепления пограничной стражи обеспечить защиту поселян от нападений воинственных «набежчиков»⁵⁷.

Речь не шла о простом фортификационном обустройстве границы. Этого было явно недостаточно для эффективной обороны. Убедившись, что турецкие власти не могут или не хотят влиять на горцев, генерал отдаёт приказ о преследовании партий грабителей на сопредельной территории⁵⁸. Здесь его не останавливали возможные дипломатические осложнения между Петербургом и Стамбулом. Всегда можно было сослаться на невыполнение турецкой стороной своих обязательств по обузданию собственных подданных.

Что касается деятельности иностранных эмиссаров, которые склоняли горцев на вооружённую борьбу против русских, то это являлось неизбежным злом, добиться абсолютного искоренения которого Петербург не мог. Но пока дело не дошло до новой войны с персами и османами, такие подрывные действия не могли серьёзно поколебать позиции России⁵⁹.

Местные сообщества были достаточно прагматичны для того, чтобы действовать в интересах других держав, подвергая себя опасности «репрессалий» со стороны империи. Их набеги имели скорее промысловое, нежели политическое значение, что, впрочем, также приводило к эскалации взаимного недовольства⁶⁰.

---

⁵⁷ Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50 гг. XIX века. Сборник документов. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1959. С. 23–26.

⁵⁸ Записки А.П. Ермолова 1798–1826 / Сост., подготовка текста, вступ. ст., коммент. В.А. Федорова. Москва: Высшая школа, 1991. С. 302.

⁵⁹ Ионисиани А.З. Кавказ во внешней политике России в начале XIX в. // Ученые записки МГПИ. 1946. Т. XXXVII. С.160.

⁶⁰ Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Ртищев и Ермолов. Санкт-Петербург, 1888. Т. 6. С.133-135.

Не испугался главнокомандующий и «моровой язвы», как в XIX в. называли чуму, которая нередко заносилась в российские пределы с юга и от которой пытались защититься системой карантинных, также реконструированных по приказу А.П. Ермолова в приграничных землях⁶¹.

Роль карантинных нельзя сводить исключительно к потребностям армии. Они создавались, прежде всего, для налаживания регулярных торговых операций с горцами. Власти старались придать им организованность и подчинить интересам проводимой в крае политики. Это, с одной стороны, повышало уровень безопасности в пограничье, но с другой – создавало препоны для коммерческой деятельности. В планах А.П. Ермолова была задача максимально способствовать деятельности торговцев, так как он считал такие шаги важным элементом по мирному урегулированию имеющихся противоречий между имперской администрацией и горцами⁶².

При всех крайностях проводимого им военно-политического курса нельзя сводить усилия главнокомандующего исключительно к силовым акциям. Они могли доминировать в выборе средств генерала, но отнюдь не исчерпывали многогранную палитру нюансов его воздействия на ситуацию в регионе. Далекое не случайно то, что именно в ермоловское время были разработаны «Правила для торговых сношений с черкесами и абазинцами», с помощью которых правительство надеялось повлиять на нравы воинственных горцев⁶³. Действовало особое Попечительство во главе с Р.А. Скасси, курируемое Министерством иностранных дел, которое, к сожалению, больших успехов, достичь не смогло⁶⁴.

Отдельного внимания заслуживает борьба российской власти с работоторговлей. Это был тот вид деятельности, который однозначно осуждался царской администрацией, и потому делалось всё для пересечения

---

⁶¹ Клычников Ю.Ю. Деятельность А.П. Ермолова на Северном Кавказе (1816–1827) / Под редакцией и с послесловием В.Б. Виноградова. Ессентуки, 1999. С. 50–54.

⁶² Грабовский Н.Ф. Присоединение Кабарды к России и ее борьба за независимость // Сборник сведений о Кавказских горцах. Тифлис, 1876. Вып. IX. С. 192.

⁶³ АКАК. Тифлис, 1875. Т. VI. Ч. II. С. 484.

⁶⁴ АКАК. Тифлис, 1875. Т. VI. Ч. II. С. 485–486.

данного вида коммерции⁶⁵. Дело было не только в моральном осуждении практики торговли «живым товаром», претившим культурно-историческим традициям большинства российских подданных. Следует учитывать, что выстроенные работорговцами каналы взаимодействия с турецкими покупателями использовались Османской империей в политических целях. С их помощью турецкие эмиссары подстрекали горцев на борьбу с Россией, провоцировали разорительный и бесчеловечный набеговый промысел⁶⁶.

В силу геополитических реалий первой четверти XIX в. А.П. Ермолов был ограничен в своих возможностях по пресечению работорговли. Это прослеживается и в тех планах, которые разрабатывались главнокомандующим. Там мы не находим сколько-нибудь чётко артикулированных предложений по данной теме. Но в дальнейшем мы видим повышенное внимание к решению этого вопроса преемниками «проконсула», разработавшими, в частности, план морской блокады Черноморского побережья по пресечению контрабандной торговли «живым товаром».

Победа над Турцией и подписание Адрианопольского мирного договора 1829 г. открывали новые возможности по обустройству северокавказских владений. Теперь диалог с проживавшими здесь племенами становился исключительно внутренним делом Российской империи, что не могло не отразиться на её планах и их практической реализации. Нам представляется, что сами подходы по умиротворению края уже были определены, но нуждались в уточнении. Они сводились к сочетанию военно-политических шагов по «усмирению непокорных», то есть недоговороспособных и не желающих идти на компромисс горцев, и широкого спектра мер по вовлечению местных народов в экономические и социокультурные процессы, инициированные империей на новых территориях.

---

⁶⁵ Клычников Ю.Ю. Цыбульникова А.А. «Так буйную вольность законы теснят...»: борьба российской государственности с хищничеством на Северном Кавказе (исторические очерки) / под ред. и с предисловием Б.В. Виноградова. Пятигорск: Рекламно-информационное агентство на Кавминводах, 2011. 256 с.

⁶⁶ Гранкин Ю.Ю. Торгово-экономические связи России... С. 127.

Найти идеальное соотношение этих, на первый взгляд, взаимоисключающих подходов было затруднительно, если вообще возможно. Отсюда и мнения современных историков о царских властях, которые, по их мнению, «совершали ошибки» и недопустимые колебания в своих действиях⁶⁷.

Чаще всего бытует мнение, что после отставки А.П. Ермолова были допущены грубые просчёты, приведшие к утрате многих достижений генерала. Лишь с прибытием на Кавказ в 1845 г. М.С. Воронцова вновь происходит возвращение к «правильному» курсу, предложенному Алексеем Петровичем. При этом игнорируется принципиальное изменение ситуации в «горском мире», где в силу объективных причин произошла настоящая социальная революция, приведшая к смене элиты и вдохнувшая новый потенциал в набеговую традицию.

Уже дореволюционные авторы высказывали немало критических замечаний в адрес И.Ф. Паскевича, к которому А.П. Ермолов испытывал личную неприязнь. Субъективный фактор, безусловно, следует учитывать при оценке шагов преемника (с 1827 года) «проконсула», докладывавшего царю, что на Кавказе столкнулся с отсутствием порядка и нерешительностью власти. Вряд ли такие утверждения справедливы на фоне тех достижений, которые, без сомнений, были связаны с именем А.П. Ермолова.

В качестве альтернативы стратегии пошаговых действий новый главнокомандующий собирался одним ударом разгромить «непокорных». И.Ф. Паскевич вполне мог испытывать заслуженную эйфорию после побед над персидскими войсками. Горцы на их фоне не выглядели серьёзным противником. Считалось, что они не способны к консолидированным действиям, потому что «не зависели ни от какой власти»⁶⁸. Пока на юге под рукой у генерал-фельдмаршала были войска, освободившиеся после

---

⁶⁷ Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. Статьи, очерки, эссе. М.: Русская панорама, 2001. С.74; Парова Л.М. К истории разработки планов покорения кавказских горцев российским царизмом // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 1993. №3. С.56.

⁶⁸РГВИА. Ф.846. Оп.16. Д.6245. Л.82.

победной кампании, он мог совершить масштабное вторжение в горские земли и принудить их к подчинению⁶⁹.

Считается, что осуществлению этого замысла помешали волнения в Польше, куда спешно был отправлен любимец нового императора Николая I. Но, как нам представляется, и сам И.Ф. Паскевич очень быстро понял тщетность своего плана. Будучи профессионалом в своём деле, он не мог не убедиться в бесплодности попыток настичь горцев в труднодоступных горно-лесистых местах, которые они, в отличие от царского командования, прекрасно знали и потому всегда могли скрыться с семьями от преследования. В пользу этого рассуждения говорит тот факт, что, уезжая с Кавказа, генерал-фельдмаршал отдал приказ перейти к глухой обороне, не пытаясь действовать с помощью эпизодических вылазок, которые заканчивались неоправданными потерями в войсках.

Но и утрата инициативы была не лучшим выходом в сложившейся ситуации. Это привело лишь к тому, что отряды «набежчиков» активизировали грабительские нападения на Линию. Никакая охрана границы не могла гарантировать своевременное недопущение прорывов их стремительных и умеющих прекрасно маскироваться партий. Российской армии, которая готовилась к борьбе с регулярными войсками, только предстояло научиться действовать не хуже своего противника, опытного в ведении «малой войны».

Сложность выстраивания диалога объяснялась тем, что Россия и горцы не признавали переговорных правил и традиций друг друга. Дипломатия государства оказалась бессильна воспринять логику, предлагаемую традиционным обществом. Соответственно и противоположная сторона не принимала доводы своего визави. Исторические партнёры долго не могли бы найти точки соприкосновения. Так, горцы, считавшиеся в международной дипломатии подданными султана, компромисс категорически отвергали.

---

⁶⁹ Потто В.А. Кавказская война: В 5 томах. Том 5. Время Паскевича, или Бунт Чечни. Москва: Центрполиграф, 2006. С. 6.

Широко известен случай, когда на попытки объяснить им факт передачи султаном власти над черкесами русскому государю, они предложили поймать упорхнувшую птицу, которую в насмешку «подарили» царскому генералу⁷⁰.

Данное обстоятельство следует учитывать, оценивая последующие предложения, как звучавшие в правительстве, так и приходившие непосредственно с Кавказа. Нередко они были сформулированы людьми, пусть эрудированными и имевшими богатый военно-административный опыт, однако отличавшимися поверхностным представлением о крае. К их числу можно отнести барона Г.В. Розена, который занимал пост главы российской администрации в регионе с 1831 по 1837 г. Ему сразу пришлось решать множество сложных вопросов, которые были связаны с повышением активности сторонников набиравшего популярность движения мюридизма. Отметим, что никто из его предшественников не имел опыта действий в подобной ситуации, а потому обвинять Григория Владимировича в халатности и безрассудстве, спровоцировавших всплеск насилия в крае, на наш взгляд, неправильно.

Сформулированные бароном задачи принципиально не расходились с теми, которые решали и до него. К числу приоритетов ставилась оборона Кавказской линии, контроль над Закавказскими владениями империи и всемерное поощрение торговли в крае⁷¹. Внешне логичные положения при ближайшем рассмотрении оказывались весьма уязвимы, т.к. ситуация в крае с каждым годом всё больше обострялась, а прежние методы не действовали. К примеру, он предполагал усмирять «немирных» горцев только масштабными экспедициями, резонно опасаясь, что небольшие отряды преследователей сами могут быть подвержены истреблению. Опытные кавказские офицеры прекрасно знали цену таким операциям. Отряд мог достичь любой обозначенной командованием точки, но при этом ни разу не вступить в прямое боестолкновение с неприятелем. Теряя личный состав в

---

⁷⁰ Торнау Ф. Ф. Воспоминания кавказского офицера. Майкоп: Полиграфиздат «Адыгея», 2008. С. 5–6.

⁷¹ Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50 гг. XIX века. С. 103–104.

засадах, мастерски организованных горцами, такие силы в лучшем случае сжигали пустые постройки селения и возвращались обратно.

Учитывая возросшее число враждебных аулов, Г.В. Розен не оставлял надежды уменьшить ряды неприятеля за счёт подкупа местных лидеров и повышения благосостояния «мирных» обществ, не принимавших участия в нападениях на русских.

В целом план был написан «по мотивам» рекомендаций И.Ф. Паскевича, авторитет которого в глазах Николая I был огромен. При всём желании командующий Отдельным Кавказским корпусом не мог выйти за пределы чётко очерченных ему из Петербурга полномочий⁷². До начала 1834 г. он лишь реагировал на то и дело возникавшие угрозы горских нападений, которые пока не достигли катастрофического масштаба. Как правило, репрессалии были обращены против наиболее враждебных обществ, на примере участи которых власти пытались утратить прочих недоброжелателей⁷³. Видя отсутствие зримого результата, Г.В. Розен предложил активизировать действия и наладить сеть коммуникаций между новыми и старыми российскими укреплениями⁷⁴. Но это был скорее паллиатив, а потому его результаты оказались весьма скромными и не устроили правительство.

Между тем в поиске выхода из сложившейся «тупиковой ситуации» принимали участие самые разные представители российской власти. Исследователи обращают внимание на тот факт, что среди них были и выходцы из самой горской среды, которые нашли себя на службе империи. Так, уроженец Дагестана поручик Мирза Магомедов предлагал сосредоточиться на популяризации земледельческих занятий и поощрять промышленные и торговые усилия местных народов, учреждение ими

---

⁷² Климан-фон Ф. Война на восточном Кавказе с 1824 по 1834 г. в связи с мюридизмом // Кавказский сборник. Тифлис, 1894. Т. XV. С. 507, 519.

⁷³ Документальная история образования многонационального государства Российского. В четырёх книгах. Книга первая. Россия и Северный Кавказ в XVI-XIX веках. Под общей ред. доктора юридических наук Г.Л. Бондаревского и кандидата юридических наук Г.Н. Колбая. Москва: Изд-во НОРМА, 1998. С. 534.

⁷⁴ Там же. С. 541.

мануфактур и фабрик. Обращает на себя внимание предложение офицера по поддержке социальных низов в горских обществах, что давало возможность приобрести надёжных союзников в борьбе против «ветреной» знати. Отмечалась важность соблюдения законности по отношению к новым подданным русской короны. М. Магомедов критиковал существующую практику бесплатной реквизиции продовольствия, которую проводили отряды, отправлявшиеся в экспедицию против «немирных» племён. Такие проекты рассматривались командованием, но учитывая наивность многих пожеланий и предложений, как правило, до практической реализации не доводились⁷⁵.

Большим авторитетом среди кавказских военных пользовался А.А. Вельяминов, заслуженно считавшийся не только успешным теоретиком, но и практиком «малой войны». Его ценил А.П. Ермолов, мнение которого на ситуацию в крае генерал Вельяминов разделял и чьи планы по усмирению враждебных племён поддерживал. Он излагал свою позицию в скрупулёзно проработанных планах, которые готовил по приказу вышестоящего руководства. В них он, невзирая на авторитеты, обозначал собственную позицию, зачастую расходившуюся с мнением Петербурга.

Успешность набегов горцев А.А. Вельяминов связывал с их высокой мобильностью. Конные отряды могли не только обходить заставы, и прорываться в незащищённые тыловые районы, но и уходить от преследования с захваченной добычей. Генерал предлагал занять казачьими поселениями места «изобилующими пастбищами» и таким образом лишить «набежчиков» их преимущества⁷⁶. Предполагалось учредить 34 новые станицы, которые при поддержке регулярной армии могли обеспечить устойчивость обороны непрерывно усиливавшейся кордонной Линии. Привлекать к этому планировали уже опытных казаков, которые знали

---

⁷⁵ Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI–XIX веках. Москва: Издательство социально-экономической литературы, 1958. С. 190–191.

⁷⁶ Вельяминов А.А. Способ ускорить покорение горцев (Мемория генерал-лейтенанта Вельяминова, представленная в 1828-м году) // Кавказский сборник. Тифлис, 1883. Т. VII. С. 67.

специфику «малой войны» и были знакомы с тактикой горских отрядов. Их должно было быть не менее половины от общего числа колонистов. Их опыт могли перенимать новопоселенцы. Увеличившееся число казаков позволяло не только обеспечить мир на Северном Кавказе, но при необходимости опытных воинов можно было привлекать и для участия во внешних войнах Российской империи⁷⁷.

Таким образом, план А.А. Вельяминова был рассчитан на получение стратегического военно-демографического результата. Это было качественно новое осмысление ситуации в крае. Власти уже не рассчитывали только на успех в переговорах с воинственными обитателями гор. Они стремились насытить регион лояльным населением, чей образ жизни в перспективе должен был оказать благотворное воздействие и на местные народы.

Предложения соратника «проконсула Кавказа» шли в разрез со стратегией глухой обороны И.Ф. Паскевича. Мы можем условно обозначить её как «наступательную постепенность», призванную стеснять «немирные» племена, вынуждая их либо всё дальше уходить в бесплодные горы, либо, признав власть России, переселяться на контролируемые ею земли на плоскости. В этом же ключе рассуждал и инженер-подполковник Бюрно. Но, в отличие от А.А. Вельяминова, он хотел добиться результата силами регулярной армии, а не казаков⁷⁸. Алексей Александрович подверг критике этот дорогостоящий и не суливший желаемого результата подход, настаивая на собственных предложениях⁷⁹.

Он высказался и по поводу совершаемых против горцев военных экспедиций, подчеркнув их безальтернативность, и мотивировал печальные последствия для безопасности Линии в случае прекращения репрессалий⁸⁰.

⁷⁷ Вельяминов А.А. Способ ускорить покорение горцев (Мемория генерал-лейтенанта Вельяминова, представленная в 1828-м году) // Кавказский сборник. Тифлис, 1883. Т.VII. С. 77.

⁷⁸ Бюрно. Кавказская оборонительная Линия // Кавказский сборник. Тифлис, 1883. Т.VII. С.51–54.

⁷⁹ Вельяминов А.А. Замечания на меморию подполковника Бюрно // Кавказский сборник. Тифлис, 1883. Т.VII. С. 59–66.

⁸⁰ Вельяминов А.А. Замечания на письмо главнокомандующего армиею к военному министру от 27 июля 1832 года № 67 // Кавказский сборник. Тифлис, 1883. Т.VII. С. 78.

По мере разрастания боевых действий из планов либо полностью исчезали, либо существенно сокращались рассуждения о благотворном воздействии торговых, культурных и тому подобных связей с «немирными» племенами и появлялось больше военно-политических разработок, направленных на ликвидацию экономической базы горского набегового экспансионизма. Но Петербург не готов был нести существенные материальные издержки в своей кавказской политике. А меры, которые предлагались авторами таких планов, сулили существенные финансовые затраты. Не обошлось бы и без ощутимых людских потерь.

В этом кроется отрицательная реакция Николая I на предложения Е.А. Головина, сменившего в 1838 г. на посту утратившего доверие императора Г.В. Розена. Новый командующий выступал за рубку просек и прокладку новых дорог, возведение укреплений в землях неподконтрольных горских обществ, организацию походов к тем селениям, жители которых обвинялись в нападениях на подданных империи. К этим мерам Е.А. Головин добавлял и вполне мирные инструменты взаимодействия с народами региона – базары при русских крепостях, открытие учебных заведений, рассчитанных на мусульманскую специфику обучающихся, поощрение местного самоуправления, укомплектованного из числа самих горцев⁸¹.

Император считал, что вмешательство в жизнь народов Кавказа будет иметь негативные последствия. Уже сформировавшийся и доказавший свою жизнеспособность механизм существования не следует трогать. Нужно лишь доказать горцам, что Россия желает наладить с ними мирное взаимодействие, а план Е.А. Головина помешает этому⁸². То, что горцы воспринимают российских поселенцев как объект своего набегового промысла, и это тоже часть их традиционного уклада, в далёкой столице долго понять не могли. В правительстве предпочитали списывать имеющиеся столкновения на «нерадивость» исполнителей царской воли.

---

⁸¹ Блиев М. М. Россия и горцы Большого Кавказа на пути к цивилизации. Москва: Мысль, 2004. С. 355.

⁸² Рагузов А.В. М. М. Блиев о российских проектах покорения народов Кавказа (XIX в.) // Омский научный вестник. 2010. № 3 (88). С. 46.

Ожесточённость противоборства на Кавказе в 40–50-е гг. XIX в. постепенно достигала своего апогея. Но даже в такой ситуации в проектах замирения региона мы не находим предложений свести всё исключительно к силовым способам. Генералы, которые в силу своей профессиональной специфики, казалось бы, должны уповать лишь на силу оружия, каждый раз предлагали невоенные способы изменения существующего положения, ратуя за экономическую инкорпорацию местных племён в имперский рынок, настаивая на воспитательных способах влияния на горское юношество. Даже среди враждебно настроенных сообществ искали те, кто готов к сотрудничеству, предлагали создавать под них органы власти, обещая широчайшую автономию и ограничивая свой контроль обычным наблюдением. Представители царской администрации выступали за всевозможные экономические преференции в отношении народов края. Казна должна была преследовать цель не получить прибыль, а завоевать симпатии воинственных обитателей гор.

Примечательно, что с такими проектами выступали люди, которых нельзя заподозрить в излишней мягкости. Речь идёт об адмирале Л.М. Серебрякове, генерале Н.Н. Раевском, чьи замыслы диссонировали с проводимой в крае, в том числе и их усилиями, политике. Верные присяге, они выполняли данные им приказы, но считали своим долгом высказать собственное мнение об их эффективности⁸³.

Колебания Петербурга и попытки лишить местные кавказские власти инициативы и самостоятельности закончились с появлением на Кавказе в 1845 г. М.С. Воронцова. Неудачный поход на Дарго окончательно убедил Николая I в необходимости вновь вернуться к организации наместничества, наделив своего ставленника максимальными полномочиями⁸⁴. Обладая высочайшим кредитом доверия, наместник сумел аккумулировать в своих

---

⁸³ Гордин Я.А. Кавказ: земля и кровь: Россия в Кавказской войне XIX века. Санкт-Петербург: Звезда, 2000. С. 258–299.

⁸⁴ Rhineland L.H. The Creation of Caucasian Vicegerency // The Slavonic and East European Review. 1981. Vol. 59. N1. P. 15-40; Rhineland L.H. Russian imperial policy: The administration of the Caucasus in the first Half of the nineteenth century // Canadian Slavonic papers. 1975. Vol. 17.N 2/3 P. 218-235.

руках не только власть, право распоряжаться силами армии, но и огромные средства для хозяйственных экспериментов, с помощью которых предполагалось привлечь «немирных» горцев на свою сторону. К тому времени уже сформировался круг военных и чиновников, «специализирующихся» на Кавказе, опираясь на опыт и советы которых опытный администратор мог оправдать доверие своего венценосного руководителя⁸⁵.

Сам М.С. Воронцов сочетал в себе качества умелого полководца и опытного управленца, то есть мог квалифицировано объединить и воплотить в жизнь то многообразие подходов по «умиротворению» Кавказа, которые встречались в проектах представителей имперских властей. Он обращался за советами к авторитетным специалистам, в частности, вёл переписку с А.П. Ермоловым, в которой рассказывал ему о своих действиях и получал от него советы и комментарии⁸⁶. Представляется, что с именем светлейшего князя связан финальный этап распространения на народы региона российских державных порядков и постепенное вытеснение с его политического пространства конкурирующего с империей теократического образования, возглавляемого Шамилём, – имамата.

В планах М.С. Воронцова мы вновь видим системность, которой так не хватало все предшествующие годы. Здесь прослеживается и военная стратегия А.П. Ермолова и А.А. Вельяминова, в ходе реализации которой обустроивались новые ответвления кордонной линии, прокладывались дороги к ранее недоступным частям Кавказа, проводилась казачье-крестьянская колонизация южного порубежья⁸⁷. Одновременно в крае активизировались экономические процессы, к которым активно привлекались и местные народы. Для многих из них победа России означала возможность перебраться из горных теснин к благодатным равнинам. Не

⁸⁵ Лазарян С.С. Кавказ под управлением князя М.С. Воронцова (1844-1854 гг.). Москва: Проспект, 2022. С. 83–84.

⁸⁶ Кавказские письма А.П. Ермолова М.С. Воронцову / Предисловие Я. Гордина. Комментарии, указатель Б.П. Миловидова. Санкт-Петербург: ЗАО «Журнал «Звезда», 2011. 376 с.

⁸⁷ Лазарян С.С. Кавказ под управлением князя М.С. Воронцова... С. 443.

случайно, что в составе царской армии воевало немалое число выходцев из горской среды, а в походах против мюридов нередко фигурировали милицейские отряды добровольцев.

Планы М.С. Воронцова были многогранны, что говорит о нетривиальности решаемых им проблем российского Кавказа. Помимо военных задач, князь занимался организацией разведки, создавал эффективный аппарат управления, в котором задействовал выходцев из числа народов края. Это не только было связано с административными задачами, но и служило институтом социализации формируемой Россией новой горской имперской элиты. При этом наместнике сельское хозяйство всё больше приобретало черты товарности, причём как в земледелии, так и в скотоводстве.

Активизировалась внутрирегиональная торговля. Но местные производители вскоре переросли её возможности. Купцы постепенно выходят за территорию собственно Кавказа и начинают осваивать всероссийский рынок⁸⁸. Происходило становление промышленности, развивались пути сообщения⁸⁹. Всё это находит отражение в многочисленных распоряжениях и отчётах как самого М.С. Воронцова, так и управленческого аппарата наместничества.

Можно говорить, что этому, без преувеличения, выдающемуся государственному деятелю удалось разработать оптимальный в сложившейся ситуации план обустройства Кавказа. Оставалось теперь его придерживаться и довести до логического финала. М.С. Воронцов оставался в крае до 1854 г., а затем в силу возраста и состояния здоровья вынужден был сложить свои полномочия. Резонно предположить, что он мог и сам пожать плоды своих трудов, но начавшаяся Восточная (Крымская) война приостановила крушение враждебной России горской теократии. Довести до логического финала замыслы М.С. Воронцова пришлось уже другим людям.

---

⁸⁸ АКАК. Тифлис, 1885. Т. X. С. 864.

⁸⁹ Там же. С. 889.

Не следует думать, что воронцовский замысел был безальтернативен и не имел оппонентов. Об активной полемике, развернувшейся среди облечённых властью сановников, уже говорилось в кавказоведческих исследованиях⁹⁰. Оспаривались отдельные тактические вопросы, касавшиеся применения силы в регионе, оспаривался стратегический замысел по умиротворению края. Достаточно критично к наследию М.С. Воронцова относился Н.Н. Муравьёв, скептически оценивавший достижения предшественника. Следует помнить, что ему пришлось действовать в условиях внешней войны и сосредотачиваться на решении задач, с ней связанных. Отсюда и все его планы, преимущественно затрагивающие проблемы армии. Даже коммуникации, на которые он обращал самое пристальное внимание, рассматривались в контексте перемещения войск, а не решения хозяйственных задач в регионе⁹¹.

Возращение к плану и образу действий первого наместника происходит при князе А.И. Барятинском, назначенном на этот пост в 1856 г. Рассматривая проводимый Александром Ивановичем курс на выстраивание диалога с горцами, обратим внимание на его настойчивость по созданию понятной местным жителям и приемлемой для них судебной системы – «мехкеме». Она представляла собой симбиоз российских правовых традиций и горского самоуправления. Во главе мехкеме находился русский офицер, а ему подчинялись кадий и три старшины. Впервые эксперимент с судом был опробован в 1852 г., и его признали вполне удачным для внедрения⁹².

Наместник в своём обращении к горскому обществу, которому было свойственно решать возникающие противоречия и споры посредством применения силы, призывал оставить в прошлом обычай кровной мести,

---

⁹⁰ Муханов В.М. Покоритель Кавказа А.И. Барятинский. Москва: ЗАО Центрполиграф, 2007. С. 51–67.

⁹¹ Блиев М. М., Дегоев В.В. Указ. соч. С. 409.

⁹² Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Санкт-Петербург, 1860. Т. XXXIII. Отделение второе. 1858. С. 436.

подчеркивая, что любого, кто будет повинен в убийстве, будут судить в соответствии с действующим в стране законодательством⁹³.

В целях обновления административного устройства региона 4 апреля 1857 г. по приказу Александра Ивановича было сформировано Временное отделение при Главном управлении наместника Кавказского, представлявшего собой своего рода аналитический центр при наместнике, в состав которого входили управляющий, редакторы, а также писари, занимающиеся законодательным оформлением идей и пожеланий князя⁹⁴.

По настоянию нового наместника местные начальники на Кавказе получили самые широкие полномочия и автономию. Их инициатива не подавлялась, а всячески приветствовалась. Такой образ управления был с пониманием встречен императором Александром II, поддержавшим его своим указом⁹⁵.

Сильной стороной А.И. Барятинского как управленца было его умение подбирать квалифицированную команду. Здесь он исходил из профессионализма, а не социального статуса подчинённого. Настоящей находкой для будущего генерал-фельдмаршала стал Н.И. Евдокимов. Николай Иванович, имея казаче-крестьянские корни, сделал карьеру, сумев в итоге достичь на служебной лестнице звания генерал-адъютанта и уже при жизни став одним из символов Кавказской армии. После пленения Шамиля в 1859 г. и завершения активных боевых действий на Северо-Восточном Кавказе им был разработан план по решительному усмирению «немирных» племён на северо-западе региона. В ходе полемики с автором альтернативного проекта – Г.И. Филипсоном, настаивавшим на превалировании дипломатических способов воздействия на горцев, – Н.И. Евдокимов убедил командование придерживаться военно-

---

⁹³ Прокламация чеченскому народу Главнокомандующего Кавказской армией, Наместника кавказского, генерал-фельдмаршала князя А.И. Барятинского // Родина. 2000. № 1–2. [Электронная версия]. URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1840-1860/Barjatinskij_A_I/proklamac_cecen_1860.htm (дата обращения: 02.02.2024 г.).

⁹⁴ Муханов В.М. Указ. соч. С. 125–127.

⁹⁵ АКАК. Тифлис, 1904. Т. XII. С. 1287–1288.

наступательной тактики и масштабной колонизации в этой части Кавказа⁹⁶. В итоге горцы сложили оружие и либо переселились на равнины, либо предпочли перебраться в Турцию, закончив, таким образом, кровопролитное противостояние с Российской империей.

В первой половине XIX в. российские власти не раз подвергали корректировке свои замыслы по умиротворению Кавказа. Связано это было как с внутренними обстоятельствами, так и с влиянием внешних факторов. Испытывая серьёзный недостаток в ресурсах (военных, финансовых, демографических), они вынуждены были учитывать это в своих планах. Изначально предполагалось убедить горцев в своём миролюбии и доказать выгоду мирного сосуществования. Серьезных попыток вмешиваться во внутренний уклад горских сообществ в проектах российских властей не наблюдается. Но по мере разочарования в их договороспособности расширяется военное воздействие на «немирные» племена. Однако даже эскалация конфликта не приводит к отказу от методов «перевоспитания» горцев с помощью поощрения мирных занятий и просветительских усилий. В проектах, предлагаемых главнокомандующими, наместниками и представителями местной общественности звучит призыв ограничивать по мере возможности насилие и относиться к народам края как к соотечественникам.

1.2. Военно-политические акции и участие в них горских народов

Реализации российского проекта по присоединению и освоению Северного Кавказа через внедрение экономических и социокультурных новаций в местную среду оказалось невозможным без военной поддержки. Специфика жизни горских обществ предусматривала применение насилия

---

⁹⁶ Клычников Ю.Ю. Солдат империи Николай Иванович Евдокимов. Пятигорск: ПГУ, 2019. С. 152–157.

против ближних и дальних соседей как естественное и оправданное традицией мироустройство. Российская империя, с её настойчивым стремлением монополизировать право на насилие за государственными институтами, вызывала отторжение и порождала волну недовольства, приводя к формированию общего для горцев образа врага. Сломить вооружённое сопротивление и доказать эффективность предлагаемого местным народам миропорядка пришлось, лишь используя инструменты подавления, что обусловило длительный конфликт, происходивший с разной степенью интенсивности весь рассматриваемый период.

От эффективности действия армии зависел тот политический эффект, которого добивались власти, наказывая «ослушников». Между тем российские войска не имели достаточно опыта для действий в горно-лесистой местности против иррегулярных отрядов неприятеля, ведущего против них партизанскую войну. Прекрасно справлявшаяся с сильнейшими армиями в Европе и Азии, русская военная мысль первое время была бессильна найти оптимальную модель противодействия мобильным отрядам горцев, которые, действуя на хорошо известной им территории, ускользали от наносимых по ним ударов⁹⁷.

Действуя против подданных империи, себя таковыми не считавшими, войска должны были учитывать данный факт, а потому нередко конечным результатом репрессалий становилось принятие присяги «немирных» сообществ. Действовали такие заверения о верности до тех пор, пока сохранялась опасность понести наказание за отступничество. Но как только армия уходила, о взятых на себя обязательствах забывали. Примечательно, что наибольшее раздражение у командования вызывали так называемые «мирные» горцы, которые старались действовать тайно и, как правило, поддерживали нападения своих не присягнувших царской власти сородичей.

---

⁹⁷ Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII–XIX вв. Санкт-Петербург: Изд-во «Европейский дом», 2008. С. 189.

Можно выделить три очага вооружённой борьбы, каждый из которых имел свою специфику и заставлял вносить коррективы в планы сторон конфликта. Наиболее ожесточённое и организованное сопротивление империя встретила на Северо-Восточном Кавказе, где возникло теократическое государственное образование имапат. На Центральном Кавказе раньше всего удалось сломить сопротивление «немирных» сообществ, что, по нашему представлению, объяснялось не только ландшафтной уязвимостью данной территории по сравнению с соседними землями, но и объективной заинтересованностью местных народов в скорейшей интеграцией в российское державное пространство. И наконец, Северо-Западный Кавказ, овладение которым затруднялось помимо собственно горского сопротивления внешнеполитическими обстоятельствами. Данная территория до Адрианопольского мирного договора 1829 г. считалась османскими владениями, а в дальнейшем распространению здесь власти Российской империи помешали события Восточной войны 1853 – 1856 гг.⁹⁸

Не следует считать, что все без исключения горские сообщества приняли участие в военных действиях против царской армии. Было немало сторонников России, которые с оружием в руках участвовали в боевых операциях на её стороне. Значительная часть сражений не обходилась без отрядов местной милиции. Отношение к ней было далеко не однозначное. Высказывались скептические оценки её боеспособности, но признавалась политическая польза от такого боевого содружества⁹⁹.

Кроме того, горцев задействовали в сборе разведывательной информации, их привлекали для оказания услуг в качестве проводников. Достаточно вспомнить кунака М.Ю. Лермонтова, упомянутого поэтом в одном из стихотворений, – чеченца Галуба, бывшего с ним в сражении на

---

⁹⁸ Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России (вторая половина XVIII – 80-е годы XIX в.). Москва: Изд-во Московского ун-та, 1984. С. 158–183.

⁹⁹ Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (АКАК). / Под ред. А.П. Берже. Тифлис, 1874. Т. VI. Ч. I. С. 524–525.

«реке смерти» Валерике¹⁰⁰. Мотивация участников при этом была различной. Это мог быть не только идейный пророссийский выбор, связанный с пониманием тех преимуществ, которые несла империя народам Кавказа, но и вполне меркантильное желание заработать деньги или руками русских наказать своего личного врага¹⁰¹.

В свою очередь противники России далеко не всегда сражались против неё исходя из высоких религиозных побуждений, как к тому призывало учение мюридизма. Для многих местных жителей война становилась средством заработка, а полученные трофеи могли повысить их социальный статус удачливых воинов. Нельзя игнорировать и опасения расправы со стороны мюридов, которые безжалостно преследовали сторонников примирения с русскими.

Каждая из сторон конфликта добивалась привлечения на свою сторону местных сообществ. Для этого проводилась не только идеологическая обработка населения, но и принудительное переселение на подконтрольные империи или имамату территории, разорение и казни не подчинявшихся людей. В ходе военных действий каждая из сторон одерживала победы и терпела неудачи, утрачивая былые преимущества. Но в конечном итоге российская сторона сумела нанести поражение своему противнику, причём не только на полях сражений, но и в битве за симпатии большинства горцев.

В представленном ранее параграфе отмечалось, что первоначально царские генералы стремились свести к минимуму вооружённое противоборство с горцами. Достаточно долго власти придерживались убеждения о том, что все спорные вопросы вполне можно разрешить полюбовно, убедив горцев не совершать набеги, не разорять подданных императора и, самое главное, не захватывать пленников, судьба которых в итоге оказывалась печальной. Немалая часть этих несчастных вывозилась за пределы Кавказа и продавалась на рынке рабов в Турции, которая являлась

---

¹⁰⁰ Лермонтов М.Ю. Сочинения в двух томах. Том первый. / Сост. и комм. И.С. Чистовой; Вступ. ст. И.Л. Андроникова. Москва: Правда, 1988. С. 205.

¹⁰¹ Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне... С. 342.

главным потребителем «живого товара». Потребность горской экономики в ясырях была невелика, хотя труд невольников использовали и местные жители. Именно пленопродавство стало главным раздражителем в российско-северокавказских отношениях, провоцирующим военные экспедиции, целью которых было наказание зарвавшихся набегчиков¹⁰². Такие репрессалии не проводились систематически, как правило, они становились реакцией на накапливавшиеся претензии к «немирным» соседям.

В отличие от горцев, в действиях которых превалировали экономические интересы, российское командование ставило перед собой политические цели. Князь П.Д. Цицианов, достаточно последовательно применявший силовые аргументы в своём диалоге с новыми российскими подданными, вместе с тем стремился к организации эффективного механизма дипломатического разрешения имеющихся противоречий между империей и местной фрондой из числа северокавказских владетелей. Ещё до того как им были предприняты шаги по деблокированию Военно-Грузинской дороги и удары по джаро-белоканским лезгинам, усилившим свою набеговую активность против закавказских владений Александра I, он заключил с горскими владетелями в крепости Георгиевской 26 декабря 1802 г. договор, который в исторической науке принято называть «федеративным»¹⁰³.

Предполагалось, что местные лидеры договорившись между собой как подданные России обеспечат торжество закона империи в крае. Петербург добивался прекращения междоусобиц на Кавказе, и в тексте присяге были следующие обязательства: «...между означенными владетелями нашими навсегда доброй дружеской связи отныне впредь оставят они всякую между ими вражду и неприязненные поступки и оставаясь все спокойные в своих

---

¹⁰² Фадеев Р.А. 60 лет Кавказской войны: Издание в авторской дореформенной орфографии (по оригинальному изданию военно-походной типографии Главного штаба Кавказской армии, Тифлис, 1860 г.). Н. Новгород: Чёрная Сотня, 2015. С.11.

¹⁰³ Акты, собранные Кавказской археографической комиссией / под ред. А.П. Берже. (В дальнейшем АКАК). Тифлис: Типография главного управления Наместника Кавказа, 1868. Т. II. С. 1009–1012.

владениях...»¹⁰⁴. Им сохранялась прежняя власть, а вмешательство царского правительства ограничивалось лишь наблюдением за соблюдением взятых на себя обязательств.

Но благие пожелания правительства не привели к решению проблемы умиротворения края, а потому П.Д. Цицианов выбрал силовой в сложившихся обстоятельствах метод воздействия на «немирные» племена. Предпринятые им акции устрашения на некоторое время способствовали стабилизации ситуации на вверенной его управлению территории и – что особенно важно – позволили перебрасывать в Закавказье силы, необходимые для борьбы с Персией¹⁰⁵. Под впечатлением успехов русского оружия пошёл на сближение даже тагаурский алдар Ахмед Дударов, ранее не желавший выслушивать аргументы российской стороны¹⁰⁶.

Далеко не случайно, что с этого времени формируется идея об активном привлечении на службу местных добровольцев, ставших в дальнейшем постоянными участниками вооружённого противостояния между Россией и её противниками¹⁰⁷. При внешней жёсткой риторике к «немирным» племенам генерал-лейтенант Цицианов не видел во всех горцах врагов России. Он готов был предоставить им возможность отличиться на воинской службе.

В русле обеспечения связей с Закавказьем мы склонны оценивать военно-политические усилия князя по «усмирению» Кабарды. Местные князья не желали признавать над собой власть Петербурга и хотели оставаться главной силой на Кавказе, повелевающей местными народами от имени царя. Попытка мирного сосуществования и учреждения шариатских

---

¹⁰⁴ Акты, собранные Кавказской археографической комиссией / под ред. А.П. Берже. (В дальнейшем АКАК). Тифлис: Типография главного управления Наместника Кавказа, 1868. Т. II. С. 1012.

¹⁰⁵ Северный Кавказ с древнейших времён до начала XX столетия (историко-этнографические очерки). / Под редакцией и с предисловием В.Б. Виноградова. Пятигорск: ПГЛУ, 2010. С. 165.

¹⁰⁶ Блиев М.М. Русско-осетинские отношения (40-е гг. XVIII – 30-е гг. XIX в.). Орджоникидзе: Издательство «Ир», 1970. С. 307.

¹⁰⁷ Лапин В.В. Цицианов. Москва: Молодая гвардия, 2011. С. 348.

судов успехом не увенчались. В итоге всё закончилось введением в Кабарду российских войск и силовым подчинением её имперским властям¹⁰⁸.

Что касается Северо-Западного Кавказа, то здесь продолжались систематические стычки с отрядами горских набежчиков, покарать которые мешало их османское подданство. Одновременно участились случаи перехода на русскую сторону черкесов – как отдельных лиц, так и крупных групп во главе со своими владельцами¹⁰⁹. Давая распоряжение повысить бдительность кордонной стражи, П.Д. Цицианов приветствовал случаи мирного взаимодействия между представителями Черноморского казачьего войска и закубанцами, что в очередной раз подтверждает вывод о том, что военные акции не были самоцелью российского командования, а служили способам создать условия для мирного сосуществования в крае.

С гибелью П.Д. Цицианова возникла угроза масштабной внешней войны сразу с двумя противниками. Турция и Персия были не прочь вытеснить с Кавказа своего давнего соперника – Россию, а потому царскому командованию следовало приложить все силы для обеспечения лояльности горского населения в предстоящем противостоянии. С этой задачей довольно успешно справился новый главнокомандующий граф И.В. Гудович, применявший политику «ласканий» по отношению к беспокойным северокавказским подданным императора. Он сосредоточился на обороне Кавказской линии, не предпринимая наступательных действий против набежчиков. Ему удалось заручиться поддержкой части «вольных» обществ Дагестана, привлечь за счёт щедрых пожалований некоторых феодальных владетелей¹¹⁰.

Но даже последовательный сторонник минимизации применения силы в выстраиваемом диалоге с горцами не мог в итоге игнорировать череду разорительных набегов, совершённых чеченцами, против которых пришлось

---

¹⁰⁸ Мальбахов Б.К. Кабарда в период от Петра I до Ермолова (1722–1825). Нальчик: Книга, 1998. С. 142–151.

¹⁰⁹ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д.446. Л. 1, 128, 259 и др.; Д. 462. Л. 9 и др.

¹¹⁰ Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX вв.: сборник документов. Москва: Наука, 1988. С. 272.

в 1807 г. отправлять экспедицию генерала С.А. Булгакова. Она привела к временному замирению беспокойных обществ и позволила главнокомандующему вновь вернуться к примиренческому курсу¹¹¹.

Обращает на себя внимание стремление С.А. Булгакова привлечь для участия в экспедиции отряды кабардинцев. Но от замысла отказались, мотивируя это тем, «что они, не находя для себя никакой пользы и зная, что поживиться им будет нечем, когда чеченцы свой скот, имущество и семейства успели укрыть в горы, не захотели за ничто с ними драться...»¹¹². В данном случае мы сталкиваемся с проявлением одного из побудительных мотивов, который подпитывал атмосферу конфронтации, царившую в крае. Жажду добычи горцев использовали в свою пользу как представители царской администрации, так и их оппоненты.

Сменивший весной 1809 г. И.В. Гудовича генерал А.П. Тормасов старался продолжать политический курс своего предшественника. Но участившиеся случаи нападения на российские приграничные поселения не оставляли новому главнокомандующему выбора. Тревогу вызывали совместные акции ранее непримиримых соперников, не раз разорявших друг друга, а теперь объединившихся для захвата добычи на Линии. Так, генерал-майор Дельпоццо докладывал А.П. Тормасову, что нападавшие «чеченцы были не одни и что кабардинцы верное имеют с ними участие в нападении сем, как равно в заговоре и союзе к действию против России»¹¹³.

В этих вылазках принимали участие даже ингуши, которые благодаря имперской политике получили возможность осваивать равнинные территории, но при этом, не отказывали себе ходить за добычей в русские пределы¹¹⁴. Тем не менее российская администрация не стала записывать их в число своих недругов. Отдельные случаи разбоев не трактовались как повод к изменению политики «ласканий» в отношении этого этноса, для защиты

---

¹¹¹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д.6164. Ч. 55. Л. 12.

¹¹² АКАК. Тифлис, 1869. Т.Ш. С. 667.

¹¹³ АКАК. Тифлис, 1870. Т.IV. С. 892.

¹¹⁴ Северный Кавказ с древнейших времён до начала XX столетия... С. 170.

которого от враждебных соседей командование возводит укрепления Назрановское и Казах-Кичу¹¹⁵. Это позволило в дальнейшем увеличить численность ингушских переселенцев на равнине, и они подтвердили верность престолу очередными присягами¹¹⁶.

Хотя приоритетными в курсе А.П. Торماسова по-прежнему считались меры хозяйственного и переселенческого воздействия на горцев, это не приводило к прекращению набеговой экспансии, ведь даже те горские предводители, которые желали сохранить мир с империей, не могли повлиять на своих соотечественников. Это хорошо видно на примере ситуации вокруг Военно-Грузинской дороги, где, несмотря на все старания царских властей создать условия для поощрения горцев-осетин сохранялась практика грабежей проходивших через Дарьяльское ущелье караванов. Здесь, впрочем, нельзя сбрасывать со счетов и подстрекательскую деятельность иностранных (персидских) эмиссаров, заинтересованных руками горцев ослаблять своих геополитических соперников¹¹⁷.

Но если с тагаурцами переговоры шли трудно, и даже полученным заверениям о мире доверять не приходилось, то осетины-алагирцы, дигорцы, выходцы из Нарского ущелья придерживались взятых на себя обязательств и обоснованно относились командованием к числу «мирных»¹¹⁸.

Покровительство со стороны российских властей всем подданным империи на Северном Кавказе и нежелание делегировать собственные властные полномочия кому бы то ни было вызывали недовольство у кабардинских князей. Они рассматривали ингушей, осетин, балкарцев и карачаевцев как своих вассалов, были не прочь распространить власть и на чеченские общества. Неприемлемым для себя она считала и попытку ограничить вседозволенность по отношению к собственному «чёрному

---

¹¹⁵ АКАК. Тифлис, 1870. Т.IV. С. 898.

¹¹⁶ АКАК. Тифлис, 1881. Т.VIII. С. 669.

¹¹⁷ АКАК. Тифлис, 1870. Т.IV. С. 217.

¹¹⁸ История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). / Отв. Ред. А.Л. Нарочницкий. Москва: Наука, 1988. С. 28.

народу», который готов был бежать от жестокости своих владетелей под защиту русских укреплений¹¹⁹.

Увидев угрозу своей власти, кабардинская аристократия ответила чередой нападений как на русские гарнизоны, так и на гражданское население. Антироссийские настроения подогревались турецкой агентурой, предлагавшей кабардинцам укрыться в «крепких местах» и оттуда безнаказанно разорять Кавказскую линию¹²⁰.

Раздражающим фактором стали и меры царской администрации по пресечению эпидемии чумы, которые выразились в ограничении любых контактов с районами, поражёнными болезнью. Это разорительно сказывалось на горских обществах, но власти были неумолимы, поясняя, что «сие продолжаться будет до того времени, пока заразительная болезнь совершенно у них не прекратиться; свободное же сообщение кабардинцев с Кавказскою линиею не прежде быть может, как по совершенном удостоверении о благополучии в Кабарде...». Командование отнюдь не устранялось от попыток оказать помощь горцам и предлагало допустить к ним медиков. Кабардинцам пытались «внушить,... какую могут получить они пользу, если примут врачей наших для показания средств к истреблению заразы»¹²¹.

Опасность заражения сильно ограничивала и действия военных на северо-западных рубежах кордонной Линии, не давая возможность преследовать грабительские партии. Но даже это обстоятельство в итоге не остановило царских репрессалий, в которых приняли участие и ногайцы, также страдавшие от грабежей набегчиков¹²².

Совокупность всех этих фактов привела к всплеску насилия в Кабарде и спровоцировала поход сюда в апреле 1810 г. генерала С.А. Булгакова. Он добился формальной покорности, но вызвал недовольство Петербурга,

---

¹¹⁹ Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. 87. Оп. 1. Д. 214. Л. 9–11.

¹²⁰ Северный Кавказ с древнейших времён до начала XX столетия... С. 172.

¹²¹ АКАК. Тифлис, 1870. Т.IV. С. 851.

¹²² РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6186. Ч. 2. Л. 136–137.

обвинившего его в чрезмерном применении силы¹²³. Последнее обстоятельство следует учитывать в оценке военно-политической активности кавказского командования. Она во многом зависела от реакции столицы, и каждый главнокомандующий действовал с оглядкой на возможную негативную реакцию – как правительства, так и лично императора. Данное обстоятельство не имеет однозначной трактовки. С одной стороны, такой подход в ряде случаев сдерживал эскалацию насилия в крае, но нередко сковывал инициативу местных начальников, не позволял адекватно реагировать на возникавшие здесь угрозы. Жертвой такого подхода в итоге сделался С.А. Булгаков, лишившийся своего поста командующего Кавказской линией.

На южное пограничье в 1811 г. был назначен генерал-лейтенант Н.Ф. Ртищев. Страна, занятая отражением наполеоновской агрессии, не могла позволить себе держать здесь значительные силы¹²⁴. Новому главнокомандующему приходилось действовать «от обороны», что дало впоследствии повод обвинять его в излишней мягкости по отношению к воинственным горцам. Действительно, Николаю Фёдоровичу пришлось уповать больше на раздачу подарков и денег, чтобы минимизировать набеги и сохранить относительный контроль над регионом. Строго запрещалось преследовать неприятельские партии, а тем более совершать против немирных аулов репрессалии. Всё это привело лишь к «увеличению дерзости хищных племён и скорее потворствовало их грабительским инстинктам, нежели содействовало обеспечению внешней безопасности»¹²⁵.

Такой подход вызвал множество нареканий со стороны офицеров, давно служивших на Кавказе и знавших пагубность подобных шагов. Не

---

¹²³ Косвен М.О. Этнография и история Кавказа. Исследования и материалы. Москва: Издательство Восточной литературы, 1961. С. 143–144.

¹²⁴ Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Ртищев и Ермолов. Санкт-Петербург, 1888. Т. VI. С. 415–416.

¹²⁵ Утверждение русского владычества на Кавказе / Под редакцией В.А. Потто. Тифлис, 1904. Т. III. Ч. I. С. 114.

оправдали себя и переговорные практики. Все попытки убедить горских старшин отказаться от набегов без военных аргументов оказались тщетны¹²⁶.

Но издержки такой политики в сложившейся ситуации с лихвой перекрывал достигнутый результат. Горцы, участвуя в «коммерческих» набегах, не поддались на подстрекательства иностранной агентуры и проигнорировали призывы персидских и османских властей вступить в совместную борьбу с русскими. Более того, немалое число местных выходцев заявили о своей готовности воевать против армии Наполеона¹²⁷.

Курс на переговоры с местными владельцами находил поддержку у императора. В конце 1811 г. Александр I принял делегацию кабардинских князей, которые рассчитывали, что Петербург поддержит их претензии на подчинение им земель и народов Центрального Кавказа согласно грамоте 1771 г., некогда выданной их предкам Екатериной II. Но с тех пор ситуация сильно изменилась, а ослабленная пандемией чумы Кабарда утратила свой контроль над теми территориями, которые желала удержать с помощью российской власти. Да и те племена, на которые претендовали кабардинские князья, были такими же равноправными подданными русского престола, как и они сами. Эти притязания были отклонены, что в итоге вылилось в череду нападений на Линии, хотя местные власти сохраняли выдержку и пытались с помощью поощрения торговли убедить набегчиков в выгоде мира¹²⁸.

Вынужденная сдержанность российского командования расценивалась как повод усилить набеговую экспансию и даже претендовать на право вводить с территории империи подвластные ей общества. Так, в сентябре 1813 г. османский эмиссар Сеид-Ахмед-эффенди, опираясь на «немирных»

---

¹²⁶ Северный Кавказ с древнейших времён до начала XX столетия... С. 175.

¹²⁷ Медокс Р.М. Моё предприятие составить кавказско-горское ополчение в 1812 году // Русская старина. 1879. Т. XXVI. № 12. С. 709–713; Виноградов Б.В. Кавказский след в войне 1812 г.: авантюра Р. Медокса в контексте специфики российско-кабардинских отношений конца XVIII – начала XIX в. // Вопросы северокавказской истории. Армавир, 2004. Вып. 9. С. 69–70.

¹²⁸ Мальбахов Б.К. Кабарда в период от Петра I до Ермолова (1722–1825). С. 209.

закубанских черкесов заставил откочевать на турецкую территорию местных ногайцев¹²⁹.

В результате таких утрат Россия получала в пограничье враждебную себе силу, нейтрализация которой стоила в дальнейшем немало времени и средств. В.Г. Толстов, историк Хоперского полка, писал об этих событиях: «Бежавших ногайцев нам не удалось вернуть на прежние их кочевья, они так и оставались за Кубанью, поселившись между бесленеевцами и беглыми кабардинцами. Эти ногайцы долгое время враждовали с нами, пока их не утвердили по левому берегу Кубани...»¹³⁰. Таким образом, османы целенаправленно формировали на своей территории очаги напряжённости, чтобы с их помощью ослаблять позиции России на Северо-Западном Кавказе.

При формальном замирении Стамбула и Петербурга их противостояние в регионе не прекращалось. Турки старались отвести от себя подозрение и действовали руками черкесов, при необходимости ссылаясь на их непослушание воле султана. При этом российские акции по наказанию неприятеля служили поводом для обвинения России в немотивированной агрессии.

Ситуация изменилась с появлением в крае А.П. Ермолова, чьи планы, как мы уже убедились выше, имели отчётливо наступательный характер. Действовать приходилось в лесах Чечни, горах Дагестана, на равнинах Кабарды и Закубанья. Не останавливаясь на описании самих походов, достаточно подробно рассмотренных в кавказоведческих работах¹³¹, отметим широкое участие в них горцев, выступавших на стороне царских отрядов. Приведём лишь один из эпизодов, который, на наш взгляд, весьма красноречиво демонстрирует, насколько внутренние противоречия были характерны для ситуации в крае, раздираемом усобицами и жёсткой внутри- и межэтнической конкуренцией.

¹²⁹ Толстов В.Г. История Хоперского полка Кубанского казачьего войска. 1696–1896. Тифлис, 1900. Т. I. С. 161–162.

¹³⁰ Там же. С. 163.

¹³¹ Клычников Ю.Ю. Деятельность А.П. Ермолова на Северном Кавказе (1816–1827) / Под редакцией и с послесловием В.Б. Виноградова. Ессентуки, 1999. С. 28–49.

Одним из участников боевых действий в ермоловское время был испанец Хуан Ван-Галлен¹³². Он оставил воспоминания о своей службе в России и поведал о походе к селению Хозрек. Тогда в качестве союзных сил вместе с русскими действовали всадники полковника Аслан-хана Кюринского. Они яростно сражались против мятежных лезгинов, поддержавших Сурхай-хана Казикумухского. Российский офицер стал свидетелем происшествия, когда два непримиримых врага вместе упали в пропасть, но не выпустили друг друга из смертельных объятий.

Отдельно отметим, что данный поход преследовал целью укрепить власть «пророссийского» владетеля, а его противника устранить. В рассматриваемый период имперская администрация сохраняла иллюзию возможности удержать местные общества от набегов с помощью лояльных представителей их элиты. Дальнейшие события наглядно продемонстрируют утопичность таких надежд.

В этом отношении примечательна судьба чеченского предводителя Бей-Булата Таймиева (Таймазова). Он долгое время был непримиримым противником русских и не раз водил крупные отряды на Линию. Бей-Булат пользовался уважением со стороны немалой части горского общества, ценившего его удаль и удачливость в набеге. Восстание в Чечне в 1825 г. связывают именно с влиянием этого человека. Ещё до распространения мюридизма в горах Дагестана он стал использовать религиозные лозунги для мобилизации протестного населения против власти империи и тех, кто поддерживает мирные связи с ней.

Но впоследствии Таймиев попытался договориться с царским командованием и даже пошёл на русскую службу. Это вызвало разочарование у части поклонников этого лидера, и вскоре он был убит одним из кровников¹³³.

---

¹³² Родионова Н.А. Испанский путешественник дон Хуан Ван Гален в «тёплой Сибири»: размышления участника Кавказской войны // Современные проблемы сервиса и туризма. 2008. № 2. С. 14–20.

¹³³ См.: Колосов Л.Н. Славный Бейбулат. Историко-биографический очерк. Грозный: Чечено-Ингушское издательско-полиграфическое объединение «Книга», 1991. 176 с.

Но и ошибочным будет полностью отрицать наличие позитивных изменений в отношениях между горцами и российской властью в рассматриваемое время. Далеко не всегда взятые на себя обязательства нарушались. Так, покорённые горцы селения Акуша, давшие присягу на верность престолу, не нарушили её, когда с подстрекательскими целями к ним обращались персидские эмиссары. Отказом принять участие в антирусских выступлениях ответили жители Гумбетовского и Карахского обществ¹³⁴.

Ермоловский план умиротворения «немирных» племён явно затягивался, а реакция горских сообществ оказалась неожиданной для царской власти. Вместо скорого покорения горцев кавказская администрация получила сплочение рядов своего противника, который ранее действовал разрозненно и не имел координации, а теперь получил эффективный мобилизационный инструмент в лице имамата. Уже при первом имаме Чечни и Дагестана Гази Мухаммеде (Казимулле) горцы перехватывают и удерживают инициативу. При этом показательно, что воевали с ним не только царские войска, но и сами горцы, далеко не всегда поддерживавшие навязываемую им идеологию мюридизма. Имам был отброшен аварцами от селения Хунзах, которое пытался захватить в феврале 1830 г.¹³⁵

Тем не менее его движение не только не прекратилось, а расширило социальную базу. Этому способствовали удачные нападения на равнину, в результате которых сторонники Гази Мухаммеда сумели даже разграбить один из центров российской власти в крае – город Кизляр. Был блокирован Дербент, защищать который стали не только солдаты царского гарнизона, но и местные жители¹³⁶. Их совместными усилиями неприятель был отброшен, не сумев захватить древний город¹³⁷. Российским войскам удалось в итоге

¹³⁴ Джахияев Г.А. Дагестан в международных отношениях на Кавказе (1813–1829 гг.). Махачкала, 1991. С. 56.

¹³⁵ Неверовский А.А. О начале беспокойств в Северном и Среднем Дагестане. Санкт-Петербург., 1847. С. 18–19.

¹³⁶ Бестужев-Марлинский А.А. Сочинения в двух томах. Т.2. Повести; Рассказы; Очерки; Стихотворения; Статьи; Письма. / Сост., подгот. текста; коммент. В.И. Кулешова. Москва: Художественная литература, 1981. С.141.

¹³⁷ Окольничий. Перечень событий в Дагестане // Военный сборник. 1859. №2. С. 359–360.

окружить и ликвидировать Гази Мухаммеда в селении Гимры в 1832 г., но с его смертью мюридизм не пресёкся, а новым имамом стал Гамзат-бек¹³⁸.

Горское общество расколосось, и говорить об общих политических предпочтениях народов Северного Кавказа не приходится. Жаждающие власти и привилегированного статуса мюриды истребляли старую знать, чтобы занять её место¹³⁹. Одни и те же люди могли неоднократно менять лагерь, к которому они относились. Далеко не случайно, что гибель Гамзат-бека была связана не с действиями российского командования, а с кровной мстью, жертвой которой стал второй имам¹⁴⁰. Особенность военно-политической борьбы этого периода заключалась в том, что и российское командование, и сторонники мюридизма пытались завоевать симпатии населения. Порой они насильственно увлекали горские селения на контролируемую ими территорию, а при необходимости разоряли те аулы, которые пытались сохранить нейтралитет в развернувшемся противостоянии.

Наиболее последовательным в воплощении этой стратегии был третий имам – Шамиль, сумевший довести до логического конца замысел по созданию горской теократии¹⁴¹. Для борьбы с ним российская власть испробовала самые разные способы нейтрализации – от военно-силовых акций до дипломатических убеждений.

В 1837 г. состоялись переговоры между ним и генералом Ф.К. Клюки-фон-Клугенау. Иمامу предлагали личную встречу с российским императором, который собирался посетить Кавказ и мог стать гарантом примирения. Но сам Шамиль был далеко не волен в своём выборе. Понимая, что такие действия будут поставлены в вину религиозными приверженцами, он отказался от дальнейших переговоров и продолжил войну¹⁴².

---

¹³⁸ Гаджиев Б.И. Шамиль от Гимр до Медины. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1992. С. 16–17.

¹³⁹ Неверовский, А.А. Истребление аварских ханов в 1834 г. Санкт-Петербург, 1848. С. 24-26.

¹⁴⁰ Там же. С. 33.

¹⁴¹ Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля / Под ред. В.Г. Гаджиева, Н.Н. Покровского. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. С. 335–400.

¹⁴² Зиссерман А.Л. Кавказские воспоминания // Русский архив. 1885. № 1. С.83.

Помимо Чечни и Дагестана, российское командование стремилось распространить контроль и над другими территориями, имевшими важнейшее значение для прочного овладения Кавказом. В 1830 г. военно-политическими мерами была решена проблема обеспечения безопасности Военно-Грузинской дороги. В результате экспедиций под командованием генерал-майоров Ренненкампа и Абхазова проживавшие в окрестностях общества признали власть царской администрации и начали помогать в обслуживании этой стратегической магистрали. Перед началом похода командованию отрядов была вручена инструкция, согласно которой оно должно было «действовать предварительно увещеваниями и воззваниями, и только при бессилии этих кратких мер прибегнуть к оружию»¹⁴³. Достигнутые в результате успехи были обусловлены не только силой оружия, но и стремлением осетин и ингушей перебраться на равнины, чему способствовала политика России¹⁴⁴. Отсюда и достаточно активное участие в организации охраны и обороны пограничья от набегчиков, в котором участвовали эти народы.

В 1830-е годы возводятся череда укреплений на Северо-Западном Кавказе. Они должны были пресечь возможность вести торговлю «живым товаром», и для их строительства, помимо армии, использовались ещё и силы флота¹⁴⁵. Предполагалось, что, организовав крейсерскую службу и установив контроль над побережьем, удастся разрушить связи с Османской империей, которая по прежнему видела в горах способ вредить своему северному конкуренту в борьбе за Кавказ¹⁴⁶.

Действуя по хорошо зарекомендовавшей себя в прежние годы схеме, командование пыталось решить проблему с помощью эпизодических военных походов, целью которых становились селения, являвшиеся пристанищем лидера мюридов и его окружения. Такие репрессалии

---

¹⁴³ Чудинов В. Окончательное покорение осетин // Кавказский сборник. Тифлис, 1889. Т. XIII. С. 23.

¹⁴⁴ Там же. С. 113–114.

¹⁴⁵ Васильев Е. Черноморская береговая линия 1834–1855 гг. // Военный сборник. 1874. № 98. С. 5–26.

¹⁴⁶ Клычников Ю.Ю. Российская политика на Северном Кавказе... С. 459–489.

приносили кратковременный эффект, и даже казалось, что авторитет этого предводителя навсегда будет потерян в глазах горцев. Когда в 1839 г. российские войска захватили селение Ахульго, имам чудом спасся, потеряв многих верных людей и отдав собственного сына в заложники-аманаты. Но вопреки расчётам кавказской администрации, он не только не утратил возможность продолжать борьбу, но ещё больше усилился.

Шамиля пригласили к себе чеченцы, и с 1840 г. начинается очередной всплеск вооружённого противостояния на Северо-Восточном Кавказе, в результате которого были потеряны многие приобретения, полученные А.П. Ермоловым в горном Дагестане. Горцы научились с помощью «вязкой обороны» наносить направлявшимся в их земли войскам большие потери и, действуя из засад, заставляли отказываться от дальнейшего наступления. Так, генерал П.Х. Граббе, который одержал победу под Ахульго, весной 1842 г. дважды вынужден был отступать из лесов Чечни¹⁴⁷. А на следующий год горцы начинают захватывать изолированные и находящиеся во враждебном окружении российские укрепления, чьи малочисленные гарнизоны были не в состоянии отбиться от многократно превосходящих сил неприятеля¹⁴⁸.

Ранее, в 1840 г., на Черноморском побережье Кавказа было захвачено сразу несколько фортов. Хотя они и были впоследствии восстановлены, но обеспечить надёжный контроль пограничной территории с их помощью командование не могло. Солдаты и офицеры несли большие потери от скудости пищи и непривычного жаркого климата, а противник не позволял удалиться от стен укрепления без опасения погибнуть или попасть в плен.

В Петербурге решили вернуться к замыслу И.Ф. Паскевича и одним ударом избавиться от неприятеля. Исполнить это поручили генералу А.И. Нейдгарту. Но Шамиль не собирался вступать в невыгодное для себя генеральное сражение, и кампания 1844 г. оказалась безрезультатной¹⁴⁹. Её

---

¹⁴⁷ Блиев М. М. Россия и горцы Большого Кавказа на пути к цивилизации. Москва: Мысль, 2004. С. 408–409.

¹⁴⁸ Там же. С. 417.

¹⁴⁹ Баддели Д. Завоевание Кавказа русскими. 1720–1860 / Пер. с англ. Л.А. Калашниковой. Москва: ЗАО Центрполиграф, 2007. С. 272–276.

провал связали с просчётами командования, и последовали административные перестановки. На Кавказ был направлен М.С. Воронцов, от которого потребовали взять «столицу» имамата – аул Дарго.

Формальная цель экспедиции была достигнута, селение захвачено и разорено. Но на обратном пути отряд понёс потери, которые никак не окупали результаты похода¹⁵⁰. Стало очевидным, что прежняя стратегия себя исчерпала, и произошёл возврат к ермоловским правилам борьбы с «немирными» племенами, в основе которых лежала постепенность в действиях. Территорию имамата занимали по частям, закрепляясь с помощью крепостей и станиц на достигнутых рубежах и лишь затем продвигаясь дальше. Это требовало существенных затрат в людях и средствах, но зато приносило не мифические, а реальные достижения.

Значительно сократившаяся на фоне откровенных неудач «пророссийская» партия среди горских народов вновь усиливается и пополняется теми, кто не желал дальше мириться с деспотизмом мюридов. Доказательством этому является провал замысла Шамиля увлечь за собой массы кабардинцев и осетин во время вторжения на Центральный Кавказ в 1846 г. Он был уверен в массовой поддержке с их стороны, когда пытался пробить коридор в Закубанье. Вместо этого он встретил весьма активное противодействия со стороны российской армии и равнодушие, а порой и враждебность местных жителей¹⁵¹.

Не сумев прорваться на Северо-Западный Кавказ, Шамиль тем не менее стремился влиять на происходящие здесь процессы. По его указанию сюда направились его доверенные наибы Хаджи-Магомет, Сулейман-эфенди, но особенно отличился Мухаммед Эммин, сумевший объединить вокруг себя часть черкесских сообществ. Он стремился увлечь за собой и карачаевцев,

---

¹⁵⁰ Даргинская трагедия. 1845 год. Серия: «Воспоминания участников Кавказской войны XIX века. Составление текстов Г.Г. Лисицыной. Комментарии, указатели Б.П. Миловидова. Санкт-Петербург: Издательство журнала «Звезда», 2001. 616 с.

¹⁵¹ Блиев М. М. Россия и горцы Большого Кавказа на пути к цивилизации. С. 532.

считавшихся «замирёнными» после похода генерала Г.А. Емануеля осенью 1828 г.¹⁵²

Ситуация в этой части Кавказа оставалась хронически напряжённой. Хотя здесь так и не возникло ничего похожего на государственное образование, созданное Шамилём и его предшественниками, тем не менее воинственные закубанцы регулярно совершали нападения на Линию. Они достаточно успешно прорывали морскую блокаду, получая из Турции оружие и боеприпасы. Положение осложняли действия английской агентуры, стремящейся затянуть сопротивление горцев и не допустить установления мира в регионе¹⁵³.

Далеко не случайно, что даже во время наибольших успехов противников России в планах царского командования, помимо военных целей, присутствовали вполне мирные способы влияния на население. Именно борьба за симпатии народов края становилась главной задачей противоборствующих сил.

Вторая половина 40-х годов XIX века отличалась упорством сторон, активно стремящихся перехватить инициативу у противника. М.С. Воронцову дважды пришлось отправлять войска для занятия Гергебиля, успешно обороняемого мюридами. Не менее упорное сражение, которое предваряла серьёзная инженерная подготовка, российская армия провела при осаде селения Салты.

Но главная борьба развернулась за житницу имамата – Чечню. Здесь приходилось прокладывать широкие просеки, вырубая густую растительность, позволявшую горцам неожиданно атаковать российские силы. То, что при А.П. Ермолове не успело превратиться в систему, при М.С. Воронцове сделалось одной из главных, можно сказать, рутинных задач армии. К началу 1850 г. удалось таким образом пробиться к Шалинской долине, где выращивалось значительное количество зерна. Проживавшее

---

¹⁵² Голицын Н.Б. Жизнеописание генерала от кавалерии Емануеля. Санкт-Петербург, 1851. С. 190.

¹⁵³ Дегоев В.В. Кавказ и великие державы 1829–1864 гг. Политика, война, дипломатия. Москва: Издательский дом «Рубежи XXI», 2009. С. 41.

здесь населения, если их не заставлял перебраться в горы Шамиль, российское командование старалось удержать на равнине, переводя под защиту своих укреплений¹⁵⁴.

Медленно, но верно могущество имамата стало клониться к закату. Сказывались и внутренние противоречия, подтачивавшие всевластие лидера теократии. Истребив старую знать, он дал дорогу новой элите, и она нуждалась в легитимизации своего статуса. По мере того как риски войны с империей возрастали, а получаемые в боях трофеи уже не окупали понесённые издержки, «партия мира» становилась сильнее и отвечала на требования продолжать непримиримый газават побегами на сторону вчерашнего противника. Достаточно вспомнить знаменитого аварского предводителя Хаджи-Мурата, чья биография легла в основу одноимённого произведения Л.Н. Толстого.

Неблагоприятная внешнеполитическая конъюнктура могла лишь приостановить покорение края. Российское командование вынуждено было снизить свою активность на Кавказе, так как главные сражения начавшейся Крымской войны происходили за его пределами.

В это время Шамиль сумел совершить удачный набег на Кахетию, но это не имело непоправимых военно-политических последствий для царской власти. Богатая добыча не решала главного, поскольку мюриды по-прежнему оставались изолированными от антироссийской коалиции. С подписанием Парижского мира 1856 г. российское командование начинает уже без сезонных перерывов вести военную кампанию против стремительно сокращавшегося имамата.

Как и прежде, внимание сосредотачивается на усмирении Чечни. Усилиями опытного в войне на Кавказе генерала Н.И. Евдокимова был осуществлён захват резиденции Шамиля – селения Ведено. Уже дореволюционные авторы отметили, что фактически выросший и впитавший особенности войны с горцами Николай Иванович не считал для себя

---

¹⁵⁴ Блиев М. М. Россия и горцы Большого Кавказа на пути к цивилизации. С. 554.

ззорным учиться у них. Готовясь к захвату хорошо укрепленных аулов, он консультировался с известным фортификатором, ранее служившим Шамилю, а потом перешедшим к русским – Хаджи-Юсуфом¹⁵⁵.

Уставшие от войны чеченцы не желали больше идти за имамом, тем более что российское командование сумело обеспечить защиту тем семьям, которые бежали от произвола мюридов¹⁵⁶. В обеспечении переселения их на русскую сторону активное участие приняли бывшие наибы Шамиля. Они, стремясь доказать свою верность и раскаяние, не только спасали от расправы своих соплеменников – приверженцев имамата, но и помогали вызволять пленных, ранее захваченных мюридами¹⁵⁷.

Интересен взгляд на сложившееся положение со стороны противников России. Так, Мухаммед Тахир ал-Карахи писал: «Народ торопился к встречам с русскими с послушанием и повиновением. Они спешили к русским, особенно бывшие приближенные имама и те, кто были у него наибами и возвеличенными»¹⁵⁸. Более того, бывшего кумира уже не боялись, и по дороге к своему последнему прибежищу, селению Гуниб, имам был ограблен.

Лишившись надежды на благополучный исход затянувшегося противостояния, Шамиль вступил в переговоры с российским командованием. Потерявший большинство сторонников, он мог рассчитывать лишь на милость победителей. И она была оказана достойному сопернику. Когда 25 августа 1859 г. он сдался в плен А.И. Барятинскому, российская власть назначила вчерашнему противнику достойную пенсию и обеспечила жильём. В итоге Шамиль по своему собственному желанию присягнул на верность императору и стал символом примирения на Кавказе¹⁵⁹.

¹⁵⁵ Ореус И.И. Граф Николай Иванович Евдокимов (1804–1873) // Русская старина. 1889. № 3. С. 491.

¹⁵⁶ Богуславский Л.А. История Апшеронского полка 1700–1892. Санкт-Петербург, 1892. Т. II. С. 268.

¹⁵⁷ Клычников Ю.Ю. Солдат империи Николай Иванович Евдокимов. Пятигорск: ПГУ, 2019. С. 119.

¹⁵⁸ Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи о дагестанских войнах в период Шамиля / Перевод с арабского А.М. Барабанова, предисловие И.Ю. Крачковского. Москва, Ленинград: Изд-во АН СССР, 1941. С. 245.

¹⁵⁹ См.: Руновский А. Записки о Шамиле. Москва: Внешторгиздат, 1989. 176 с.

Исчезновение имамата не привело к полному замирению народов Северо-Восточного Кавказа. Уставшие от войны люди ждали определённости и рассчитывали на то, что отныне им будет гарантирована твёрдая осёдлость и решение наиболее болезненного – земельного – вопроса. Однако власти не могли сосредоточиться на мирном обустройстве края, так как по-прежнему главное внимание уделяли покорению «немирных» закубанцев. Существовала опасность новой войны с европейскими странами, а потому следовало поторопиться с распространением своей власти на всю территорию Кавказа. Это во многом объясняет череду выступлений в Чечне, где новая администрация не справлялась со своими обязанностями, а случаи разбойных нападений участились¹⁶⁰.

Тем не менее эпизодические акции насилия уже не напоминали те массовые выступления, с которыми приходилось бороться в предшествующие десятилетия. Власти в этой части края всё чаще решали хозяйственно-административные задачи, которые в сложившейся ситуации приобрели политическое наполнение.

Сосредоточив основные силы на Северо-Западном Кавказе, командование начинает завершающую компанию по подчинению всё ещё сопротивлявшихся воле империи племён. Прежде чем приступить к активным наступательным операциям, сопровождавшимся активной казачьей колонизацией, неприятеля постарались вновь уговорить сложить оружие и переселиться на плоскость. Это было выгодно с точки зрения хозяйственных интересов самих горцев, но являлось приговором их набеговой практике. Равнинные селения были уязвимы и всегда могли подвергнуться наказанию со стороны правительственных сил. Согласившись на такой исход, местные общества уже не рисковали нарушить присягу. В качестве гаранта

---

¹⁶⁰ Милютин Д.А. Воспоминания. 1860–1862. Москва: «Редакция альманаха «Российский Архив», 1999. С. 118.

выполнения договора выступал Александр II, прибывший на Кавказ осенью 1861 г.¹⁶¹

Это был не первый случай заключения договора между местными старшинами и российским командованием. Активным сторонником такого способа разрешения конфликта являлся Г.И. Филипсон, в ноябре 1859 г. заключивший соглашение с черкесами-абадзехами. Тогда они гарантировали прекращение набегов, возвращение пленных и отказ от контактов с врагами русских. Но прозрачность выполнения обязательств со стороны горцев стала очевидна почти сразу. Приехавшие на встречу с Г.И. Филипсоном представители закубанцев не могли повлиять на своих соплеменников, и данные ими гарантии на всё общество не распространялись¹⁶².

На состоявшейся встрече с императором горцы отказались выполнить его условия и перебраться к новому месту жительства. Не были получены гарантии возврата невольников, на чём настаивала российская сторона. Достаточно вызывающее поведение горской молодёжи также послужило причиной разочарования для сторонников мирного разрешения конфликта¹⁶³.

Военно-колониционный план Н.И. Евдокимова получил полное одобрение, и генерал начал осуществлять его на практике. Согласованные действия нескольких отрядов позволили основать в глубине неприятельских земель десятки станиц-крепостей, благодаря которым данная территория надёжно переходила под контроль царских сил. Был принят план, предусматривающий славянскую колонизацию Северо-Западного Кавказа¹⁶⁴. Благодаря таким усилиям сопротивление «немирных» горцев очень скоро оказалось сломлено, и они вынуждены были либо подчиниться и перебраться

---

¹⁶¹ Толстов В.Г. Историческая хроника Хоперского полка Кубанского казачьего войска. 1696–1896. Екатеринодар, 1896. С. 34.

¹⁶² Ольшевский М.Я. Кавказ с 1841 по 1866 год. Серия: «Воспоминания участников Кавказской войны XIX века». Санкт-Петербург: Издательство журнала «Звезда», 2003. С. 503.

¹⁶³ Там же. С. 530.

¹⁶⁴ Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. Санкт-Петербург, 1865. Т.37.

на отведённые им правительством земли, либо покинуть Кавказ, отправившись в Турцию¹⁶⁵.

Ситуация, сложившаяся на Северном Кавказе, заставляла применять армию для достижения цели умиротворения региона и распространения на местные народы российских державных порядков. Достичь такого результата исключительно мирными способами было невозможно, хотя такие шаги никогда не отрицались. Первоначально действия армии ограничивались эпизодическими походами с целью наказания или предупреждения набегов. Начиная с А.П. Ермолова, власти постепенно приходят к осознанию необходимости систематического давления на «немирные» общества, занятия ключевых мест в горских землях с помощью крепостей. Опираясь на них, предполагалось поддерживать контроль над потенциально опасными племенами.

Окончательно план «усмирения» региона был разработан и начал практически реализовываться в период наместничества М.С. Воронцова и А.И. Барятинского. К его воплощению привлекались и местные жители, многие из которых готовы были поддерживать власть империи, мирное сосуществование с которой открывало для них широкие экономические и социальные возможности. Часть горцев, напротив, заняла враждебную позицию по отношению к России. Приверженность к одному из противоборствующих лагерей была непостоянной, и нередко политический выбор менялся, что было обусловлено как объективными обстоятельствами, так и субъективными факторами.

---

¹⁶⁵ Милютин Д.А. Воспоминания. 1863-1864 / Под ред. Л.Г. Захаровой. Москва: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003. С. 449.

1.3. Правовое оформление новых политических реалий и смена парадигмы горского социума

По мере осуществления замыслов российских властей по распространению на Северный Кавказ порядков и образа жизни империи актуализировались задачи по правовому оформлению и регламентированию жизни местных социумов. Следовало законодательно обозначить те требования, которые выдвигал к своим новым подданным император. Вместе с тем власти прекрасно осознавали невозможность быстрого изменения существующего в крае мироустройства, которое формировалось в течение длительного времени и в глазах населения было не только привычным, но и единственно правильным. Да и реальная власть империи, особенно в горных районах, долгое время была весьма условной, а то и полностью отсутствовала.

Отсюда постепенность в распространении новых порядков, попытка соединить общеимперские правовые основы с местными традициями и обычаями. В итоге наблюдалась смена парадигмы жизнеустройства горских обществ, постепенно получавших опыт взаимодействия с государственными институтами. Этот крайне болезненный процесс не мог дать скорого результата и сопровождался неоднократными коррективами, вносимыми властями в предлагаемые модели сосуществования.

Полиэтнический регион с его социокультурным многообразием потребовал индивидуального подхода в выстраивании диалога с местными народами. Исторический опыт государственного строительства, накопленный российской стороной, не отрицал возможности встраивания местных управленческих традиций, сохраняя и легитимизируя их. Империя охотно привлекала на свою службу представителей местной знати. Главным критерием была лояльность по отношению к престолу, а все прочие факторы

считались непринципиальными. Происхождение, конфессиональные предпочтения не могли стать преградой для карьерного роста¹⁶⁶.

После присоединения Грузии стал вопрос о реорганизации управления Кавказа в целом. При этом в столице отдавали себе отчёт, что регион имеет свою специфику, которая должна быть отражена в правовом поле империи. Был дано соответствующее указание созданному по такому случаю Комитету, которое в итоге вылилось в проект, одобренный Сенатом и императором в ноябре 1802 г.¹⁶⁷

Появилась Кавказская губерния, состоявшая из пяти уездов с центром в городе Георгиевске. Бросается в глаза, что местные военные и гражданские чиновники подчинялись главноуправляющему, но при этом могли напрямую обращаться в столицу, лишь извещая о своём послании непосредственное начальство¹⁶⁸. Это могло создавать конфликтные ситуации и вносить хаос в управление краем, где порой сложно было разделить интересы армии и статских учреждений. Власти не стремились полностью отказаться от замысла по унификации управления Кавказской губернией, а потому основные органы здесь оставались такими же, какие действовали в центральных районах государства.

К рассматриваемому времени стало очевидно, что целесообразно объединить Палаты уголовную и гражданскую в единое целое. Мотивировалось это тем, что число дел сочли в губернии «умеренным» и решили создать для них одно присутствие, не раздувая без нужды штаты.

Вопреки существующим стереотипам, число чиновников на Кавказе было невелико и составляло 165 человек. Учитывая те огромные пространства, которые приходилось контролировать, и неразвитость местных

---

¹⁶⁶ Дегоев В.В. Кавказ в составе России: формирование имперской идентичности (первая половина XIX века) // Кавказский сборник. Москва: НП ИД «Русская панорама», 2004. Т.1 (33) / Под редакцией Н.Ю. Силаева. С. 28–47.

¹⁶⁷ АКАК. Тифлис, 1868. Т. II. С. 919–920.

¹⁶⁸ Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. 1802 – 1803. (ПСЗРИ). Санкт-Петербург, 1830. Т. XXVII. С. 363.

коммуникаций, нетрудно предположить, что эффективность работы этих людей оставляла желать лучшего¹⁶⁹.

Учитывая важность приобщения горского и кочевого населения к порядкам, существующим в российском государстве, власти считали необходимым финансировать Верховный пограничный суд в Моздоке, Родовые суды и Расправы в Кабарде, что позволяло иметь способ ненасильственного влияния на местные общества, создавая для местной верхушки привлекательный социальный лифт на службе империи. В них сочетались как горские обычаи и традиции, так и контроль со стороны царской администрации.

Сторонником их сохранения был П.Д. Цицианов, который, вопреки существующему стереотипу, не являлся последователем исключительно силового решения искоренения горских вольностей. Отсюда и его вполне конструктивный вывод, что эти институты «совершенно соответствуют предмету», ради которого и были созданы. Он, в свою очередь, полагал целесообразным оставить их «в настоящем виде и действии»¹⁷⁰.

Тревожная неопределённость фронта в итоге привела к конфликту между гражданской и военной ветвями власти. Это создавало управленческий сумбур, который не способствовал формированию у местных народов позитивного восприятия имперского управления. О некоторых особенностях такой ситуации мы находим рассуждения в докладной записке действительного статского советника М.Л. Малинского, сокрушавшегося, что чиновники зачастую не могли определиться в выяснении пределов своей власти, нередко конфликтуя между собой. Сказывалась и нехватка специалистов, особенно низового управленческого звена, которое не желало оставаться в крае, предпочитая пойти на понижение в должности, лишь бы покинуть Кавказ¹⁷¹.

---

¹⁶⁹ Малахова Г.Н. Становление и развитие российского государственного управления на Северном Кавказе в конце XVIII – XIX вв. Ростов-на-Дону: Издательство СКАГС, 2001. С. 58.

¹⁷⁰ АКАК. Тифлис, 1868. Т. II. С. 934.

¹⁷¹ АКАК. Тифлис, 1873. Т.V. С. 915.

Гражданская администрация постепенно утрачивала свои позиции, передавая имеющиеся полномочия военным. Связано это было с вполне объективными причинами. Военно-политическая ситуация в крае всё больше усложнялась, и иллюзии относительно распространения здесь тех принципов управления, которые доказали свою состоятельность в прочих губерниях, постепенно утрачивались¹⁷².

Неблагоприятная внешнеполитическая конъюнктура сдерживала реформаторскую активность российской власти. Следовало учитывать персидский и османский фактор при распространении на народы Северного Кавказа ограничений, присущих имперской правовой практике. Но когда опасность внешней войны уменьшалась, власти принимались активно внедрять здесь свои административные и судебные новации, что хорошо видно по деятельности А.П. Ермолова. Император, который одобрил его кандидатуру на должность командующего Отдельным Грузинским (позднее Кавказским) корпусом, не скрывал от него своего разочарования в сложившейся здесь ситуации, видя недостатки принципа мелочной опеки местных начальников со стороны Петербурга.

С этим полностью соглашался и амбициозный генерал, известный своей неуживчивостью и неуступчивостью, когда речь шла о державных интересах. В подготовленной на имя Александра I «Записке» он изложил целый комплекс предложений, основная идея которых заключалась в значительном расширении полномочий местной администрации. Если различные министерства отправляли свои указания на Кавказ, они должны были отныне обращаться только к самому главнокомандующему. А.П. Ермолов рассчитывал получить свободу распоряжаться финансовыми средствами, так же, как это делает командующий «в действующей армии», то есть без оглядки на Министерство финансов¹⁷³.

---

¹⁷² Блиева З.М. Российский бюрократический аппарат и народы Центрального Кавказа в конце XVIII – 80-е годы XIX века. Дисс. докт. исторических наук. Владикавказ, 2004. С. 130.

¹⁷³ Малахова Г.Н. Становление и развитие российского государственного управления... С. 65.

Комитет министров, ознакомившись с пожеланиями генерала, значительно сократил его запросы¹⁷⁴. Тем не менее А.П. Ермолов получил самостоятельность в своих действиях, а часть его предложений были в дальнейшем закреплены документально. Рассматривали их в Сибирском комитете, наиболее компетентном в вопросах обустройства окраинных земель. В итоге Кавказская губерния была преобразована в область, что лучше соответствовало местным реалиям. Из Георгиевска, который отличался неблагоприятными условиями для жизни, ставшими причиной высокой смертности среди чиновников, центр области переносился в Ставрополь. Соответствующий указ Сената был отдан 10 августа 1822 г.

Среди пунктов, регламентирующих произошедшие изменения, обратим внимание на шестой, согласно которому упразднялся «главный Пограничный суд в Моздоке», а выполняемые им функции переходили в ведение уездных судов¹⁷⁵. Это лишний раз свидетельствовало о разочаровании правительства в прежних способах выстраивания диалога с пограничными народами, которые не желали принимать данную компромиссную модель взаимодействия. Решения этого суда чаще всего просто игнорировались, и авторитетом среди горцев он не пользовался. Сложно было найти и желающих участвовать в его заседаниях со стороны местных народов, достаточно неприязненно относящихся к любым попыткам вмешательства в свой образ жизни.

Постепенно всё больше прав получали военные власти, что наглядно демонстрировал седьмой пункт данного указа. Он гласил: «За-Линейным народам, оставляя их под управлением военным, предоставить в делах тяжёлых разбираться на основании прежних их обычаев и где удобно, под наблюдением особенно определяемых для сего чиновников; в уголовных преступлениях подвергать военному суду»¹⁷⁶. Под уголовными преступлениями подразумевались, прежде всего, убийства, совершаемые в

---

¹⁷⁴ Клычников Ю.Ю. Деятельность А.П. Ермолова на Северном Кавказе (1816-1827) / Под редакцией и с послесловием В.Б. Виноградова. Ессентуки, 1999. С. 83.

¹⁷⁵ АКАК. Тифлис, 1875. Т. VI. Ч. 2. С. 621.

¹⁷⁶ Там же.

качестве кровной мести и производимые на Линии грабежи. Государство стремилось установить свою монополию на насилие, что в сложившихся обстоятельствах было труднореализуемой задачей. Тем не менее склонность к компромиссу сохранялась, а потому желание предоставить горцам право разрешать конфликтные ситуации, исходя из местной традиции, сохранялось, что и нашло отражение в тексте.

В феврале 1827 г. были приняты новые правила, регламентирующие управление Кавказской областью. Они, помимо определений прав и обязанностей администрации, закрепляли за командиром войск, расположенных на Кавказской линии, ещё и обязанности начальника области. Предполагалось, что «начальник Кавказской области есть воинский чиновник. По предметам внешней безопасности и по управлению расположенными и водворёнными по линии войсками, имеет он права и обязанности дивизионного начальника... По предметам полиции, суда и хозяйства, звание его определяется настоящим учреждением»¹⁷⁷.

Данная тенденция объяснялась не интригами и борьбой за сферы влияния среди высших сановников в правительстве, а реальной потребностью, сложившейся на Кавказе. Здесь с каждым годом ситуация всё больше обострялась, и противники российской власти укрепляли собственные позиции, активно мобилизуя в свои ряды новых сторонников. Это нашло отражение в тех административно-судебных преобразованиях, которые наглядно подтверждали такое положение. Процесс адаптации региона к имперским правилам общежития явно затормозился.

Доминирование военной власти сохранится ещё на четверть века, и лишь после капитуляции наиболее воинственной и недоговороспособной части горского общества сложатся благоприятные условия для перехода к такой правовой модели управления, которая будет напоминать общегосударственную¹⁷⁸.

---

¹⁷⁷ ПСЗРИ. Собрание второе. Санкт-Петербург, 1830. Т. II. 1827. С. 110.

¹⁷⁸ Малахова Г.Н. Становление и развитие российского государственного управления... С. 67.

Осознавая специфику края и вынужденное существование здесь фактически внутренней границы – кордонной Линии, власти признавали её временный статус и даже специально оговаривали это обстоятельство: «В таком виде самая линия не почитается действительною границею, но только временным учреждением»¹⁷⁹. Её наличие не означало отсутствие усилий по приобщению горского населения к правовому полю империи¹⁸⁰. Вышедшие Правила наглядно демонстрировали постепенное изживание существующего разграничения.

Весьма информативны и убедительны в этом вопросе положения, которые регламентировали судебные права местного начальства относительно «внешних инородцев». Правительство прекрасно понимало, что повлиять на их образ жизни не в состоянии. Находясь на неподконтрольных территориях, такие общества были недостижимы для «российской Фемиды». Тем не менее посчитали необходимым передать случаи таких разбирательств в ведение военного суда. В этом случае «в исковых делах и других неудовольствиях, как между самими ими, так и с посторонними людьми, предоставляется им (т.е. горским народам. – М.Г.) право разбираться на основании древних обычаев и законов их». При этом подчёркивалось, что «линейное начальство разбирает сии дела в том только случае, когда обе тяжущиеся стороны будут просить его посредничества»¹⁸¹.

Российское командование было заинтересовано в обеспечении безопасности Военно-Грузинской дороги, а потому проживавшие в её окрестностях народы пользовались повышенным вниманием властей. Неудивительно, что именно осетины стали активно привлекаться на сторону империи, причём власти выражали готовность всячески способствовать выстраиванию конструктивного диалога с помощью расширения их внутренней автономии. А.П. Ермолов ходатайствовал об учреждении у них

¹⁷⁹ ПСЗРИ. Собрание второе. Санкт-Петербург, 1830. Т. II. 1827. С. 123.

¹⁸⁰ Блиева З.М. Некоторые черты административного развития Северного Кавказа в 20-х гг. XIX в. // Россия и Северный Кавказ (проблема историко-культурного единства). Грозный, 1990. С. 80.

¹⁸¹ ПСЗРИ. Собрание второе. Санкт-Петербург, 1830. Т. II. 1827. С. 122.

волостного правления, предусматривавшего наличие выборных старшин и прочих людей, «пользующихся от народа уважением», с которыми можно было решать возникающие трения и разногласия¹⁸².

Главным пожеланием со стороны царской администрации было удержание своих соплеменников от набегов и грабежей. Остальные проблемы считались вторичными и, как правило, их разбор оставался прерогативой самих выборных. Взаимодействовать волостное управление должно было с назначаемыми командованием российскими офицерами, занимавшимися преимущественно наблюдением за делами волостного суда, но не вмешивавшимися в его работу¹⁸³.

Такого рода подход, когда власти демонстративно подчёркивали, что не собираются навязывать горцам свою правовую модель и лишь следят за их лояльностью, станет отличительной особенностью политического курса политического курса империи в крае¹⁸⁴. Его будут придерживаться все российские администраторы, независимо от приписываемого им отношения к местным народам. И сторонники силовых методов давления на «немирные» племена, и их оппоненты фактически действовали в русле одного принципа – минимизировать вмешательство в налаженное устройство жизни населения Северного Кавказа, если только это не шло в разрез с интересами империи в регионе.

К числу удачных экспериментов рассматриваемого периода следует отнести создание в августе 1822 г. Временного кабардинского суда. Он действовал на основании тех традиций, которые имелись у кабардинцев и их соседей, проживавших на Центральном Кавказе. Что касается законов империи, то они могли быть применяемы лишь в том случае, если не противоречили «их древним обычаям и обрядам»¹⁸⁵.

---

¹⁸² ГАСК. Ф. 128. Оп. 1. Д. 1121. Л. 1.

¹⁸³ Там же. Л. 2 об.

¹⁸⁴ Клычников Ю.Ю. Деятельность А.П. Ермолова на Северном Кавказе... С. 87.

¹⁸⁵ АКАК. Тифлис, 1875. Т. VI. Ч. 2. С. 471.

Впрочем, для поборников старины далеко не всё выглядело приемлемым. Власти не собирались оставлять в ведении местного суда такие важные правонарушения, как убийство, грабежи, возмущения против властей, измена государству и служба враждебным империи силам. Строго преследовались организаторы набегов на Кавказскую линию и побегии на территории неподконтрольные российской администрации. Все эти случаи выводились из-под юрисдикции Временного кабардинского суда.

Следует обратить внимание и на ограничение возможности вмешиваться в разбор гражданских дел представителей духовенства. Имперские власти всё отчётливее понимали ту роль, которую они начинают играть в создании враждебного ей лагеря, придавая войне против России образ «богоугодного джихада». А.П. Ермолов вообще считал, что возникшие в Кабарде беспорядки были делом их рук. Проводимая религиозная агитация стала причиной «неустройств» и «озлобления против христиан»¹⁸⁶. Не вмешиваясь в разбор гражданских дел, они ограничивались разбирательствами дел духовных.

В целом бросается в глаза стремление привлечь в качестве судей людей, считающихся лояльными российской власти. Они выбирались из числа местной элиты, которая пользовалась авторитетом у населения. Задача эта была непростой, так как найти людей, способных исполнять роль квалифицированных судей, было затруднительно. Большинство привлекаемых кадров оказались малообразованны, не могли вести необходимое делопроизводство¹⁸⁷. Значительную часть обязанностей за них выполняли российские офицеры, которых ввели в состав суда. Для повышения авторитета этого органа в глазах местных жителей ему было поручено выдавать билеты, позволяющие перемещаться по Кавказской области¹⁸⁸.

---

¹⁸⁶ АКАК. Тифлис, 1875. Т. VI. Ч. 2. С. 472.

¹⁸⁷ Записки А.П. Ермолова 1798-1826 / Сост., подготовка текста, вступ. ст., коммент. В.А. Федорова. Москва: Высшая школа, 1991. С. 379–380.

¹⁸⁸ Бейтуганов С.Н. Кабарда и Ермолов: Очерки истории. Нальчик: Эльбрус, 1993. С. 149.

Чтобы принудить стороны разбирательства к исполнению решения суда, также привлекались представители местного населения. Власти сочли правильным не вмешиваться в столь болезненно воспринимаемые горцами вопросы, так как в этом случае недовольная решением суда сторона ассоциировала совершённую с ним «несправедливость» с русскими. Это поручалось трём младшим князьям, которые действовали от имени велья. Попытка проигнорировать вызов в суд была чревата серьёзными последствиями – штрафом в 20 рублей серебром¹⁸⁹.

Судя по тому факту, что этот суд просуществовал до 1858 г. и был сменён окружным народным судом, в значительной степени походившим на него в принципах своей работы, данная модель оказалась верной и соответствующей реалиям своего времени. Недаром этот факт отмечал Н.Н. Муравьёв, который побывал в Нальчике в середине 50-х годов XIX в. и отметил заслуги А.П. Ермолова в создании эффективного механизма мирного управления кавказскими народами¹⁹⁰.

Опыт, полученный в результате работы Временного кабардинского суда, был признан удачным, и им решили воспользоваться, организовав аналогичное учреждение и для осетин и ингушей. В 1828 г. начал свою работу Владикавказский инородный суд, куда могли обращаться преимущественно те горцы, которые, благодаря политике империи, получили возможность переселиться на равнины¹⁹¹. Попечению коменданта крепости были поручены выходцы из Тагаурского, Куртатинского и Алагирского ущелий. Они достаточно быстро, а самое главное добровольно приобщались к правовым порядкам Российского государства, находя в этом для себя безусловную выгоду.

В рассматриваемый период царские власти достаточно последовательно шли на установление контроля над горцами, без

---

¹⁸⁹ Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик: Книжное изд-во «Эльбрус», 1978. С. 169.

¹⁹⁰ Донесения и письма А.П. Ермолова: имп. Александру I, гр. Аракчееву, кн. Волконскому, Паскевичу и др. Сообщ. М.Н. Похвиснов // Русская старина. 1872. Ноябрь. С. 543.

¹⁹¹ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 74. Л. 3–10.

вмешательства в их жизненный уклад. Понимая, что неосторожные поступки вызывают раздражение и отторжение внедряемых новаций, даже если они в итоге приводят к улучшению благосостояния, администраторы ограничивались назначением в горские сообщества своих наблюдателей. Как правило, это были офицеры, которые в статусе пристава следили, чтобы они «жили спокойно», то есть не занимались грабежами, как русских поселян, так и своих сородичей.

Но только этим их обязанности не ограничивались. Такие наблюдатели следили за отстаиванием интересов своих подопечных и в случае обид, нанесённых им со стороны казаков или других российских поселян, способствовали справедливому расследованию в суде. Всё это должно было в итоге привести к ограничению их «своевольтва» и доказать выгоду подчинения законам империи¹⁹². Часто в качестве приставов выступали казачьи офицеры, лучше всего знавшие менталитет своих соседей и имевшие среди них товарищей – кунаков. Например, к «заведыванию осетинами», проживавшими в учреждённых селениях Новоосетинском и Черноярском, был назначен служивший в Волгском казачьем полку есаул Нырков¹⁹³.

Своих приставов получили и расположившиеся на правобережье Терека чеченцы и назрановские ингуши. Столкнувшись с активным участием этих народов в набеговом промысле, власти старались воздействовать на наиболее активных горцев с помощью родственников. Их отдавали на поруки, и лишь в случае тяжких правонарушений судьбу провинившихся решал российский суд. Приставы, действуя «ласками и поощрениями», непрестанно вербовали агентуру, с помощью которой собирали информацию. Приоритетом считалось всё, что могло помочь в пресечении нападений на Линию. Помимо сбора информации, представители российской власти должны были объезжать подчинённые им территории и агитировать местных

---

¹⁹² ГАСК. Ф. 128. Оп. 1. Д. 1121. Л. 1–2 об.

¹⁹³ Там же. Л. 3.

жителей проявлять благоразумие и не предпринимать враждебные царскому правительству действия.

Бросается в глаза то обстоятельство, что, вопреки изначальному плану по оттеснению «немирных» племён в горы, российские приставы, напротив, должны были убеждать проживавшие в окрестностях реки Сунжи чеченские общества перебираться на Терек¹⁹⁴. Здесь им предлагали землю и защиту от нападений «воровских партий». Таким образом, быстро меняющиеся военно-политические реалии заставляли власти корректировать изначальные планы, что и нашло отражение в официальных инструкциях.

Все эти нововведения были оформлены в особых правилах для чеченского народа, которые в дальнейшем будут уточняться, но их общие принципы останутся неизменными. В начале 1828 г. полученный опыт найдёт воплощение в открывшемся Чеченском суде, куда будут обращаться представители преимущественно «мирных» обществ, в отличие от своих сородичей, не пошедшие за мюридами Шамиля¹⁹⁵.

Ещё меньшее вмешательство демонстрировала российская администрация, когда речь шла о Дагестане. Здесь предпочли сохранить уже имеющиеся административно-судебные учреждения, озаботившись лишь обеспечением лояльности местной ханско-бекской знати¹⁹⁶.

Нечто похожее мы видим и в Карачае. Здесь от местных обществ потребовали лишь присяги на верность императору России и отказа принимать у себя беглых. Карачаевцы считались «мирным» народом, т.к. они не занимались набеговой деятельностью. Отсюда и минимум требований к ним. За проявление лояльности им обещали содействие в организации торговой деятельности, обещая не препятствовать в их контактах с равнинными территориями. Вмешательство во внутреннее управление не планировалось¹⁹⁷.

---

¹⁹⁴ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 73. Л. 6–7.

¹⁹⁵ Там же. Л. 20–21 об.

¹⁹⁶ Клычников Ю.Ю. Деятельность А.П. Ермолова на Северном Кавказе... С. 89.

¹⁹⁷ РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Д. 8. Л. 2–2 об.

Достаточно успешно действовали власти, занимаясь приобщением кочевников к российским державным порядкам. Проживая на равнине, они активно контактировали со своими соседями, что в итоге облегчило диалог российской администрации с их обществами.

Было решено создать для кочевников суды и расправы, в которых были представители, как от знати, так и чёрного народа, которые имели равные права голоса. В случае необходимости в состав суда вводились духовные лица¹⁹⁸.

В своём высочайшем повелении от 24 июля 1822 г. Александр I дал распоряжение поставить над ногайцами одного главного пристава, кандидатуру которого доверил выбрать местным властям. Кроме того, инициатор этой реформы А.П. Ермолов назначал кочевникам «потребное число частных приставов», которых снабжали необходимыми инструкциями и распоряжениями. Предполагалось, что повинности народа отныне определялись областным начальством, а не мурзами¹⁹⁹. Всё это свидетельствовало о достаточно глубокой инкорпорации ногайцев в правовое поле империи, произошедшей за последние десятилетия.

Производимые изменения коснулись и роли мусульманского духовенства, отношение к которому у российских властей на Кавказе было традиционно настороженным. Оно было отстранено от решения вопросов, касающихся разбора гражданских дел: «Никто из духовенства магометанского не мешается в разбор дел гражданских, иначе, разве избран будет посредником»²⁰⁰.

Заложенные в реформу идеи компромисса оказались настолько удачны, что без изменения просуществовали вплоть до 1917 г.²⁰¹.

---

¹⁹⁸ Дебу И.О. Кавказской линии и присоединённом к ней Черноморском войске, или общие замечания о поселённых полках, ограждающих Кавказскую линию, и о соседственных горских народах. С 1816 по 1826 год. СПб., 1829. С. 143–144.

¹⁹⁹ АКАК. Тифлис, 1875. Т. VI. Ч. 2. С. 524.

²⁰⁰ ПСЗРИ. Собрание второе. Санкт-Петербург, 1830. Т. II. 1827. С. 152.

²⁰¹ Кочкаев Б.Б. Социально-экономическое и политическое развитие ногайского общества в XIX – начале XX века. Алма-Ата: Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского книжного издательства, 1973. С. 122.

Отмечая удачные решения российских властей в деле правового оформления новых политических реалий в крае, мы должны отметить и наличие завышенных ожиданий у правительства относительно быстрого эффекта от производимых новаций. Вместе с тем рассчитывать на них не приходилось. Любопытны рассуждения барона М.А. Корфа, который впоследствии подвёл итог предпринятым усилиям. Он совершенно справедливо отмечал, что империя в первой половине столетия не только воевала на Кавказе, но и стремилась к его обустройству, внося изменения «в учреждениях существовавшего там гражданского порядка». При этом в Петербурге складывалось мнение, что оптимальная модель уже создана и успешно внедрена на практике. Однако вслед за этим возникало горькое разочарование, вплоть до того, что приходилось отказываться от уже сделанного и начинать всё сначала. При этом новации ждала та же судьба, что и предшествующие замыслы.

Барон сетовал на то, что такие колебания стоили казне немалых издержек. Щедрые награды отличившимся чиновникам, финансирование комитетов и комиссий не являлись гарантией продуктивной работы. Историкам удаётся увидеть лишь вершину данного процесса, который нашёл отражение в официальных документах. Но далеко не все обстоятельства этого поиска были зафиксированы на бумаге. У каждого проекта были и противники, и сторонники, отстаивавшие порой противоположные точки зрения на кавказскую проблему²⁰².

По нашему мнению, дело было не столько в ошибках или корысти отдельного сановника, а в динамично меняющейся ситуации в крае. Под воздействием российской политики горцы вносили коррективы в свой жизненный уклад. Это далеко не всегда был путь компромисса. На фоне успехов движения мюридов вполне здравые идеи гражданского обустройства края на имперских началах оказались неактуальны. Но по мере усиления военно-политического доминирования России на этих территориях

---

²⁰² Из записок барона (впоследствии графа) М.А. Корфа // Русская старина. 1900. Т. 101. С. 25–26.

появилась возможность вернуться к их реализации. Отсюда и казавшаяся М.А. Корфу непоследовательность и даже тупик в осуществлении проекта властей, направленного на органичное «врастание» местных народов в правовое поле России.

Достаточно оптимистично в этой связи выглядел проект сенатора П.В. Гана, который был убеждён, что Кавказ конца 30-х годов XIX века уже готов к распространению «российских судебно-административных схем»²⁰³.

Повышенное внимание к региону привело к тому, что в 1845 г. был создан Кавказский комитет. Он должен был анализировать и корректировать проекты по управлению краем, давать рекомендации местным органам власти, контролировать их работу. Его появлению предшествовало создание схожей структуры, которая занималась делами Закавказья. Учреждённая в 1833 г., она была сочтена полезной, а потому решено было воспользоваться накопленным опытом и распространить такую практику на весь регион²⁰⁴.

Можно согласиться с мнением Г.Г. Лисицыной о том, что данный шаг был сделан для усиления концентрации власти с целью успешного решения проблем Кавказа. Он повышал эффективность работы как высших государственных инстанций, так и местного управления. Появившийся специальный комитет давал возможность Петербургу сохранить надзор за происходящими в крае событиями. Он должен был действовать совместно с особо доверенными императору лицами, назначаемыми на Кавказ в качестве наместников²⁰⁵. Но здесь, как нам представляется, скрывалась опасность конфликта между наместничеством и Кавказским комитетом, и многое зависело от того, на чью сторону встанет император в конкретном случае. Это была традиционная политика сдержек и противовесов, в целом присущая имперской политической практике.

---

²⁰³ Национальные окраины в политике Российской империи и русской общественной мысли. / Под общ. ред. А.Т. Урушадзе. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2020. С. 53.

²⁰⁴ Лисицына Г.Г. Кавказский комитет 1845 – 1882. // КЛИО. 1997. № 2. С. 140–148.

²⁰⁵ Лисицына Г.Г. Кавказский комитет – высшее государственное учреждение для управления Кавказом // «Россия и Кавказ – сквозь два столетия». Исторические чтения. Санкт-Петербург: АОЗТ Журнал «Звезда», 2001. С. 155.

Благодаря авторитету и личным связям первого наместника М.С. Воронцова с императором, он получил огромный административный ресурс, что позволило добиться самой широкой автономии в управлении регионом. Ни один из министров, исключая только министра финансов, не мог отдавать распоряжение М.С. Воронцову. Да и министерство финансов имело право проводить ревизии в крае и контролировать присылаемую отчётность, но не определять шаги наместника в получаемых доходах или имеющихся расходах на подконтрольной ему территории. Оговаривалось, что отправляемые из наместничества в Сенат дела «не должны быть отсылаемы на заключение министров и главноуправляющих отдельными частями, так как наместник пользуется всеми вообще правами, министрам и главноуправляющим присвоенными»²⁰⁶. Таким образом, ни один из предшественников не имел таких полномочий, которые были даны Михаилу Семёновичу.

Но и Кавказский комитет был представлен людьми, входившими в ближайшее окружение государя. Достаточно сказать, что среди его членов был военный министр князь А.И. Чернышёв, выполнявший роль председателя, шеф жандармов А.Р. Орлов, министр финансов статс-секретарь Ф.П. Воронченко и другие знаковые лица российского политического Олимпа. Ссориться и конфликтовать с ними опытный царедворец М.С. Воронцов не собирался. Грамотная кадровая политика позволила императору создать эффективный механизм управления Кавказом, и назначенная им команда, пусть и не сразу, но сумела разработать необходимую стратегию не только умиротворения беспокойного края, но и его реальной интеграции в состав империи²⁰⁷.

Сложившаяся практика соответствовала динамично меняющейся в регионе обстановке. Она находила отражение в тех вопросах, которые обсуждал Кавказский комитет, служа своеобразным экспертным фильтром

---

²⁰⁶ ПСЗРИ. Собрание второе. Санкт-Петербург, 1858. Т. XXXII. Отделение первое. 1857. С. 329.

²⁰⁷ Малахова Г.Н. Становление и развитие российского государственного управления... С. 196–197.

для предложений наместника. Учитывая, что комитет фактически был представлен действующими министрами, удавалось в целом сглаживать определённые конфликтные моменты между правительством и автономным наместничеством. Кавказская администрация уже не могла сетовать на ограничивавший её самостоятельность Петербург, списывая свои просчёты на правительство. А правительство, в свою очередь, сохраняло присмотр за этой частью империи, формально имея возможность принимать участие в её судьбе²⁰⁸.

Стремление достичь универсальности в управлении частями империи привело к тому, что деятельность Кавказского комитета была объединена с Сибирским. Эти части государства не могли быть механически приравнены к внутренним губерниям, а потому в 1856 г. их канцелярии были совмещены, а штат чиновников, в них служащих, расширился²⁰⁹.

Кавказский комитет выполнил в итоге свою задачу и был упразднён в 1882 г. вместе с наместничеством. Как справедливо отмечают исследователи, «история кавказского комитета как государственного учреждения не уникальна – все они проходят в своей эволюции похожий путь: учреждаются, утрачивают одни функции и приобретают другие, упраздняются, некоторые из них создаются вновь, их деятельность зависит от политических, экономических или других запросов правящей власти...»²¹⁰. Необходимо отметить, что наследие Кавказского комитета является важнейшим историческим источником, благодаря которому мы получаем представление о динамике развития кавказской политики империи, направленной на внедрение новых державных порядков в крае, нашедших отражение в решениях, аналитических справках, циркулярах, выходивших из стен этого учреждения.

Важность административных преобразований прекрасно понимал будущий победитель имама Шамиля князь А.И. Барятинский. Он был

²⁰⁸ Лисицына Г.Г. Кавказский комитет – высшее государственное... С. 156–157.

²⁰⁹ ПСЗРИ. Собрание второе. Санкт-Петербург, 1857. Т. XXXI. Отделение первое. 1856. С. 1084.

²¹⁰ Лисицына Г.Г. Кавказский комитет – высшее государственное... С. 166.

убеждён, что доставшаяся ему система управления чрезмерно громоздка, неэффективна и забюрократизирована, а потому нуждается в кардинальной реформе²¹¹. При нём начали создавать особые комитеты, которые разрабатывали различные управленческие задачи. Все полученные материалы стекались во Временное отделение, действующее при Главном управлении наместника. Помимо выработки общего проекта, к числу обязанностей Временного отделения относился и сбор информации о состоянии края, статистических данных и тому подобных сведений, которые позволяли получить комплексное представление о происходящих в регионе процессах²¹².

Примечательны неофициальные взгляды на деятельность Временного отделения, которые были зафиксированы в мемуарах современников. В частности, по словам В.А. Инсарского, «учреждение это носило другое, частное наименование, кажется самым князем придуманное: «Министерство прогресса». Замашки этого учреждения на первое время были страшно широки и величественны. Поставленное в личные отношения к князю, оно самоуверенно смотрело на самую канцелярию наместника, по поводу чего произошло тотчас несколько столкновений. Оно потребовало отовсюду все проекты и предположения, какие только существовали где-нибудь»²¹³.

Автор явно не скрывает своего сарказма, однако следует подчеркнуть, что Временное отделение как раз и создавалась для такой работы. Отмечается, что внутри, на первый взгляд, стройной и основанной на жёсткой субординации системы управления существовала конкуренция, наличие которой позволяло улучшать конечный результат работы, хотя и досаждало чиновникам необходимостью доказывать свою состоятельность по сравнению со своими коллегами из других структур.

По мере накопления опыта и заметных изменений, произошедших на Кавказе, было принято решение в качестве временной меры принять в 1858 г.

---

²¹¹ Муханов В.М. Покоритель Кавказа А.И. Барятинский. Москва: ЗАО Центрполиграф, 2007. С. 124.

²¹² АКАК. Тифлис, 1904. Т.ХІІ. С. 8–9.

²¹³ Записки Василия Антоновича Инсарского // Русская старина. 1897. № 12. С. 634.

«Положения о Главном Управлении и Совете наместника Кавказского». А.И. Барятинский не был уверен в эффективности своих начинаний и предложил назначить срок их функционирования, ограничив его двумя годами. Но убедившись в их пользе, продлил срок существования этих органов ещё на семь лет²¹⁴.

Не отказываясь от концентрации власти в своих руках, наместник одновременно старался сосредоточить внимание на первоочередных, военных задачах. Боевые действия происходили с каждым годом всё успешнее для российских войск, и крах тех, кто ещё пытался сопротивляться, становился очевиден. Нельзя было давать неприятелю передышку, но для успешного закрепления полученного результата нужно было демонстрировать местным жителям достижения в гражданской сфере²¹⁵. Между тем начальник Главного управления «утратил своё назначение в то самое время, когда необходимость в нём, с расширением пределов действий главного начальника в крае, сделалась наиболее ощутительной»²¹⁶. А потому предложенные изменения позволяли перепоручить гражданское управление своим ближайшим и доверенным людям, которых А.И. Барятинский подбирал сам. Он наделил начальника Главного управления такими же правами и возможностями, какие имел в армии начальник Главного штаба²¹⁷.

Император пошёл на беспрецедентные меры и позволил А.И. Барятинскому получить даже финансовую независимость²¹⁸. Этого не имел М.С. Воронцов, который должен был согласовывать свои траты с министерством финансов. Таким образом, Петербург сделал всё, чтобы обеспечить максимальное благоприятствование кавказской администрации, и результат не заставил себя ждать. Длительное противостояние, которое изматывало империю, забирая существенные силы и средства, к началу 60-х годов XIX в. было прекращено.

²¹⁴ АКАК. Тифлис, 1904. Т. XII. С. 25-43.

²¹⁵ Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом. Тифлис, 1907. Т. I. С. 92.

²¹⁶ АКАК. Тифлис, 1904. Т. XII. С. 23.

²¹⁷ АКАК. Тифлис, 1904. Т. XII. С. 24.

²¹⁸ Там же. С. 17.

Важным примером компромисса между имперской властью и местными народами, с их традициями и принципами существования, может считаться модель военно-народного управления. У её основ также лежал проект, предложенный командой А.И. Барятинского. По мере расширения подконтрольных России территорий для проживавших здесь горских племён была создана соответствующая их пожеланиям система судебно-административных учреждений. Так, в декабре 1857 г. на левом крыле Кавказской линии появились округа, в основе которых лежал этнический принцип разделения – Кабардинский, Военно-Осетинский и Кумыкский. На правом крыле были укрупнены приставства, в итоге сосредоточенные в четырёх округах – Нижне-Прикубанском, Закубанских ногайцев, Тахтамышевском и Карачаевском²¹⁹.

Во главе каждого из выделенных округов был назначен высокопоставленный российский офицер в чине полковника или даже генерал-майора, подчинявшийся командующему войсками Левого крыла.

Наместник постарался взять из опыта предшественников наиболее удачные решения, в том числе сохранив полезный опыт судопроизводства, когда потребовалось для «разбора жалоб и тяжб, обсуждения вопросов о нуждах и потребностях племени, в каждом округе учредить Народный Суд из постоянных членов, по примеру уже существующего ныне Чеченского суда в крепости Грозной»²²⁰. Во главе Суда оставался русский офицер, но и интересы горцев не были проигнорированы. Каждое их общество имело здесь своего представителя, а духовные дела должен был рассматривать компетентный в таких вопросах кадий. Чтобы решить проблему с ведением документации, учитывая отсутствие необходимого количества грамотных людей среди самих горцев, эту работу поручали адъютанту Начальника округа, становившемуся делопроизводителем²²¹.

---

²¹⁹ ПСЗРИ. Собрание второе. Санкт-Петербург, 1858. Т. XXXII. Отделение первое. 1857. С. 995.

²²⁰ ПСЗРИ. Собрание второе. Санкт-Петербург, 1858. Т. XXXII. Отделение первое. 1857. С. 995.

²²¹ Там же. С. 995–996.

Для А.И. Барятинского проводимые преобразования были продолжением его замысла по покорению «немирных» горцев. Наместник справедливо отмечал, что былые военные достижения были очень быстро утрачены, так как не подкреплялись позитивными изменениями в жизни народа. Но теперь, когда силами армии воинственные мюриды были вновь ослаблены, перед российской властью открывались новые перспективы. А.И. Барятинский отмечал, что не сомневается в том, что «через несколько времени, пользуясь мирною жизнью, горцы утратят свою воинственность, скинут оружие и обратятся в поселян»²²².

И это были не гипотетические предположения, а опыт, полученный в результате наблюдения за чеченцами. Отличавшиеся воинственностью, они, оказавшись в новых условиях, кардинально изменили свой образ жизни: «заменяя оружие плугом, горцы с жадностью бросались на всё, что может им принести выгоду, и в непродолжительное время, из нищих становятся довольно зажиточными людьми»²²³.

Теперь же не военные победы, а гражданское обустройство наместник называл в своём «Отчёте за 1857–1859 годы» «главной задачей текущего периода». Отмечалось, что «почти везде приходилось начинать сизнова, потому что всё прежнее управление, кроме учреждённого в 1852 году для чеченского народа», оказалось нежизнеспособным в новых обстоятельствах²²⁴.

Причины такой ситуации А.И. Барятинский видел в просчётах прежних лет, в частности, в стремлении изжить адат из горской жизни и повсеместно внедрить шариат. При этом было сделано весьма точное наблюдение, что в этом вопросе интересы и усилия мюридов и российской администрации совпадали: «Шамиль и его предшественники не щадили ничего, чтоб везде стереть родовые отличия, уничтожить народное законодательство и поставить на его место чистый шариат, для мюридов это было необходимо,

---

²²² АКАК. Тифлис, 1904. Т. XII. С. 1287.

²²³ Там же.

²²⁴ АКАК. Тифлис, 1904. Т. XII. С. 1287.

потому что только таким средством они могли подчинить народ своей духовной опеке»²²⁵.

Наместник считал это ошибкой со стороны правительства. Между тем такое положение было не следствием просчётов, а вполне закономерным этапом развития горских обществ, ставшим на путь модернизации под воздействием российского влияния. Даже противники империи, для того чтобы противостоять её натиску, вынуждены были ступить на путь реформ, пытаясь предложить собственный проект изменения жизни местных народов на основе шариата.

Как их российские «оппоненты», лидеры горского сопротивления делали ставку на укрепление единоначалия. Только оно позволяло добиться эффективной мобилизации сил и средств для противоборства с царскими войсками. Отсюда необычайная схожесть антагонистов, добивавшихся по сути одних и тех же результатов. Сторонники мюридизма создавали общество-армию, а для этого активно внедряли новые мировоззренческие начала. Они нашли отражение как в распоряжениях имамов, прежде всего, Шамиля, так и в поступках подчинённых ему наибов. В итоге была создана принципиально новая административно-хозяйственная, идеологическая, судебная и социальная структура, позволившая не только отвечать на внешние вызовы, но, что самое главное и трудное, изменить облик горского социума, открыть его для новаций²²⁶.

Сумев объединить под своей рукой обширные по местным меркам территории, Шамиль разделил их на наибства и области. Назначенный управлять каждым таким участком представитель имама наделялся самыми широкими полномочиями, фактически сосредотачивая в своих руках все ветви власти. Это позволяло оперативно реагировать на возникающие вызовы, тем более что в условиях географической локальности сам имам не

---

²²⁵ АКАК. Тифлис, 1904. Т. XII. С. 1287.

²²⁶ Блиев М. М., Дегоев В. В. Кавказская война. Москва: Росет, 1994. С. 383–384.

всегда мог оперативно вмешиваться в местную жизнь²²⁷. В этом отношении теократия оказалась более гибкой, чем имперская администрация, далеко не сразу пришедшая к идее автономного наместничества.

При Шамиле были внедрены законы, которые защищали право собственности, регламентировали распределение материальных ценностей внутри имамата, закрепляли социальный статус горца, что было особенно важно, учитывая произошедшее обновление местных элит, произошедшее в результате внедряемых мюридами новых порядков. Старая знать либо истреблялась, либо уходила под защиту русских, либо признавала власть имама, уже из его рук получая статусные привилегии²²⁸.

Внедряемые изменения нашли отражение в «Низаме» Шамиля, где он излагал те правила и принципы, на основе которых зиждился порядок в его теократии²²⁹. В нём регламентировались фискальные выплаты, оговаривались брачно-семейные отношения, раздел добычи, административное устройство имамата и тому подобные важные стороны жизни горцев. Обращают на себя внимание различные запреты, которые свидетельствуют о попытке подчинить всё общество решению военных задач путём отказа от любых развлечений, которые могли помешать этому²³⁰.

Насилие, культивируемое в имамате, Шамиль объяснял следующим образом: «Правду сказать, я употреблял против горцев жестокие меры: много людей убито по моему приказанию... Бил я и шатоевцев, и андийцев, и тадбуртинцев, и ичкеринцев; но я бил их не за преданность к русским – вы знаете что они никогда её не выказывали – а за их скверную натуру, склонность к грабительству и разбоям...»²³¹. Неудивительно, что горцы, ранее выказывавшие преданность делу мюридизма, стали покидать имамат, сочтя условия, предлагаемые русскими, более выгодными для жизни. Не

²²⁷ Макаров Т. Шамиль – гражданский и военный правитель (Очерк из описания военного крыла) // Кавказ. 1859. № 94. С. 325–326.

²²⁸ Блиев М. М., Дегоев В.В. Указ. соч. С. 393.

²²⁹ Руновский А. Кодекс Шамиля. Санкт-Петербург, 1862.

²³⁰ Руновский А. Кодекс Шамиля. Санкт-Петербург, 1862. С. 53.

²³¹ Там же. С. 54.

помогали даже репрессии, с которыми обрушивался Шамиль на тех, кто поддерживал отношения с русскими и даже с «мирными» горцами²³².

На Северо-Западном Кавказе осуществлялась попытка «калькировать» опыт Шамиля и создать здесь ещё один имапат. С этой целью сюда приезжали его наибы, которые активно привлекали черкесов на свою сторону. Однако столкнувшись с негативной реакцией конкурентов из числа местной аристократии, они вынуждены были противостоять не только русским, но и им. Ярким примером служит вражда между Мухаммед Амином и Сефер-беем Заноко, когда даже попытка османов и англичан сплотить черкесов против России успехом не увенчалась²³³.

После ликвидации имамата административно-территориальные преобразования в крае были продолжены. В феврале 1860 г. были созданы Кубанская и Терская области и Ставропольская губерния²³⁴. На смену разделяющей Северный Кавказ кордонной Линии пришло единое общероссийское пространство, а из официальных документов исчезло определение «немирные» горцы.

В апреле 1860 г. были внесены изменения в управление Дагестаном, причём сохранив принцип совместного управления краем силами российских офицеров и выборных представителей от самих горцев, власти пошли на активное привлечение кадров, доставшихся им от имамата²³⁵. Таким образом, признавались заслуги Шамиля в деле реформирования северокавказского социума, мировоззренческая парадигма которого за прошедшие десятилетия претерпела серьёзные трансформации.

Российская администрация, сохранив значительную часть присущих народам Кавказа форм общественного устройства, сумела создать жизнеспособную и компромиссную модель управления. Она сохранилась

²³² Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50 гг. XIX века. Сборник документов. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1959. С. 386.

²³³ Бллев М.М. Горцы Большого Кавказа. На пути к цивилизации. Москва: Мысль, 2004. С. 714–720.

²³⁴ ПСЗРИ. Собрание II. Санкт-Петербург, 1862. Т. XXXV. Отделение I. С. 122; Учреждение управления Кавказского и Закавказского края. Тифлис, 1869. С. 5.

²³⁵ Шингарова З.О. Изменения в административном управлении накануне образования Дагестанской области // Вестник Дагестанского университета. 2014. Вып. 4. С. 16.

вплоть до падения империи, олицетворяя собой не только просчёты, но и безусловные достижения российской государственности²³⁶.

Распространявшиеся на Северном Кавказе порядки Российской империи находили отражение в различных проектах, законах, а новые административно-судебные учреждения, которые внедрялись в местную жизнь и непосредственно регламентировали порядок в крае, породили обширный пласт документов, которые наглядно демонстрировали процесс интеграции региона в состав многонациональной державы.

Изначально в Петербурге отсутствовало понимание того, как адаптировать образ жизни местных народов к правовому полю империи. Отсюда и непрерывный поиск такой модели управления, которая, не раздражая северокавказские общества чрезмерным вмешательством в укоренившийся образ жизни, позволила бы одновременно приучить их к тем принципам и установкам, по которым жили другие подданные императора. Этот процесс осложнялся нередко неблагоприятной внешнеполитической конъюнктурой, которая заставляла действовать решительно и с помощью силового воздействия влиять на горцев, пресекая их неприемлемые для российского закона традиции, прежде всего, набеги и захват пленников.

В итоге для Кавказа сочли наиболее подходящим наличие значительной автономии, что давало возможность оперативно реагировать на возникавшие вызовы. Появляется наместничество, которое успешно воплощает в жизнь главную задачу – умиротворение воинственных народов и создание для них привлекательных условий сосуществования в составе империи.

Изменения инициировали и противники империи. В имамате они постарались создать жёсткую вертикаль власти, позволявшую им мобилизовать силы и средства горцев на борьбу с Россией.

---

²³⁶ Бобровников В.О. Военно-народное управление в Дагестане и Чечне: история и современность // «Россия и Кавказ – сквозь два столетия». Исторические чтения. Санкт-Петербург: АОЗТ Журнал «Звезда», 2001. С. 94–95.

Всё это в итоге привело к трансформации базовых парадигм горского общества, приучило их к жизни в условиях господства государственных порядков.

Замыслы российских властей по органичному включению горских обществ в состав империи неоднократно претерпевали изменения и коррективы. На это влияли как внешнеполитические условия, так и позиция самих горцев, далеко не однозначно воспринимавших такие инициативы. Надежда с помощью политики «ласканий» снять имеющиеся противоречия не оправдалась, а потому приходилось применять силовое давление на ту часть общества, которая не желала идти на компромисс. Российская администрация при этом старалась убедить горцев, что не планирует вмешиваться в их внутренний уклад, пока это не затрагивает интересы других подданных империи. Всё это находило отражение в многочисленных текстах присяг, проектах «перевоспитания» горцев, а также в военно-политических планах командования.

Силовые методы начинают превалировать в начале 20-х годов XIX в., что связано с появлением на Кавказе А.П. Ермолова. Этот генерал, не найдя реальных достижений в «умиротворении» края, предложил усилить военное давление на те горские общества, которые были наименее договороспособны с точки зрения царской администрации. Однако успешные действия армии не привели к решению проблемы, а активизировали сторонников войны с империей. «Немирные» горцы начинают воспринимать борьбу с Россией как религиозную обязанность и сплачиваются вокруг идеологии мюридизма. Налицо был раскол на тех, кто желал продолжения войны, и тех, кто хотел сохранить мирные отношения с империей. Отсюда и участие местных народов в усилившемся противостоянии как на стороне имамата и прочих противников России, так и в противостоящем им лагере так называемых «мирных» горцев.

Но только вооружённой борьбой процесс «умиротворения» края не ограничивался. Российские власти настойчиво стремились вовлечь местные народы с новую административно-судебную систему, которая последовательно внедрялась на Кавказе. Долгое время не удавалось создать компромиссную модель управления, которая не противоречила бы базовым принципам существования империи, но при этом учитывала обычаи и традиции горских народов. Сказывалось то, что действовать приходилось в условиях военной нестабильности, а потому гражданская администрация почти всё время находилась в подчинении у военных властей. В конечном итоге возобладали идеи о предоставлении местному управлению самых широких полномочий и значительной автономии. Это привело к появлению наместничества – системы управления, наиболее подходящей кавказским реалиям рассматриваемого периода. Стала складываться система военно-народного управления, которая устраивала обе стороны исторического диалога, происходившего между Российской державой и постепенно приобщавшимися к государственным порядкам горцами.

К единоначалию стремились и противники Российской империи, сумевшие создать весьма эффективный механизм мобилизации ресурсов горских народов для продолжения войны. Это был имамат, сплотивший часть населения с помощью идеологии мюридизма и значительно повлиявший на базовые мировоззренческие парадигмы местных обществ. Обе стороны противостояния старались артикулировать свои требования в законах. Они доводились до населения и с помощью убеждений или насилия внедрялись на практике.

ГЛАВА II. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ, ПРАВОВЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ ПОСЛЕВОЕННОГО КАВКАЗА

2.1. Трансформация экономики Северного Кавказа во второй половине столетия

Завершение военных действий на Северном Кавказе открывало самые широкие возможности для развития хозяйственного потенциала местных народов. Российский рынок стал доступным для местных производителей, которые постепенно переходили от натурального хозяйства к товарному производству. Всё это повлекло за собой существенные социальные трансформации, изменения в политической практике имперской администрации в крае. Данные процессы находили отражение в правовых решениях, которые фиксировались в различных указах, циркулярах, распоряжениях и т.п.²³⁷

Нельзя говорить, что данные тенденции не просматриваются и в первой половине столетия, но именно в рассматриваемый период они становятся динамичными, и в них начинает принимать участие подавляющее число жителей региона. Важно подчеркнуть, что по мере увеличения числа славянских, прежде всего, русских и украинских переселенцев, экономическая активность и горского населения начинала соответствовать аналогичному уровню прочих частей империи. Народы Северного Кавказа демонстрировали невероятную восприимчивость к новым способам хозяйствования и стремились занять собственную нишу в региональном рынке, границы которого вскоре станут узкими для наиболее успешных предпринимателей из их среды.

---

²³⁷ Григорян М.Р. Промышленный потенциал Северного Кавказа во второй половине XIX века // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. 2022. № 3. С. 88.

Естественно, что говорить о быстрых изменениях в традиционном хозяйственном укладе не приходилось, особенно когда речь шла о горных районах, в силу ландшафтной специфики продолжавших жить достаточно автономно²³⁸. На Кавказе вполне успешно функционировала экономическая модель, которая формировалась веками и которая в своей основе имела разделение труда по принципу *горы – равнина*, между которыми был налажен товарообмен²³⁹.

Помимо естественных для всякого традиционного общества занятий земледелием и скотоводством, получили развитие и различные ремёсла. Но они так и не достигли промышленного масштаба и чаще всего не обслуживали обезличенный рынок. Кустарный промысел обслуживал интересы либо собственной семьи, либо ближайшего окружения. По мере развития товарно-денежных отношений, изменения запросов общества, которое активно стало использовать денежные расчёты в товарообмене, ремесленники начали ориентироваться на растущую потребность населения в их услугах, тем более что и платежеспособность у немалого количества местных жителей возросла.

Наибольшее распространение имели промыслы, связанные с обработкой сырья, связанного с животноводством. Речь шла о кожаной обуви, конской сбруи, ремней, а также изделиях из шерсти – тулупах, шубах, папахах. Качество изделий по местным меркам было высокое, а потому они пользовались спросом как среди горцев, так и у русского населения края²⁴⁰.

Некоторые вещи стали своеобразным культурным маркером Кавказа. Например, бурка, которую приобретали в пределах региона, а также покупали в качестве «сувенира» многочисленные приезжие. Отсюда и объёмы производства данного изделия, исчисляемые тысячами, что явно

---

²³⁸ Масальский В. Кавказ и его промышленность // Кавказский вестник. 1900. Книга 7. № 7. С. 92.

²³⁹ Силаев Н.Ю. Северный Кавказ в составе России во второй половине XIX в.: демографические, экономические, административно-правовые аспекты интеграции: дисс. ...канд. ист. наук: 07.00.02. М., 2002. С.136.

²⁴⁰ Гранкин Ю.Ю. Наместничество и реализация стратегии экономического развития Северного Кавказа в 1844-1881 гг.: монография. – Пятигорск: ПГЛУ, 2011. С.87.

выходило за рамки натурального хозяйства²⁴¹. Центрами производства бурок были Дагестан и Чечня, которые постепенно восполняли утраты, полученные в результате затяжного вооружённого противостояния, а также тех запретительных мер, которых придерживалась власть имамата, ограничивавшая их экономическое взаимодействие с русскими.

Достаточно многочисленными были кустари-ремесленники, занимавшиеся изготовлением изделий из металла. Речь идет, прежде всего, об оружейниках, поддерживавших высокий спрос на кинжалы и шашки, считавшиеся неизменными мужскими атрибутами на Кавказе. Некоторые мастера делали огнестрельное оружие, но в дальнейшем правительство запретила его изготовление, а уже имеющиеся на руках винтовки власти постепенно изымали из оборота. Но на холодное оружие эти меры не распространялись, хотя его количество также сократилось.

Высокую оценку получили ювелирные изделия, обладавшие индивидуальностью и неповторимостью. На их производство шли драгоценные металлы, что наряду с усилиями мастера давало в итоге высокую прибавочную стоимость, покрывавшую расходы на материалы и затраченное время.

Г.А. Вертепов отмечает, что оригинальная ручная работа горских умельцев позволяла им найти своего заинтересованного покупателя на рынке. Мастера-ювелиры занимались изготовлением серебряных блях для поясов, нагрудников, дорогой сбруи для лошадей, женских украшений – поясов, сережек и браслетов, а также обработкой рукояток ножей и кинжалов²⁴². Г.А. Горчханова отмечает, что во второй половине XIX столетия на территории Чечни и Ингушетии ювелирной деятельностью занимались 54 мастера²⁴³.

---

²⁴¹ Маргграф О.В. Очерки кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. М., 1882. С. 30.

²⁴² Вертепов Г.А. Очерки кустарных промыслов в Терской области // Терский сборник. Владикавказ, 1897. Вып. 4. С. 25.

²⁴³ Горчханова Г.А. К состоянию кустарных промыслов и обрабатывающей промышленности в пореформенной Чечено-Ингушетии // Вопросы политического и экономического развития Чечено-Ингушетии (XVIII- начало XX века). Грозный, 1986. С. 80.

Несмотря на конкуренцию со стороны фабричных изделий, спрос на кузнечные товары все еще сохранялся. Особенно широкое распространение создаваемые изделия получили в высокогорных районах, удалённых от центра и железных дорог. Мастера кузнечных дел занимались изготовлением плугов, серпов, подков, лопат, мотыг и топоров, потребность в которых особенно возрастала летом в период осуществления земледельческих работ²⁴⁴.

К 1889 г. только в Чечне кузнечным искусством было занято 225 мастеров²⁴⁵. Как представляется, объяснялось это не только слабостью фабричной промышленности империи, оказавшейся не в состоянии полностью удовлетворить запросы населения, но и достаточно высоким качеством местных изделий, а также доступной ценой, которую предлагали покупателям местные мастера. Специфичный товар не требовал частой замены, легко ремонтировался, а потому был по силам кустарям.

Данная ситуация не была статичной. Пусть медленно, но неуклонно ниша, занимаемая кузнецами, сокращалась. Считается, что в 70-80-е годы XIX в. на равнине количество фабричных изделий из числа сельскохозяйственных орудий превысило кустарные образцы. Но в отличие от плоскости горные районы ещё долго обходились привычными и гораздо лучше приспособленными к ландшафтными особенностями орудиями труда²⁴⁶. Окончательно они были вытеснены лишь во второй половине XX в. Б.А. Калоев в своей монографии, посвящённой истории земледелия у народов Северного Кавказа, на основании тщательно собранного и систематизированного материала заключил, что «эти орудия, созданные в процессе вековой практики, наилучшим образом отвечали местным условиям. Лишь после коллективизации сельского хозяйства в ряд мест

---

²⁴⁴ Хасбулатов А.И. Чечено-Ингушетия накануне первой русской буржуазно-демократической революции. Грозный, 1963. С.60.

²⁴⁵ Пиралов А.С. Краткий очерк кустарных промыслов Кавказа. СПб., 1913. С. 25.

²⁴⁶ Ахмадов Ш.Б. Взаимовлияние производственного опыта русских переселенцев и местных народов Терской области в XIX – начале XX в. // Прогрессивное влияние России на социально-экономическое и политическое развитие народов Чечено-Ингушетии (дореволюционный период). Грозный: Чечено-Ингушское изд.-полигр. объединение «Книга», 1989. С. 36.

горной зоны были завезены специальные лёгкие железные плуги, применявшиеся наряду с традиционными»²⁴⁷.

Да и возможности фабричного производства, несмотря на очевидные успехи, были далеко не безграничны. Потребность населения в необходимых орудиях труда в полной мере не удовлетворялись. Следует обратить внимание на такой факт, как поставки на Кавказ изделий кустарями из сопредельных губерний Российской империи, в частности, Харьковской. Это была не единовременная акция, а регулярно повторявшаяся сезонная продажа²⁴⁸.

Популярным было также и производство изделий из древесины, чем особенно славились Чечня и Ингушетия. Благодаря большому разнообразию лесных пород у мастеров появлялась возможность заниматься изготовлением сельскохозяйственных орудий и средств передвижения из дерева. Основное же производство заключалось в изготовлении домашней утвари, а также столярных изделий. Кроме того, спросом пользовались бочки, предназначавшиеся для изготовления вина²⁴⁹. Специфика этого товара говорит о том, что его главными потребителями были русские, армянские и грузинские виноделы, так как сами горцы производством алкогольной продукции из винограда занимались мало. Ассортимент привозимых на базар товаров был достаточно широк и включал в себя столы, посуду, сундуки, деревянные колеса, ободья, арбы, желоба для мельниц, арбы, молотильные доски.

Отметим, что в условиях развития промышленного производства, деревообработка не испытывала конкуренции, так как продукция мастеров-деревообработчиков сохраняла постоянный спрос в связи с тем, что основная часть инвентаря крестьян изготавливалась из древесины²⁵⁰. При этом

---

²⁴⁷ Калоев Б.А. Земледелие народов Северного Кавказа. Москва: Наука, 1981. С. 133.

²⁴⁸ Алов А.А. Производство плугов в слободе Беловодске // Отчёты и исследования по кустарной промышленности в России. Санкт-Петербург, 1898. Т. V. С. 471–488.

²⁴⁹ Григорян М.Р. Промышленный потенциал Северного Кавказа во второй половине XIX века. С. 90.

²⁵⁰ Ибрагимова З.Х. Чеченские кустарные промыслы // Чеченская Республика и чеченцы. История и современность. М., 2006. С. 336.

несмотря на то, что изготовление изделий из дерева издавна было традиционным ремеслом на Кавказе, вследствие сокращения лесных угодий и введения ограничений на использование леса со стороны правительства деревообработка лишалась перспективы дальнейшего роста.

Спрос на изделия народных промыслов, которые начинали восприниматься не только с точки зрения утилитарного использования, но и как часть самобытной культуры, принесли популярность изделиям мастеров, которые практиковались на плетении циновок из камыша и осоки. Они способствовали «открытию» товаров Кавказа и с эстетической стороны. Политика государства была направлена на то, чтобы продемонстрировать успехи по вовлечению ещё вчера враждебных северокавказских обществ в единую семью народов. Ярким примером может служить Московская Политехническая выставка, проходившая в 1872 г., на которой мастер из селения Ачхой Губаханова Бельше была награждена бронзовой медалью за изготовленные из осоки рогожи.

Об этой выставке следует сказать особо. Она представляла всю империю и при этом для кавказского материала было подготовлено особое отделение, разместившееся в технологическом павильоне, примыкавшем к кремлёвскому саду. Экспонаты характеризовали историю, этнографию, природные богатства края и давали комплексное представление о хозяйственном укладе местных народов. Помимо упомянутых циновок, обращает на себя внимание наличие на выставке токарных и столярных работ «учеников владикавказской ремесленной школы» и «нижних чинов из штаб-квартир расположенных на Кавказе» а также «инструментов, употребляемых для приготовления деревянной посуды»²⁵¹. Данное обстоятельство показывает, что государство отслеживало и поощряло занятия ремёслами, старалось популяризировать их и обеспечить рост товарности таких сфер деятельности.

---

²⁵¹ Общее обозрение Московской политехнической выставки императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. Москва, 1872. С. III.

Во второй половине XIX века чеченскими мастерами было освоено искусство изготовления веников, для связки которых использовали специальный расщеплённый красный прут, который придавал венику прочность и красивый внешний вид²⁵².

Нельзя не отметить и гончаров, которые обладали навыками изготовления поливной керамики, пользовавшейся популярностью на местных рынках. В частности, в Чечне центрами изготовления посуды являлись Старый Юрт, Майртуп, Шали, Курчалой. Что касается черепицы, то она пришла в обиход местного населения от русских соседей и со временем вытеснила привычные глиняные крыши²⁵³. Количество кирпично-черепичных заводов увеличивалось с ростом городского населения.

Отметим, что кустарные промыслы сохраняли занимаемую ими нишу, несмотря на развитие капиталистических отношений. Успешное конкурентное с изделиями фабрично-заводского производства объяснялось индивидуальностью изделий, производимых местными мастерами, а также тем фактом, что кустарное производство дополняло фабрично-заводское, а не повторяло.

В рассматриваемый период получили распространение механизмы, предназначенные для переработки сельскохозяйственной продукции. По мере роста товарности аграрного сектора их становилось всё больше. Самыми популярными видами подобных производств являлись водяные мельницы, число которых во второй половине столетия достигло 1098 штук²⁵⁴. К концу столетия начали появляться паровые мельницы, характеризующиеся высокой степенью суточной производительности. Так, за 1874 год паровая мельница в Кизляре переработала продукцию на 50 000 рублей, в то время как 40 традиционных водяных мельниц сумели

²⁵²Осмаев М.К., Алироев И.Ю. История и культура вайнахов. М.: Academia, 2003. С.183; Ибрагимова З.Х. Мир чеченцев. XIX век. Москва: «Пробел-2000», 2007. С.631.

²⁵³Иваненко Н.С. Горные чеченцы: Культурно-экономические исследования Чеченского района Нагорной полосы Терской области // Терский сборник. Владикавказ, 1910. Вып.7. С.144.

²⁵⁴Статистические таблицы населенных мест Терской области / под ред. Е. Максимова. – Владикавказ, 1890. – Т. 1. Вып. 1.С. 20.

переработать лишь на 60 800 рублей²⁵⁵. В общей сложности в Терской области к середине 1870-х гг. насчитывалось 308 мельниц, а число промышленных предприятий составляло 380²⁵⁶.

Развитие товарного земледелия также повлияло на появление ряда небольших предприятий, занимающихся переработкой продуктов животноводства и сельскохозяйственной продукции. В частности, появились маслобойни, свечные, мыловаренные, салотопенные, кожевенные заводы²⁵⁷.

Динамичное развитие также получили отрасли, связанные с изготовлением строительных материалов и представленные кирпичными, черепичными, известковыми и другими заводами и фабриками²⁵⁸. Сам факт их бурного роста свидетельствует об изменении благосостояния населения края, переходе к мирным занятиям. В период военного времени горцам приходилось менять место жительства, а потому вкладываться в строительство домов они не могли. Чаще всего использовались лёгкие конструкции, быстро возводимые и недолговечные. Теперь же, по мере роста благосостояния местных жителей, требования к комфорту менялись, что и нашло отражение на спросе на новые строительные материалы.

Исследователи отмечают, что предприниматели из числа горцев чаще всего проживали в плоскостных селениях. Они имели возможность перенимать прогрессивный опыт русских поселенцев и достаточно успешно действовали на региональном рынке. Ограничения, ранее вводимые царской администрацией для горцев в условиях военной нестабильности, теперь были сняты. Если ранее нужно было получать специальное разрешение для поездки в пределах Кавказской Линии, то теперь горцы со своим товаром спокойно приезжали на рынки и ярмарки.

---

²⁵⁵ Гриценко Н.П. Экономическое развитие Чечено-Ингушетии в пореформенный период (1861-1900). Грозный, 1963. С. 148.

²⁵⁶ Гранкин Ю.Ю. Наместничество и реализация стратегии... С.92.

²⁵⁷ Вышинский. Военно-географическое и статистическое описание Кавказского Военного Округа. Тифлис, 1906. С. 337.

²⁵⁸ Ибрагимова З.Х. Чеченская история. Политика, экономика, культура. Вторая половина XIX века. М.: «Евразия+», 2002. С. 322–323.

Фактически во всех крупных населённых пунктах у состоятельных горцев была приобретена недвижимость. Представители горской элиты приобретали участки земли, рассчитывая сдать их в аренду казне, в том случае если там обнаруживались полезные ископаемые. Но нередко это приводило к разорению неудачливых «предпринимателей», и их собственность распродавалась через поземельные банки²⁵⁹.

Большие успехи были достигнуты в нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей отраслях экономики. Преобразования в данной сфере были предприняты Главным управлением наместника, которое обратилось с предложением передать государственные нефтяные источники частным владельцам, обосновывая такое решение проблемами в действующей системе откупа, мешающей динамичному развитию отрасли. Это было связано с тем, что арендаторы, приобретая нефтяные участки, не занимались их разработкой. Ввиду монополии на владение нефтеносными участками, необходимость в увеличении выработки исчезала, так как прибыль формировалась путём повышения цен²⁶⁰. В этой связи в феврале 1872 г. императором Александром II были приняты «Правила о нефтяных промыслах и акцизе с фотогенного производства», смысл которых заключался в закреплении за Главнокомандующим Кавказским краем права на выполнение надзорных и контрольных функций в отношении частных нефтяных промыслов, осуществляемых в регионе. Кроме того, ввиду заинтересованности в развитии данной отрасли экономики власти не запрещали заниматься нефтяными промыслами как своим подданным вне зависимости от их сословия, так и иностранцам.

Население всё больше нуждалось в керосине. Существенно стимулировало спрос освещение городских улиц с помощью ламп, использовавших данный продукт нефтепереработки. В добычу нефти

---

²⁵⁹ Казначеев А.В. Развитие северокавказской окраины России (1864–1904 гг.). Пятигорск: «Технологический университет», 2005. С. 34.

²⁶⁰ Колосов Л.Н. Очерки истории промышленности и революционной борьбы рабочих Грозного против царизма и монополий (1893-1917). Грозный: Грозненский рабочий, 1962. С.46.

кустарными способами активно включилось и горское население, используя для этого обычные колодцы²⁶¹.

К концу XIX столетия удалось решить одну из главных проблем, которая не позволяла успешно разрабатывать природные богатства края, а именно отсутствие эффективных и рентабельных коммуникаций, приспособленных для транспортировки нефти. Теперь же «с окончанием постройки Петровской ветви и с развитием нефтяного дела в Грозном... для приёма и отправки этих грузов в Новороссийске Обществом Владикавказской дороги построено 17 резервуаров на 150 тысяч пудов каждый, всего на 2 550 000 пудов и 3 трубопровода от резервуаров к пристани для налива пароходов»²⁶². Следует упомянуть и наличие специальных вагонов-цистерн, специально приспособленных для этого специфического груза.

Вместе с тем существовал ряд факторов, тормозящих развитие добычи нефти. Во-первых, Баку, являвшийся конкурентом в нефтяной промышленности, имел более выгодное месторасположение благодаря беспрепятственному доступу к Каспийскому морю, что позволяло организовывать перевозки сырой нефти и продуктов нефтепереработки с помощью водного транспорта по более низким ценам. По данным 1898 г. добыча нефти близ города Грозного составляла 300 000 тонн за год, в то время как, например, на месторождениях в Баку добывалось 8 миллионов тонн в год²⁶³. Во-вторых, главные нефтяные месторождения были сконцентрированы на территории Терского казачьего войска, ввиду чего поступление частного капитала было затруднено по причине заинтересованности казаков не в усовершенствовании нефтяных промыслов, а в получении постоянного дохода, формируемого благодаря ренте с

---

²⁶¹ Казначеев А. В. Указ. соч. С. 35

²⁶² Портовые устройства Общества Владикавказской железной дороги и обзор коммерческой деятельности в Новороссийске на 1-е января 1896 г. Санкт-Петербург, 1896. С. 34.

²⁶³ Масальский В. Кавказ и его промышленность... С. 92.

откупщиков²⁶⁴.

Повышенным вниманием капитала пользовались горнорудные предприятия. Так, немало усилий было предпринято для разработки полезных ископаемых на территории Северной Осетии. Помимо экономических результатов, следует обратить внимание и на социальные последствия функционирования Садонских рудников, Мизурской обогатительной фабрики, серебросвинцового завода в Алагире. Если первоначально здесь трудились рабочие, привезённые с Урала, Донбасса, Алтая, то к 90-м годам XIX века до 60 % обслуживавших их мастеровых были из числа осетин. Таким образом, данное производство породило рабочий класс, ранее отсутствовавший у местных горцев²⁶⁵.

К уже открытым и разрабатываемым залежам добавлялись новые. Так, в 1865 г. в Аргунском ущелье были обнаружены месторождения медной и железной руды. Однако такое производства требовало больших капиталовложений, а их, как правило, не хватало. Предприниматели предпочитали вкладываться в те отрасли, которые обеспечивали скорую отдачу вложенных средств, чего металлургическая отрасль не приносила. Сказывалось и отсутствие развитых коммуникаций, которые, впрочем, стали возводиться в крае достаточно энергично.

Существующие колесные дороги, спроектированные преимущественно в военно-стратегических целях, не могли удовлетворить современные экономические потребности, кроме того, после завершения вооруженного противостояния они преимущественно были заброшены или стали непригодны для дальнейшего использования в результате разрушения горными обвалами.

Восстановление и создание новых путей сообщения было инициировано не только со стороны правительства страны путём

---

²⁶⁴ Потолов С.И. Начало монополизации грозненской нефтяной промышленности (1893–1903 гг.) // Монополии и иностранный капитал в России. Москва-Ленинград: Издательство АН СССР, 1962. С. 96.

²⁶⁵ Тотоев М.С. Из истории дружбы осетинского народа с великим русским народом. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1963. С. 68.

привлечения местного населения к постройке и ремонту дорог, но и со стороны сельских общин, которые самостоятельно проявили инициативу по вопросу прокладки дорог и в период с 1860 по 1863 годы построили 375 вёрст дорог²⁶⁶. В 1868 г. в Баксанском ущелье была осуществлена прокладка первой колёсной дороги длиной в 80 верст. Быстрыми темпами осуществлялось строительство дорожной сети и в Чечне, в частности, в 1869 г. была проложена дорога от селения Устар-Гордой до селения Эрсеной, а к 1871 г. была построена дорога от Шатоя до Беноя и от населённого пункта Эрсеной до границы с Дагестанской областью²⁶⁷.

Принимая во внимание наличие на территории Терской области густой речной сети, для поддержания сообщений в полной мере первостепенное значение приобретало функционирование на них оптимального количества переправ и мостов²⁶⁸. В связи с этим, например, до 1866 г. было возведено 7 мостов через реку Сунжа и 2 моста через реку Терек близ Владикавказа²⁶⁹.

С целью решения проблем в области сухопутных сообщений между Кавказским регионом и остальной частью страны в 1875 г. была построена Ростово-Владикавказская железная дорога²⁷⁰. Испытывая серьёзнейший дефицит средств, казна искала возможности привлечь иностранный капитал для её строительства. Но потенциальные исполнители заказа опасались вкладывать деньги в проект, который не сулит гарантированной прибыли²⁷¹. Между тем дорога была нужна российскому командованию, которое было заинтересовано в быстрой переброске войск на юг, и здесь политическая необходимость сочеталась с экономической заинтересованностью. Представляется, что железная дорога стала не только инструментом, но и

²⁶⁶ Кавказское краевое военно-народное управление. Всеподданнейший отчет Главнокомандующего Кавказской армией по Военно-народному управлению за 1863-1869 гг. СПб.: Воен. тип., 1870. С. 92-93.

²⁶⁷ Сборник сведений о Терской области. Владикавказ. Владикавказ, 1878. Вып. 1. С. 62-66.

²⁶⁸ РГВИА. Ф. 644. Оп. 1. Д. 54. Л. 26.

²⁶⁹ Ибрагимова З.Х. Чеченские кустарные промыслы // Чеченская Республика и чеченцы. История и современность. М., 2006. С. 336.

²⁷⁰ Харин Ю.Г. Владикавказская железная дорога и её влияние на развитие экономики Ставрополья: Последняя четверть XIX – начало XX вв. Дисс. канд. ист. наук. Пятигорск, 1998. 197 с.

²⁷¹ Москвич Г. Владикавказская железная дорога. Краткий иллюстрированный практический путеводитель. Петроград, 1915. С. 19.

символом интеграционных процессов в крае, соединив в себе различные задачи.

Инициатором строительства выступал наместник Михаил Николаевич, который добился у императора разрешения начать проводить исследования перспективных мест строительства дороги²⁷². Это в итоге преопределило превалирование военно-стратегических задач над хозяйственными в изначальном проекте и не позволит учесть всех пожеланий местного капитала. Достаточно сказать, что дорога изначально обходила стороной Ставрополь, что сильно ударило по интересам местных предпринимателей и рядовых горожан. Однако в дальнейшем дорога будет расширяться и постепенно охватывать те районы Кавказа, которые были перспективными с точки зрения развития различных хозяйственных отраслей.

Впрочем, совсем отрицать равнодушие властей к экономической рентабельности задуманного проекта не приходилось. Уже в самом начале обсуждения замысла звучали призывы сделать дорогу выгодной в «коммерческом отношении», а вслед за этим приобрести рычаг влияния на горцев «в нравственном смысле». Они должны были связывать с Россией надежды на лучшую жизнь, а после чего любые покушения со стороны неприятеля привлечь их на свою сторону сделались бы «почти невозможными»²⁷³.

Отметим то обстоятельство, что наместник добился от государя его личного контроля над этим проектом, отнесённым в итоге к числу наиболее приоритетных для империи²⁷⁴.

Обслуживание железной дороги в целях сохранения её работоспособности, а также защита от поломок и различного рода повреждений осуществлялось путём разделения железной дороги на участки, к которым были закреплены поселения. По решению администрации данные

²⁷² Исторический очерк развития железных дорог в России с их основания по 1897 г. включительно. Санкт-Петербург, 1899. Вып. 2. С. 225.

²⁷³ Кислинский Н.А. Наша железнодорожная политика. По документам архива Комитета Министров / Под ред. А.Н. Куломзина. Санкт-Петербург, 1902. Т. 2. С. 35.

²⁷⁴ Там же. С. 36-37.

поселения организовывали из числа местного населения специальную охрану, которую они обеспечивали за собственные средства²⁷⁵.

В период с 1875 по 1881 годы были организованы перевозки около двух миллионов человек и 70 миллионов пудов различного рода грузов²⁷⁶. В дальнейшем объемы пассажиро- и грузоперевозок только увеличивались. Это объяснялось интеграцией края не только в российское экономическое пространство, но и в мировой рынок. Благодаря Ростово-Владикавказской железной дороге, активно принявшей вкладывать средства в морские порты региона, местное зерно попало в Европу²⁷⁷.

Особое внимание уделялось Новороссийску, к которому провели специальную железнодорожную ветку. В высочайше утверждённом в конце декабря 1884 г. Уставе Общества говорилось о следующих планах и обязательствах, которые оно брало на себя, в частности, предполагалось построить: «а) железнодорожную ветвь от станции Тихорецкой Ростово-Владикавказской железной дороги до города Новороссийска, с приспособленным для движения поездов и экипажей мостом через реку Кубань... б) шоссированные подъезды от станций Екатеринодар и Новороссийск к городам тех же наименований, и 2) производить эксплуатацию всей Ростово-Владикавказской железной дороги с Новороссийскою ветвью...»²⁷⁸. Как видно из этого документа, экономическая сторона железнодорожных коммуникаций к концу столетия стала превалировать над военно-стратегической, а вокруг путей начала формироваться развитая инфраструктура.

Через порт Новороссийска экспортировалось свыше 80 % зерна. Следует особо подчеркнуть, что речь шла не только о местном урожае, но и о хлебе, который поставлялся из других регионов страны. Так, сюда

---

²⁷⁵ Абрамов Я. В. Кавказские горцы. (Из летних экскурсий) // Дело. 1884. № 1. С. 37.

²⁷⁶ Кумыков Т.Х. Вовлечение Северного Кавказа во Всероссийский рынок. Нальчик, 1962. С.142.

²⁷⁷ Кислинский Н.А. Наша железнодорожная политика. С. 212-213.

²⁷⁸ Полное собрание законов Российской империи по воле государя императора Николая I издаваемое. Собрание третье. Санкт-Петербург, 1887. Т. IV. С. 573.

приходили эшелоны из Поволжья, Урала, российского Черноземья и Сибири²⁷⁹.

Для многих жителей Российской империи Северный Кавказ ассоциировался с курортами, которые пользовались популярностью в обществе. Сюда приезжали не только поправить здоровье, но и просто отдохнуть представители российской культурной элиты. С появлением железной дороги в крае настойчиво стали звучать пожелания провести ветку и к этим местам. Непосредственное строительство развернулось в 1892 г., хотя геологоразведочные работы проводились ранее. Возведение дороги происходило быстрыми темпами. Изначально пути пролегали до Ессентуков, а затем были продолжены и до Кисловодска. В мае 1894 г. после работы экспертной комиссии дорога была признана пригодной для эксплуатации и начала свою работу²⁸⁰.

Развитие торговли на Северном Кавказе сопровождалось рядом этапов, характеризующихся переходом от натурального обмена предметов и продуктов первой необходимости, полученных на домашних производствах, к ярмарочному и магазинному обмену. С течением времени, помимо натурального обмена, росло значение и наличных денег²⁸¹.

Вторая половина XIX века характеризуется расширением в Терской области ярмарочной торговли: можно выделить ярмарки в Грозном, Владикавказе и Моздоке. К примеру, в 1876 г. на ярмарке города Грозный были представлены различные товары на сумму 720 тысяч рублей, а продано на сумму 360 тысяч рублей²⁸². В 1896 г. осенняя грозненская ярмарка была представлена товарами стоимостью 800 тысяч рублей, половина из которых

²⁷⁹ Материалы по пересмотру хлебных тарифов Российских железных дорог на 1893 г. Санкт-Петербург, 1894. Выпуск 3. С. 8-9.

²⁸⁰ Данилов А.В. История становления и развития транспортной системы Кавказских Минеральных Вод в конце XVIII – первой четверти XX века. Пятигорск: Рекламно-информационное агентство на КМВ, 2015. С. 57.

²⁸¹ Бижев А.Х. Заселение Кубанской области русскими и развитие русско-адыгских торговых связей (конец XVIII – первая половина XIX вв.) // Вопросы истории и историографии Северного Кавказа (дореволюционный период). Нальчик, 1989. С.100-112.

²⁸² Гриценко Н. П. Социально-экономическое развитие Притеречных районов в XVIII – первой половине XIX в. Грозный, 1961. 196 с.

была успешно продана. По данным 1896 г. в городе существовало 323 торгующих заведения, оборот которых составлял около 2,5 миллиона рублей²⁸³.

В 1894 г. на 19 ярмарках, представленных на территории Терской области, на протяжении 194 дней их функционирования были представлены товары общей стоимостью 4 271 367 рублей, из которых было реализовано изделий на сумму 1 799 025 рублей²⁸⁴. Около 3/5 товаров не удалось продать, что говорит о пока ещё недостаточном уровне покупательной способности местных жителей. Однако следует отметить, что после строительства Ростово-Владикавказской железной дороги у населения появилась возможность выезжать в большие города страны и там заниматься необходимой куплей-продажей.

Развивалась магазинная торговля, приобретая новые масштабы²⁸⁵. В частности, в 1876 г. во Владикавказе осуществляли свою деятельность пять общественных и 414 частных лавок, включающих девять магазинов ювелирных изделий, четыре обувных магазина, десять лавок по продаже табака, один чайный магазин, три мебельных магазина, 15 лавок специализирующихся на продаже персидских и азиатских товаров, один магазин швейных машин, две аптеки, восемь пивных лавок и 33 трактира²⁸⁶.

По статистическим сведениям на 1892 год в Терской области насчитывалось более 4 тыс. торговых точек, доход которых составлял 16 244 682 рублей в год, а в 1901 г. их численность увеличилась до 5 212 торговых заведений, прибыль которых увеличилась до 30 946 956 рублей²⁸⁷ в год.

В 1875 г. на территории адыгейских аулов Кубанской области

---

²⁸³ Хасбулатов А. И. Социально-экономическое и политическое положение Чечни во второй половине XIX - начале XX в. [Электрон. версия]. URL: <http://pandia.ru/text/77/477/15217-3.php> (дата обращения: 22.05.2022).

²⁸⁴ Кумыков Т.Х. Вовлечение Северного Кавказа во Всероссийский рынок в XIX в. Нальчик, 1962. С. 165.

²⁸⁵ Григорян М.Р. Промышленный потенциал Северного Кавказа во второй половине XIX века // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. 2022. №3. С. 92.

²⁸⁶ Сборник сведений о Терской области. Владикавказ / Изд. Терск. обл. стат. ком. под ред. и. д. секр. ком. Н. Благовещенского. Владикавказ, 1878. Вып. 1. С. 62-66.

²⁸⁷ Терский календарь на 1902 г. Владикавказ, 1901. С.76.

функционировало 37 торговых лавок, в 1880 г. их число увеличилось до 63, а в 1890-е годы численность достигла 111 торговых лавок²⁸⁸. Но, несмотря на динамичное развитие таких небольших магазинов в аулах и станицах, основная доля прибыли от торговли приходилась на города.

Традиционно консервативный и плохо подверженный новациям аграрный сектор тем не менее так же не избежал изменений. К середине XIX века отдельные группы крестьян в целях наиболее эффективного восстановления плодородности пахотных земель начали переходить к трехпольной системе севооборота, представлявшей собой деление земельного участка на три поля и предполагавшей чередование посева культур: пар, озимые, яровые²⁸⁹.

Кроме зерновых посевов, культивировались различные технические культуры, каждая из которых выполняла определенную роль. Такими культурами были лён, конопля, картофель, клещевина, горчица, подсолнечник и табак²⁹⁰. Выращивание подсолнечника и табака приносило существенные доходы, поэтому их разводили в качестве товаров для рынка, в то время как лён, конопля и картофель выращивались в потребительских целях, ввиду отсутствия их массового распространения.

Анализируя успехи в развитии земледелия в регионе, необходимо отметить тот факт, что однозначной оценки по данному вопросу не существует, а выводы современников зачастую противоположны. Наиболее объективной, на наш взгляд, видится, точка зрения, высказанная А.В. Фадеевым, который, сравнивая развитие земледелия в пореформенный период с уровнем первой половины XIX столетия в отношении увеличения площади пахотных земель и посевов, подчеркивал положительные тенденции и значительные достижения в регионе Степного Предкавказья. При этом

²⁸⁸ Джимов Б. М. Социально-экономическое положение и классовая борьба трудящихся Адыгеи в пореформенное время (1869-1900 гг.) // Ученые записки Адыгейского научно-исследовательского института экономики, языка, литературы и истории: История и этнография. Майкоп, 1974. Т. 17. С.245.

²⁸⁹ Фадеев А. В. Очерки экономического развития Степного Предкавказья в дореформенный период. М., 1957. С. 74.

²⁹⁰ Гранкин Ю.Ю. Наместничество и реализация стратегии... С.173.

автор отмечал, что в сравнении с потенциальными возможностями региона объёмы распаханых земель к середине столетия всё ещё оставались небольшими и составляли всего лишь 1/13 часть всей территории края²⁹¹. В значительной степени освоение обширных степных пространств края сдерживало отсутствие мелиорации, которая требовала существенных капиталовложений, осуществить которые отдельные частные домохозяйства не могли.

Важное место в структуре сельского хозяйства занимало скотоводство, представлявшее собой основное занятие в среде кочевых и горских народов. В частности, разведение крупного рогатого скота, овцеводство, козоводство и коневодство позволяли как удовлетворять личные потребности в мясной и молочной продукции и кожевенном сырье, так и осуществлять продажу излишков.

Животноводство сохраняло экстенсивный путь роста, связанный с количественным увеличением поголовья скота. Заниматься селекционной работой могли себе позволить лишь отдельные, преимущественно помещичьи состоятельные хозяйства. Наиболее широкое распространение в регионе получило овцеводство, основу которого составило выращивание преимущественно простых пород²⁹².

Важное место на Северном Кавказе отводилось коневодству. Данная отрасль хозяйства находилась в тесной связи с жизненным укладом большей части населения²⁹³. Выращивание лошадей носило преимущественно табунный характер. На протяжении всего года лошади находились под открытым небом, что способствовало выработке таких важных качеств в условиях регулярных, изнурительных походов, как выносливость, резвость и неприхотливость к корму. За эти качества местные породы пользовались

---

²⁹¹ Фадеев А. В. Очерки экономического развития... М., 1957. С. 74.

²⁹² Гриценко Н.П. Социально-экономическое развитие Причеречных районов в XVIII – первой половине XIX вв. Грозный: Грозненский рабочий, 1961. С. 47.

²⁹³ Чекменев С.А. Социально-экономическое развитие Ставрополя и Кубани в конце XVIII века и в первой половине XIX века. Издание второе, дополненное. Пятигорск: ПГУ, 2022. С. 189.

вниманием со стороны армейских ремонтёров, осуществлявших их массовые закупки.

Северный Кавказ всё ещё оставался одним из центров российского виноделия. Однако ситуация в данной отрасли экономики была нестабильной в связи со снижением цен на готовую продукцию. Установленные цены, в свою очередь, не позволяли покрывать расходы на производство. Но, несмотря на сложившуюся ситуацию, к середине XIX века крупнейшим центром алкогольного производства являлся Кизлярский округ. Так, по данным 1876 г. в Терской области виноградники занимали 6 607 десятин земли, из которых 5 020 десятин земли приходились на долю Кизляра, где было засажено 1 374 виноградника²⁹⁴. С целью поддержания виноделов региона в 1862 г. Кавказским комитетом было инициировано принятие указа, в соответствии с которым увеличивался сбор на ввозимую алкогольную продукцию иностранного производства, что позволило оградить местных производителей от конкуренции.

Значимым подспорьем как для горских народов, так и для переселенцев являлись огородничество и садоводство, поддерживаемые со стороны администрации региона, в частности, путем создания специализированных питомников для разведения саженцев плодовых деревьев и винограда²⁹⁵. За научное изучение способов выращивания растений ратовали и представители местной интеллигенции. Они, получив образование в учебных заведениях империи, раньше своих земляков поняли необходимость научного подхода в практическом сельскохозяйственном производстве, а потому настаивали, что «одно лишь предварительное и опытно-практическое изучение местных условий и особенностей, имеющих значение в каждой отдельной специальности, может дать прочную основу той или другой отрасли промышленности, вне которых всякие правительственные, общественные или частные начинания, приуроченные к отдельным частным вопросам и

---

²⁹⁴ Гранкин Ю.Ю. Наместничество и реализация стратегии... С.87.

²⁹⁵ Калоев Б.А. Указ. соч. С. 41-42.

нуждам, вне связи с общими потребностями жизни края, будут иметь лишь характер случайный...»²⁹⁶.

Продукция огородничества и садоводства преимущественно была ориентирована на удовлетворение индивидуальных потребностей и лишь частично направлялась на продажу. Нельзя не отметить и тот факт, что в развитии данных отраслей важную роль играли достижения, имевшиеся как у коренных народов Северного Кавказа, так и у выходцев из Закавказья, в частности, армянских и грузинских крестьян.

К сожалению, все попытки наладить товарное производство шёлка так и не реализовались. Эта казавшаяся перспективной деятельность всячески поощрялась и поддерживалась властями ещё с начала XVIII в.²⁹⁷. Отдельными энтузиастами были достигнуты заметные успехи, отмеченные далеко за пределами региона²⁹⁸. На страницах региональной прессы можно было встретить объявления, гласившие, что «Министерство земледелия и государственных имуществ сообщило кавказской шелководственной станции, что для предстоящего текущей весной (1898 г. – М.Г.) конкурса по шелководству и тутоводству им назначено для раздачи экспонентам 10 малых серебряных и 10 бронзовых медалей»²⁹⁹. Но только методами морального стимулирования проблему решить было невозможно. При сохранении интереса к шелководству и доказанной в теории успешности данного вида производства оно так и не сделалось локомотивом развития в крае, уступив куда менее затратным, но более прибыльным отраслям³⁰⁰.

К числу утративших привлекательность занятий относится и заготовка марены – природного красителя. После изобретения ализарина спрос на неё

²⁹⁶ Хетагуров К. Полное собрание сочинений в 5-ти томах / Составление, подготовка текста, комментарии и указатели З.Н. Суменовой. Владикавказ, 2000. Т. 4. С. 92-93.

²⁹⁷ Чекменев С.А. Социально-экономическое развитие... С. 206.

²⁹⁸ «Многолетний, всегда беспорочной и отлично усердной службе его...»: Алексей Федорович Ребров в памяти потомков // Ребров А.Ф. Научно-практическое наследие: Материалы для биографии А.Ф. Реброва. Вып. 2 / сост. И.А. Лачинов. Кисловодск: Северокавказское издательство «МИЛ», 2021. С. 12–21.

²⁹⁹ Кавказ. 1898. № 109. 27 апреля 1898. С. 2.

³⁰⁰ Шавров Н.Н. Описание кавказского шелководства. Тифлис, 1891. С.1–33.

сократился, и ранее занимавшиеся сбором этого растения люди вынуждены были искать новую работу.

В 1863 г. началось проведение аграрной реформы на Северном Кавказе, осуществление которой в ряде районов завершилось к середине 70-х годов XIX века. Ответственность за результаты возлагалась на Кавказского наместника и его администрацию. Основная причина, по которой крестьянская реформа проводилась в степных и горных районах региона, заключалась не столько во внутренней необходимости реформировать сложившиеся традиционные отношения и порядки, сколько в потребности страны в обеспечении достаточно прочной социальной базы на Северном Кавказе, а также в стремлении сохранить крупнейшие товарные хозяйства и снабжении их дешевыми трудовыми ресурсами.

Передача всего земельного фонда в государственную собственность и дальнейшая организация общинного и частного землевладения, отмена вотчины и перенесение её административных и хозяйственных функций на общинное самоуправление обусловили становление новых принципов хозяйствования и поземельных отношений.

В качестве нового элемента экономической системы выступили помещичьи хозяйства. Так, в 60-х – 70-х гг. XIX века сформировался ряд особенностей организации хозяйственной деятельности частных землевладельцев, многие из которых, в частности, представители дворянства и князья, впоследствии сохранили за собой статус пользователей общинных угодий. Основу их хозяйственной деятельности составляли хозяйственный персонал, состоящий из общественных пастухов, сторожей и т.д., а также коневодство, для ведения которого использовали не только частные угодья, но и общинные, и в первую очередь – пастбища³⁰¹.

Все эти изменения привели к росту социальной напряжённости, а хронический дефицит земли не позволял эффективно решать существующие

---

³⁰¹ Социально-экономическое развитие Северного Кавказа в пореформенный период [Электрон. версия]. URL: <https://cyberpedia.su/10xас82.html> (дата обращения: 28.08.2022).

проблемы. Исход части горского и кочевого населения в пределы Османской империи, лишь на время ослабил нехватку наделов. Следует отметить, что недостаток рабочих рук компенсировался активной колонизацией как из центральных регионов, так и за счёт привлечения иностранных колонистов³⁰².

К 70-м годам XIX века в регионе начали возникать различные виды кредитных учреждений и обществ (в частности, сельские ссудно-сберегательные кассы, общества взаимного кредита, кооперативные ссудно-сберегательные товарищества, а также городские общественные банки).

В период с 1868 по 1874 годы подобного рода банки начали функционировать во Владикавказе, Грозном, Кизляре и Моздоке. Суммы оборотного капитала в этих банках выделялись из городских средств и составляли от 10 000 до 11 000 рублей³⁰³. Городские общественные банки предоставляли различные виды услуг, связанные с приёмом вкладов от физических лиц, ведением операций по учету векселей, выдачей ссуд под залог процентных бумаг, акций и облигаций под правительственную гарантию или поручительство со стороны городского общества, а также со скупкой и продажей этих ценных бумаг³⁰⁴.

Повышение уровня жизни местного населения дало импульс для открытия первых страховых агентств в Терской области, а к 1875 г. во Владикавказе уже активно функционировали пять таких агентств³⁰⁵.

Уже к концу столетия на территории Терской области осуществляли свою деятельность шесть учреждений кредитно-банковской направленности, среди которых Владикавказское отделение государственного банка, отделения Азовско-Донского коммерческого банка, Пятигорский городской общественный банк, Грозненское отделение Азовско-Донского коммерческого банка, Владикавказское отделение Азовско-Донского

---

³⁰² Кабузан В.М. Население Северного Кавказа в XIX – XX веках. Этностатистическое исследование. СПб.: Издательство «Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ», 1996. С. 88–100.

³⁰³ Сборник сведений о Терской области. Владикавказ, 1878. Вып. 1. С. 62–66.

³⁰⁴ РГИА. Ф. 1407. Оп. 3. Д. 7943. Л. 1.

³⁰⁵ Сборник сведений о Терской области. Владикавказ, 1878. Вып. 1. С. 62–66.

коммерческого банка и Георгиевский городской общественной банк, имевшие большое значение при осуществлении кредитования капиталистического хозяйства³⁰⁶.

Особого внимания заслуживает созданное в конце 1889 г. Новороссийское коммерческое комиссионное агентство. Оно сумело монополизировать продажу зерна, которое проходило через порт, давало ссуды под его реализацию, занималось страхованием грузов и перевозивших его различных видов транспорта, проводило экспертизу товара и оказывало различные финансовые и посреднические услуги. В цифрах доходы данного учреждения к 1895 г. достигли 2,6 миллионов рублей, и им контролировалось свыше 90 % зерна³⁰⁷.

Заслуживает внимание и такая практика Общества Владикавказской железной дороги, как кредитование сельхозпроизводителей под будущий урожай. Финансирование могли получить как общества, так и отдельные хозяева. В целом действия Общества сильно ударили по интересам перекупщиков, «как их называют амбарщиков», лишившихся возможности скупать у населения зерно по заниженным ценам после окончания сезона навигации. Теперь же даже зимой цены поддерживались на высоком уровне, а производители предпочитали сразу продавать его представителям железнодорожной монополии³⁰⁸.

Экономическое развитие Северного Кавказа в пореформенный период убедительно демонстрирует ускорившиеся процессы его интеграции в состав Российской державы. Общая картина в целом выглядела позитивно. Продолжалось развитие привычных промыслов, большинство из которых начали ориентироваться на потребности рынка. Кроме того, начали появляться новые отрасли хозяйства, связанные в первую очередь с добычей и переработкой нефти. При этом присутствовали факторы, которые

---

³⁰⁶ Терский календарь на 1892 г. Владикавказ, 1891. Вып. 2. Кн. 2. С.343.

³⁰⁷ Портовые устройства Общества Владикавказской железной дороги и обзор коммерческой деятельности в Новороссийске на 1-е января 1896 г. Санкт-Петербург, 1896. С. 30–33.

³⁰⁸ РГИА. Ф. 268. Оп. 2. Д. 19. Л. 15.

тормозили развитие отраслей, и это объяснялось отсутствием квалифицированной рабочей силы, которая была бы способна работать на сложном в технологическом плане производстве, а также отсутствием необходимых финансовых ресурсов и недостаточным уровнем развития сети коммуникаций.

Наблюдается становление и развитие ряда маленьких производств, отвечающих рыночным потребностям, которые выступили в качестве основы для формирования учреждений капиталистического направления и применяли труд наемных работников. Традиционные ремесла, не выдержав конкуренции с фабрично-заводской промышленностью страны, преимущественно прекращали своё существование или продолжали функционировать исключительно в горных населенных пунктах. Некоторые владельцы кустарных производств, нашедшие возможность подстроиться под изменяющиеся рыночные условия, вынуждены были произвести существенные изменения с целью дальнейшего функционирования своего дела. Подобного рода производства трансформировались либо в ремесла, либо в мануфактурные учреждения. Кроме того, во второй половине XIX века в перерабатывающих отраслях промышленности широкое распространение начали получать машины, позволяющие значительно повысить производительность труда.

Динамично развивалась отрасль, связанная с добычей нефти и её переработкой. С течением времени она стала одной из главных движущих сил хозяйственной трансформации края. Важнейшим фактором развития являлись транспортные артерии, и, в частности, строительство железной дороги, стимулирующей активный рост благосостояния тех территорий Северного Кавказа, через которые она проходила.

Процесс включения региона в систему рыночного капиталистического производства, вводимого российскими властями, заставлял успешно функционирующие промыслы выходить за рамки привычного существования, что приводило к переезду местных мастеров в губернские

города региона или в крупные города страны. Данный процесс происходил на протяжении длительного времени и превратился в стабильную тенденцию уже к началу XX века.

Большинство предприятий, которые были организованы на капиталистических основах, создавались представителями приезжего населения, привносящими в регион такой образ жизни и устои, которые были далеки от традиционных горских обыкновений. Основанные пришлым населением производства базировались на таких началах и направленности, которые были совершенно непривычны для местных жителей. Новые критерии достатка, которые демонстрировали колонисты, становились своеобразным примером для подражания. Привычные к самоограничениям горцы могли убедиться, что новая экономическая модель является более эффективной, нежели привычные способы ведения хозяйства³⁰⁹. И это способствовало усилению интеграционных процессов в крае, которые получали с каждым десятилетием всё больше сторонников.

2.2. Адаптация традиционных правовых институтов к имперским порядкам

Ко второй половине XIX в. стала очевидна необходимость адаптации местных правовых институтов к существующим государственным требованиям. Горцы не воспринимали имеющуюся российскую правовую модель как чуждую их образу жизни и ментальности. В свою очередь и империя не могла согласиться с теми обычаями, которые практиковала местная архаичная среда.

Государство не желало отказываться от монополии на насилие, вполне резонно добиваясь, чтобы все подданные императора делегировали ему это

---

³⁰⁹ Денисова Г.С., Уланов В.П. Русские на Северном Кавказе: анализ трансформации социокультурного статуса. Ростов-на-Дону, 2003. С. 43.

право, регламентированное сводом письменных законов. Нужен был компромисс, по крайней мере на переходный период, за время которого появилось поколение, не столь радикальное в своём неприятии тех социокультурных новаций, которые принесла на Кавказ новая власть.

Суть взаимных уступок заключалась в сохранении за горскими обществами существенной автономии в регламентации их повседневного жизненного уклада. Границы этого существования определялись интересами прочих подданных империи, которые, в случае возникновения спорных или конфликтных ситуаций, вправе были рассчитывать на решения исходя из общеимперского законодательства. Да и наиболее серьёзные преступления (убийство, грабёж и т.п.) изымались из юрисдикции горского правосудия, рассматриваемые ранее через законы адата и шариата. Государство сохраняло за собой право контроля над горскими правовыми институтами, который осуществлялся силами армии, поскольку военные гораздо лучше, чем гражданские власти разбирались в специфике жизни вчерашних противников³¹⁰.

Важной особенностью местной ситуации являлось отсутствие собственной государственности у большей части автохтонного населения Северного Кавказа на момент их включения в состав Российской империи. Власть местных князей, ханов и шамхалов не была формальной и носила номинальный характер. По точному замечанию А.В. Крымина, она представляла собой всего лишь влияние, основанное на родственных взаимосвязях³¹¹. Попытки узаконить власть имамов, придав ей формально-правовой статус посредством издания свода законов «Низам», не увенчались успехом, и власть преимущественно оставалась личной. При этом имамат по большей части был поверхностным явлением, не совершившим коренной переворот в политическом и правовом сознании местного населения.

³¹⁰ Гатагова Л.С., Трепавлов В.В. «Перед толпой соплеменных гор»: проблемные вопросы истории политики России на Кавказе (XVIII – XIX вв.). Москва: Институт российской истории РАН: Центр гуманитарных инициатив, 2019. С. 171.

³¹¹Крымин А.В. Тарикат // Международный исторический журнал. 2000. № 9. [Электронная версия]. URL: <https://oldsufiwebzine.wordpress.com/2001/10/14/крымин-ав-тарикат/> (дата обращения: 16.01. 2023).

Следует также отметить еще одну особенность Северного Кавказа, заключающуюся в полном верховенстве обычая в правовой культуре горцев. При этом важнейшие особенности обычного права коренного населения региона вступали в противоречие с имперской правовой системой, действующей во второй половине XIX века. В частности, адатное право не различало гражданское и уголовное право. Любого рода правонарушения, вне зависимости от того, совершение ли это убийства или воровство, расценивались как нанесение материального ущерба, который может быть компенсирован либо на основе принципа талиона («око за око, зуб за зуб»), либо в ходе примирительной сделки³¹².

Из этого обстоятельства исходили процессуальные особенности обычного права. Условием рассмотрения дела являлось внесение пострадавшим обращения о совершении правонарушения в его адрес и указание ответчика. При этом пострадавшему было необходимо самостоятельно отстаивать свои интересы в суде. Рассмотрение дела по доносам было возможно только в случае, если нанесенный ущерб распространялся на все общество, как, например, порча мостов или дорог. При этом подавать жалобу могло только пострадавшее лицо, исключением являлись лишь те ситуации, когда пострадавший не имел возможности этого сделать, поэтому к подаче жалобы допускались его ближайшие родственники, заинтересованные в судебном разбирательстве³¹³. Государственное обвинение было для местных жителей достаточно неизвестным явлением, и попытки имперских властей привлечь горцев к ответственности за уголовное преступление вызывали недоумение и непонимание того, какое отношение совершённое преступление имеет к представителю власти, если тот не приходится убитому родственником³¹⁴.

Администрация Кавказа понимала, что предусмотренные российским законодательством меры наказания за совершение убийства, нанесение ран,

---

³¹² РГВИА. Ф. 400. Оп.1. Д. 950. Л. 8.

³¹³ Там же. Л. 7.

³¹⁴ Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. Москва: Росет, 1994. С.543.

увоз женщин и т.д., расцениваемые у местных жителей как кровные, считались несправедливыми. С позиции горцев по такого рода преступлениям искать «удовлетворения» может лишь пострадавшая сторона³¹⁵.

Тем временем ко второй половине XIX века на территории Российской империи были сформированы разветвленный бюрократический аппарат и развитая судебно-правовая система, не уступающая европейским стандартам рассматриваемого периода. Безусловно, в сложившихся обстоятельствах правовые и политические обычаи горцев затрудняли процесс их интеграции в состав империи, зависящий, прежде всего, от степени успешности адаптации коренных народов Северного Кавказа к имперским порядкам.

Необходимо отметить, что отсутствие собственной государственности у коренных народов Северного Кавказа ставило в достаточно затруднительное положение как империю, так и самих горцев. На основной части Кавказского края Россия не имела возможности применить привычную модель присоединения к себе новых территорий, предполагающую поэтапный переход от политики протектората до стандартизации системы управления по единому для всей страны образцу. Бескомпромиссная позиция руководителей имамата вынудила имперские власти ликвидировать данное государственное образование, а затем «с чистого листа» приступить к административному устройству на Северном Кавказе. В этой связи сразу после завершения Кавказской войны региональная администрация осознала необходимость в организации в короткие сроки собственной системы управления на новых присоединённых территориях с целью недопущения эскалации агрессии в регионе, в то время как для горцев интеграция в имперское пространство приняла острый и даже в какой-то степени шоковый характер. Озвучивались даже сроки, которые, с точки зрения кавказской администрации, были необходимы для изменения мировоззрения горцев. В частности, по мнению наместника и главнокомандующего Кавказской

---

³¹⁵ Акты, собранные Кавказской археологической комиссией. Тифлис, 1904. Т. XII. С. 425.

армией А.И. Барятинского, сохранение мира в регионе на протяжении 20 лет позволит навсегда замирить жителей региона. В связи с этим князь призывал шире использовать устоявшиеся правила, регулирующие их жизненный уклад³¹⁶. Впоследствии именно этот подход в будущем станет основой осуществляемых реформ на территории Северного Кавказа.

Таким образом, в ходе создания административно-судебной системы на Северном Кавказе имперские власти в регионе руководствовались важностью решения следующих взаимосвязанных задач:

1. Первая задача заключалась в формировании административно-судебной системы в максимально короткие сроки во избежание потери всех приобретений Кавказской войны в случае утраты контроля над регионом.

2. Вторая задача сводилась к обеспечению безопасности в регионе и закреплению военной победы России в результате успешного административного строительства. Не зря А.И. Барятинский призывал рассматривать процесс управления коренными жителями региона как продолжение их замирения³¹⁷.

3. Третья задача сводилась к учету специфики правовой и политической культуры горцев в процессе формирования административно-судебной системы.

Именно такого подхода придерживался Великий князь Михаил Николаевич, предлагавший действовать в несложных и понятных горцам формах³¹⁸.

Немаловажным фактором административно-судебного строительства была специфическая «самоорганизация» горцев, вернувшихся к привычным порядкам судопроизводства на основе адатного права после ликвидации власти имама Шамиля³¹⁹. Также большое значение имели ключевые положения стратегии, которой придерживались М.С. Воронцов

---

³¹⁶ Акты, собранные Кавказской археологической комиссией. Тифлис, 1904. Т. XII. С. 1287.

³¹⁷ Там же.

³¹⁸ Всеподданнейший отчет Главнокомандующего Кавказской армией по Военно-народному управлению за 1863-1869 гг. Санкт-Петербург, 1870. С. 3–4.

³¹⁹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Ед. хр. 950. Л. 5.

и А.И. Барятинский в период замирения Чечни и Дагестана. В частности, в рамках данной стратегии на территориях, занятых горцами, осуществлялось строительство укреплений с последующим размещением в них гарнизонов. Таким образом, силой, в поддержке которой нуждался наместник для осуществления своих начинаний, стала армия. В сложившихся условиях самый простой путь, ведущий к организации управления местными жителями, заключался в передаче административного функционала командующим гарнизонами, потому как именно офицеры армии, как никто другой, были знакомы с местными реалиями и обладали знаниями обычаев и традиций жителей.

Первые шаги по созданию системы управления Кавказом, получившей название «военно-народной», были предприняты ещё М.С. Воронцовым. В годы своего администрирования в крае Михаил Семенович являлся сторонником активного привлечения представителей коренного населения Кавказа к институтам власти, полагая, что именно им удастся лучше прибывших в регион чиновников разрешить имеющиеся проблемы и противоречия. В то же время сохранялись сомнения в отношении отсутствия лояльности со стороны таких кадров к имперской власти. В полной мере используя потенциал выходцев из местной среды и пытаясь вместе с тем нивелировать их недостатки, М.С. Воронцов приступил к эксперименту по формированию смешанного управления, в соответствии с которым представители российской власти осуществляли контроль над горскими обществами, при этом не вмешиваясь в их внутренние дела. Вместе с тем необходимо отметить, что реализация такой системы предполагала широкое использование потенциала армии. Как было отмечено ранее, такой подход был связан, прежде всего, с тем, что именно военные лучше всего разбирались в особенностях сложившейся в регионе ситуации и могли наладить эффективное сотрудничество с пользовавшимися авторитетом представителями горских обществ.

В качестве экспериментальной площадки выступила Грузия, на территории которой М.С. Воронцов внес ряд изменений в процесс осуществления гражданского управления и судопроизводства. В частности, была решена проблема волокиты, сопровождающей процесс разбора дел, которая негативно воспринималась населением, и тем самым подрывала авторитет государства³²⁰.

В результате внесённых наместником корректив процесс судебного разбирательства был значительно ускорен. При этом М.С. Воронцов подчёркивал, что правительство империи не вмешивается в разбирательства, проводимые по адату, который мог бы иметь достаточно эффективное применение наряду с письменными законами, действующими на территории империи. Впоследствии подобная практика получила широкое распространение в крае, приобретя сторонника в лице А.И. Барятинского.

Следует также отметить и наличие у российских властей определённого опыта использования армии для управления мирной частью коренного населения региона, полученного в процессе формирования административно-судебной системы на части Чечни, освобождённой от власти имама Шамиля. Такой метод был апробирован непосредственно А.И. Барятинским и представлял собой эффективный способ по привлечению на сторону российских властей жителей, которые ещё недавно были отрицательно настроены по отношению к ним. Подобный подход был внедрён на территории Кабарды ещё А.П. Ермоловым, опыт и наработки которого, возможно, и были применены в Чечне.

Суть введенных в управленческий процесс новаций прослеживается в организации деятельности «народного суда», или мехкеме, которое по распоряжению А.И. Барятинского возглавил российский офицер³²¹. В его

---

³²⁰ АКАК. Тифлис, 1885. Т. X. С. 843; Гранкин Ю.Ю. Управленческие практики на Северном Кавказе: от соперничества к симбиозу: монография. Пятигорск: ПГЛУ, 2020. С. 98.

³²¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе (1830–1881) (В дальнейшем ПСЗРИ-2). Отделение I. Санкт-Петербург, 1853. Т. XXVII. № 26740. С. 648.

подчинении находились главный кадий и три старшины, избранные местными жителями и пользующиеся среди них уважением и авторитетом. Процесс разбора дела зависел от характера рассматриваемого дела и осуществлялся либо по адату, в случае применения которого кадий обладал совещательным голосом, либо по шариату, в случае обращения к которому кадий уже имел решающий голос.

Российские власти осознавали, что осуществление военно-народного управления носит временный характер, однако сложность состояла в выборе подходящего момента, когда следует отойти от подобной компромиссной модели и перейти к распространению в регионе общеимперских правил, а это, в свою очередь, могло привести к новым волнениям среди местных жителей.

Начинания А.И. Барятинского не ограничивались делегированием представителям местных жителей полномочий в области судопроизводства. Предполагалось предоставить населению право на самоуправление, как в случае с мехкеме, сохранив лишь осуществление представителем от армии надзорной функции. Таким образом, свои позиции в области регулирования общественной жизни горцев сохранили и сельский сход, получивший название джамаат, и родовой союз – тухум.

Родовые институты, до тех пор пока они не начинали выступать против базовых требований имперского порядка, не вызывали отторжения со стороны представителей имперской власти в регионе. Более того, российская администрация на Кавказе признавала эффективность таких институтов, а также их соответствие уровню развития горских обществ. Так, например, сохранение родовых институтов способствовало снижению уровня бумажной волокиты, которая всегда негативно воспринималась автохтонным населением³²². Отмечалось, что «многосложность» организации процесса судопроизводства трактовалась не в качестве достоинства, а в качестве

---

³²²Гранкин Ю.Ю. Управленческие практики на Северном Кавказе... С. 102.

недостатка³²³. Именно поэтому в рамках родственного коллектива сохранение практики устной договоренности и разрешения спорных ситуаций на основе доверительного отношения к показаниям присутствующих свидетелей была оправданной, а потому продолжала широко применяться.

Заняв пост кавказского наместника, А.И. Барятинский привёл эту систему к логическому завершению. В частности, в период его администрирования на Кавказе военно-народное управление достигло своего наивысшего расцвета и принесло России победу в масштабном вооружённом противостоянии, охватившем регион в XIX веке³²⁴. Видится оправданным сформулированный В. Иваненко вывод о том, что существующие противоречия, создающие напряжённость между автохтонными народами Кавказа и представителями российской власти, связаны не только с субъективным фактором, но и с различным правосознанием каждой из сторон³²⁵.

Для нейтрализации данного противоречия требовался цивилизационный компромисс, подготовка которого заняла немало времени³²⁶. Между тем необходимо было соблюсти ряд условий, которые «созрели» к моменту принятия А.И. Барятинским поста администратора региона. В частности, они заключались в необходимости осознания каждой из сторон опасности взаимного неприятия, в получении большей информации друг о друге и готовности проявить терпимость по отношению к противной стороне. Важным фактором выступила усталость от затянувшегося вооружённого противостояния и понимание бесплодности кровопролития.

В апреле 1858 г. Александром Ивановичем было принято «Положение

---

³²³Гершальман Ф. Причины неурядиц на Кавказе. Санкт-Петербург, 1908. С. 64.

³²⁴Невская Т.А., Кондрашева А. Северный Кавказ: традиционное общество и реформы (XVIII – начало XX в.). Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2015. С. 100.

³²⁵Иваненко В. Разлад между уголовным законом и народным обычаем на Кавказе и его влияние на преступность // Русская мысль. 1904. № 5. С. 114.

³²⁶Гранкин Ю.Ю. Управленческие практики на Северном Кавказе... С. 103.

о Кавказской Армии», издание которого было связано с необходимостью акцентировать внимание на решении задач военного характера. Данное Положение содержало в себе правила управления коренными народами региона, не находившимися в ведении гражданского управления. Подчёркивалась важность адата, который рассматривался в качестве альтернативы шариату, навязываемому адептами мюридизма. Правовое регулирование, базирующееся на религиозных нормах, не всегда имело возможность адекватно и в полной мере разрешать конфликтные ситуации среди местного населения. Кроме того, несмотря на попытки имама смягчить наиболее строгие требования шариата, заместить формировавшуюся веками практику применения обычного права так и не удалось.

Система судопроизводства горских народов строилась на целом ряде сдержек и противовесов, не влияющих на её жизнеспособность. Большое значение имел нравственный авторитет лиц, принимающих участие в вынесении приговора³²⁷. Ввиду отсутствия документально оформленных норм закона горцы опирались на собственное понимание справедливости и полезности для общества. Особенностью горского права, отличающего его от традиционной российской судебной практики, являлось присутствие «творчества», которое, несмотря на попытки имперского судопроизводства, не могло быть принято.

Одним из достоинств судебной новации Александра Ивановича являлось определение степени вины в зависимости от принадлежности к тому или иному горскому обществу³²⁸. Во избежание подобного казуса, а также в целях установления доверительных отношений с горцами, А.И. Барятинскому удалось посредством института приставства добиться возможности вынесения судебных решений в соответствии с нормами и обычаями того горского общества, в отношении которого они выносились.

---

³²⁷ Гранкин Ю.Ю. Управленческие практики на Северном Кавказе...С. 104.

³²⁸ Клычников Ю.Ю. Деятельность А.П. Ермолова на Северном Кавказе... С. 96.

Курс, направленный на стандартизацию и формализацию, оставался неизменным. Благодаря деятельности окружного суда Владикавказа населению прививалась мысль о том, что все должностные лица действуют в соответствии с регламентирующими их действия правилами, закреплёнными в специальном журнале. В случаях несогласия с принятым решением участкового помощника, осуществлявшего устное разбирательство по делу, предоставлялось право подачи апелляции на имя окружного начальника³²⁹.

Фактически всё сводилось к необходимости проявления со стороны горского населения лояльности по отношению к империи, в ответ на которую им предоставлялась правовая автономия. Российские власти не видели необходимости в регламентации внутренней жизни горцев, полагая, что с течением времени быт местных жителей претерпит трансформацию и без их вмешательства³³⁰.

При всех достоинствах внедряемой судебной практики, она не сняла в полном объёме имеющиеся противоречия между народами региона и имперской властью. Основная преграда была связана со свободным применением оружия представителями архаичного общества, привыкшим защищать себя и свои семьи, в том числе посредством насилия. Патриархальные горские общества воспринимали данные ограничения как противоречащие здравому смыслу и даже в определенной степени враждебные. Важной задачей стала борьба с кровной мезтью, решить которую планировалось в течение нескольких поколений, однако, полностью искоренить её так и не удалось³³¹.

Ввиду военной нестабильности на Кавказе российские власти сосредоточили управление местными жителями в руках армии. Подобная мера соответствовала особенностям сложившейся на тот момент ситуации и

³²⁹ Кобахидзе Е.И. От «военно-народного» управления к «гражданскому»: административная политика России на Центральном Кавказе в конце 50-х – начале 70х гг. XIX в. // Известия СОИГСИ, 2009. – № 3 (42). С. 109.

³³⁰ Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом. Тифлис, 1907. Т.1. С. 172.

³³¹ Клычников Ю.Ю. Северный Кавказ: старые проблемы в новом измерении (Историко-политические очерки) / под ред. и с предисловием проф. С.Л. Дударева. Пятигорск: ПГЛУ, 2016. С. 39.

носила временный характер. Привлечение самих горцев в процесс принятия решений по судебным вопросам, учёт их точки зрения и местных традиций способствовали завоеванию доверия российскими властями у местных народов. В связи с этим было принято решение увеличить степень участия автохтонного населения Терской области в рядах полицейских и охранной стражи. При рекрутировании таких служащих соблюдался закреплённый на законодательном уровне принцип добросовестности. Российские власти особое внимание уделяли выбору кандидатов, которые должны были относиться к числу уважаемых и авторитетных семей, а также проявляли лояльное отношение к российскому правопорядку³³².

Весной 1862 г. было принято решение о необходимости осуществления преобразований в административном устройстве Терской области с использованием уже имеющегося опыта организации управления на территории Дагестана, ввиду схожести ситуаций.

Строительство системы военно-народного управления на территории Терской области завершилось утверждением императором в мае 1862 г. «Положения об управлении Терской области»³³³. Данное Положение включало в себя три раздела, связанных с территориальными границами области и методами управления местными жителями. В соответствии с первой статьёй Положения, территория области, на которой проживали коренные народы, была разделена на Западный, Средний и Восточный военные отделы и восемь округов: Кабардинский, Осетинский, Ингушевский, Чеченский, Аргунский, Ичкеринский, Нагорный и Кумыкский. Административным центром Терской области был выбран город Владикавказ.

В результате система административного управления, основываясь на принципе иерархичности, была структурирована следующим образом: Терская область – военные отделы – округа – участки и наибства.

---

³³²ПСЗРИ-2. Санкт-Петербург, 1865. Т. XXXVII. С. 502–503.

³³³Там же. С. 497–502.

Местная администрация делала упор на учёт местных традиций, в особенности в случаях судебных разбирательств. Отмечалось, что судопроизводство для автохтонного населения области осуществляется в Народных Судах в соответствии с адатом, шариатом и особыми правилами, которые формировались исходя из полученного опыта.

При выборе кандидатур на должности в органах судебной власти российские власти исходили из возрастного ценза. Так, например, претендовать на данную должность могли мужчины, достигшие восемнадцатилетнего возраста, несмотря на то, что юные лидеры не пользовались в среде односельчан необходимым авторитетом. Такой подход объяснялся тем, что молодое поколение быстрее приобщалось к российской культуре, изучало русский язык и знакомилось с законами. Кроме того, налаживать коммуникативные связи с молодежью удавалось намного проще, чем со старшим поколением, для которого были характерны консервативные взгляды и неготовность принять происходящие социокультурные новации.

Была сформирована переходная судебно-административная система, в наибольшей мере учитывающая реалии во взаимоотношениях имперских властей и автохтонных народов региона и позволяющая налаживать контакты в условиях постепенного угасания вооруженного противостояния и необходимости разработки оптимальных правил будущего устройства края.

Несмотря на все достоинства Положения 1862 г., в неизменном состоянии оставаться оно не могло ввиду динамично изменяющейся ситуации в регионе. Завершившееся вооружённое противостояние, а также массовое мухаджирство вызвали серьезные изменения в политической, демографической и социально-экономической сферах. В этой связи властям необходимо было своевременно реагировать на протекающие в регионе процессы и вносить изменения в существующую систему управления.

В конце 1862 г. пост наместника региона занял князь Михаил Николаевич, являющийся сторонником централизации системы управления в России и распространения на Кавказе правил, единых на территории всей

империи.

В период с 1865 по 1866 годы система военно-народного управления претерпела изменения, связанные с освобождением начальников военных отделов от необходимости совмещения сразу двух должностей: управления отделом и руководства округом, что приводило к большой загруженности и отражалось на эффективности работы. Были регламентированы должностные обязанности окружных начальников в целях исключения дублирования их действий вышестоящими инстанциями³³⁴.

Подтверждением профессионализма и зрелости российской администрации является проект, связанный с устройством аульных обществ на территории Кубанской области. Данный проект представлял собой сочетание всего накопленного опыта управленческой практики и традиции поиска компромисса с местными жителями, демонстрирующими готовность к сотрудничеству с российской властью³³⁵. Широкая самостоятельность аульных старшин была сохранена, однако они были лишены права увеличивать налоги, исходя из своих желаний³³⁶.

Обзор законодательной базы, устанавливающей правила функционирования военно-народной системы управления, позволяет утверждать, что она на всех уровнях обладала широкими полномочиями. Среди заметных недостатков следует отметить вероятность злоупотреблений должностными лицами своими служебными возможностями.

Кроме того, существующая на территории Северного Кавказа административная система была исключена из общероссийской системы управления, ввиду чего центральные органы государственной власти практически не принимали участия в рассмотрении возникающих вопросов в области управления коренными народами региона.

---

³³⁴ Гранкин Ю.Ю. Управленческие практики на Северном Кавказе... С. 124.

³³⁵ Проект положения об устройстве аульных обществ Кубанской области // Памятная книжка Кубанской области на 1874 год. Екатеринодар, 1873. С. 104–172.

³³⁶ Невская Т.А. Северный Кавказ в начале XX в. Очерки истории. Ставрополь: СКФУ, 2012. С. 24.

Кажущаяся строгость системы военно-народного управления сглаживалась особенностями чиновничьего аппарата. Выполнение наиболи роли связующего звена между горцами и администрацией диктовало необходимость постоянного поиска компромиссных решений между интересами местных жителей и политикой русского руководства, что, по нашему представлению, удавалось им достаточно успешно³³⁷.

Функционирование под контролем российской администрации суда, действующего на основе обычного права, по мнению современников, способствовало эффективному расследованию преступлений и сокращению уровня преступности в регионе. В частности, А.А. Шепелев отмечал, что на территории Дагестанской области ни одно дело не остается нераскрытым³³⁸. Существование системы военно-народного управления на территории Дагестанской области способствовало ликвидации к концу XIX века тяжелой уголовной преступности. Статистические обозреватели отмечали, что участие жителей, проживающих на территории Дагестанской области, в грабежах и разбойных нападениях происходит достаточно редко, а на территории нагорных округов такие явления просто не случаются³³⁹.

После убийства Александра II власть ужесточает свою политику, в том числе и на Кавказе. Принимается решение отказаться от наместничества и превратить регион в обычную часть империи, без каких-либо особенностей. Официально упразднение состоялось 22 ноября 1881 г., а край подчинили генерал-губернатору, полная должность которого обозначалась как «Главначальствующий гражданской частью и Командующий войсками Кавказского округа». Отныне был взят курс на максимальное сближение региона с внутренними губерниями страны. Местные учреждения подчинялись главначальствующему, который опирался на разветвленную сеть ведомств: внутренних дел, финансов, государственных имуществ, юстиции. Они составили совет, который должен был облегчить работу

---

³³⁷ РГВИА. Ф. 400. Оп.1. Д. 172. Л. 1.

³³⁸ РГВИА. Ф. 400. Оп.1. Д. 950. Л. 11.

³³⁹ См. например: Обзоры о состоянии Дагестанской области за 1892 год. Темир-Хан-Шура, 1893. С. 51.

главноначальствующего, который в противном случае не смог бы управлять столь обширным краем. Сюда же следует добавить решение вопросов по делам учебным, медицинским, связанным с путями сообщения, сбором статистических сведений, цензурой. Отмечалось, что «административные органы образованы на основаниях, установленных в общем губернском учреждении, с частными только отступлениями, вызываемыми особыми условиями политического и экономического положения Кавказа»³⁴⁰.

О том, что такие особые условия и вызовы будут иметь место, в Петербурге не сомневались, а потому предпочли сразу оговорить следующие полномочия главноначальствующего: «В случае значительного, в той или другой местности Кавказа, усиления следующих преступлений: сопротивления правительственным властям, убийств, разбоев, грабежей, скотокрадства и пристанодержательства» – он имел право «тех, принадлежащих к туземному населению лиц, которые, по имеющейся у местной администрации власти достоверным сведениям об участии их в означенных преступных действиях», высылать либо в другие части края, сроком до пяти лет, либо, за его пределы. При этом каждый случай должен был разбираться в Совете Главногоначальствующего, чтобы избежать несправедливого наказания»³⁴¹.

Обратим внимание на то, что местные власти не могли казнить виновника преступления, что явно говорит о курсе на смягчение мер судебного наказания. Местное население, ещё недавно считавшееся враждебным, теперь воспринималось как обычные подданные империи, на которых распространялись идеи гуманизма, всё сильнее овладевавшие умами общества.

Обращает на себя внимание финансирование нового административного аппарата. Предполагалось затратить на его содержание 138 250 рублей, из которых львиная доля – 130 050 рублей – приходилась на

³⁴⁰ Деятельность Государственного Совета за время царствования государя императора Александра Александровича. 1 марта 1881. 20 октября 1894 г. Санкт-Петербург, 1900. С. 136–137.

³⁴¹ ПСЗ-3. Собрание третье. Т. III. № 1522. С. 191–192.

счёт государственного казначейства, и лишь восемь тысяч собирали с местных жителей. Власти не хотели излишне обременять население региона, который нуждался в притоке капитала, необходимого для кардинального изменения основ жизнестойкости³⁴².

Произошедшее изменение выдавало известный оптимизм Петербурга, который посчитал процесс интеграции региона в правовое пространство империи как состоявшийся и вполне зрелый. На фоне успешных экономических достижений, демонстрируемых краем, переставшим ассоциироваться с войной и опасностью, такие надежды выглядели обоснованными. Но, как показали дальнейшие события, такой шаг оказался преждевременным, и его поспешность в немалой степени дезорганизовала работу государственных органов управления³⁴³.

Осознание этого пришло почти сразу, т.к. уже в июне 1887 г. полномочия Главноначальствующего были расширены. Он не успевал согласовывать свои шаги со столичными министрами и не мог оперативно решать текущие задачи.

Нередко в исторической литературе встречается акцентирование внимания на меры, направленные на ограничение прав и свобод коренных народов Северного Кавказа. Вместе с тем такая практика распространялась и на других подданных империи в том случае, если они несли угрозу безопасности государства. Так, иностранные подданные, согласно новым правилам могли быть депортированы за пределы края, если власти считали их поведение дурным или сомнительным. Правительство опасалось, что они могут препятствовать процессу мирной интеграции автохтонных народов в состав империи. Аналогичные запреты распространялись и на российских подданных «нетуземного происхождения», которым не позволяли проживать в приграничной зоне³⁴⁴.

---

³⁴² ПСЗ-3. Собрание третье. Т. III. № 1522. С. 187-188.

³⁴³ Гагагова Л.С., Трепавлов В.В. Указ. соч. С. 175.

³⁴⁴ ПСЗ-3. Собрание третье. Санкт-Петербург, 1889. Т. VII. № 4559. С. 301.

Вместе с наместничеством закончилась и история военно-народного управления. Посчитали, что оно перестало отвечать тем задачам, ради которых его организовали на Кавказе. Новый император решил, что «система означенных управлений выделяла обширные части Кавказа из общего государственного строя и устраняла применение к ним действовавших в империи законов»³⁴⁵. Здесь мы видим схожую аргументацию, которая послужила причиной отказа от автономии наместничества. Своя логика в таком подходе присутствовала, ведь, как отмечалось, она нужна была в районах, «ещё не вполне покорённых», а таких в рассматриваемый период уже не оставалось. В итоге император Александр III 12 июня 1883 г. утвердил мнение Государственного Совета, и военно-народные управления стали заменяться управлениями, действующими на общих основаниях, имевшихся в губерниях и областях³⁴⁶.

При всех попытках окончательного правового уравнивания Кавказа с прочими территориями Российской империи власти не пошли на распространение здесь всеобщей воинской повинности. Она считалась «одним из лучших орудий в руках правительства для объединения инородческого населения с коренным русским народом», но местная ситуация была такова, что можно было ожидать противоположного результата от такого шага³⁴⁷. Предпочли ограничиться принципом добровольной службы в милицейских формированиях, что уменьшало риск межконфессиональных разногласий, чреватых возобновлением вооружённого противостояния в крае.

Те, кто выражал желание добровольно пойти на армейскую службу, получали от государства различные льготы. Так, «в местностях Терской и Кубанской областей с инородческим населением, состоящие на действительной службе лица сельского и городского состояния, за исключением поступивших охотниками, а также семейства или дымы, из

---

³⁴⁵ Деятельность Государственного Совета... С. 138.

³⁴⁶ Там же.

³⁴⁷ Там же.

которых лица сии приняты на службу, освобождаются от всех личных: государственных, земских и общественных денежных сборов; от натуральных же повинностей освобождаются, в течение этого времени, только сами поступившие на службу»³⁴⁸. Для больших патриархальных семейств такие преференции являлись существенным подспорьем. Для горцев же, которые рассматривали военное дело как элемент «престижной экономики», оно могло со временем стать частью этноспециализации и сблизить их с имперской государственностью.

Край постепенно заселялся «славянским элементом», что должно было, по расчётам правительства, благотворно сказаться на мировоззрении горского населения. Оно могло использовать опыт своих новых земляков и органично влиться в «семью народов» Российской империи. Те лакуны, которые возникли в результате исхода части народов края в Турцию, постепенно заполнялись выходцами из внутренних губерний государства, для чего были разработаны комплексные меры поддержки, включавшие денежные ссуды, налоговые льготы, субсидирование транспортных расходов для новосёлов³⁴⁹.

Судя по тому, что данные колонизационные меры предпринимались параллельно с усилением эффективности военного управления местными регулярными и казачьими войсками, опасения за сохранение стабильности в крае продолжали волновать имперскую администрацию. Был принят указ «Об учреждении управлений Кубанской и Терской областями и Черноморским округом» (24 марта 1888 г.), согласно которому управление Кавказским краем и всеми войсками, здесь находящимися, переходило в руки Военного министра, к командующему военным округом и к атаману казачьих войск. Последний получал полномочия, которые имели генерал-губернаторы. Военные структуры отныне осуществляли контроль за деятельностью судебно-административных учреждений сельских обществ. Более того, в

---

³⁴⁸ Высочайшее повеление. О привлечении к отбыванию воинской повинности населения Закавказья и инородцев Терской и Кубанской областей. Тифлис, 1886. С. 1.

³⁴⁹ Гагагова Л.С., Трепавлов В.В. Указ. соч. С. 176.

Дагестане начальники округов решали, подходит ли кандидатура сельского старшины и его помощника на эти должности. Сельский кадий также утверждался с разрешения армейских чинов³⁵⁰.

В ноябре 1896 г. было принято «Положение о сельских (аульских) обществах, их общественном управлении и о повинностях государственных и общественных в Терской и Кубанской областях». В немалой степени данный регламентирующий документ калькировал вышедшее двумя годами ранее положение «Об устройстве земельных повинностей в областях Терской и Кубанской». Согласно его статьям местное население обязывалось отбывать казённые и земские повинности, платить подати, в том числе за то, что на них не распространялась воинская повинность. Особо оговаривалось содержание в рабочем состоянии местной транспортной инфраструктуры, в которой они были заинтересованы не меньше воинского командования. Предполагалось, что эти правила должны были несколько ослабить недовольство горцев, которые порой болезненно воспринимали усилия властей, направленные на регламентацию разных сторон их жизни³⁵¹.

Распоряжавшиеся на Кавказе власти крайне неохотно шли на изменение принципов управления городским хозяйством, в котором широко практиковались административно-полицейские методы, дававшие администрации широкие полномочия. Принятие нового городского положения всячески затягивалось. Лишь к весне 1896 г. на местные города было распространено городское положение, действовавшее в империи с 1870 г. Между тем городской образ жизни являлся значимым примером для горцев, постепенно приобщавшихся к новым ценностям как в материальной культуре, так и мировоззренческих практиках. Именно сюда устремилась значительная часть славянских колонистов – носителей социальных и культурных новаций³⁵².

---

³⁵⁰ Гагагова Л.С., Трепавлов В.В. Указ. соч. С. 176.

³⁵¹ Глашева З.Ж. Из истории реформирования системы местного самоуправления горских народов (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Исторический бюллетень 2019. Т. 2. № 4. С. 16.

³⁵² Куприянова Л.В. Города Северного Кавказа во второй половине XIX века. Москва: Наука, 1981. С. 154.

Поэтому, признавая тот факт, что начинания Александра II в сфере городского самоуправления от 16 июня 1870 г. уже принесли «немаловажную пользу», а «благоустройство городских поселений заметно поднялось, и улучшились многие условия городской жизни», новый император счёл необходимым сохранить полезную практику³⁵³. С 13 марта 1896 г. в Терской области, Грозном, Георгиевске ввели новое городское положение, ещё через два месяца оно стало действовать и на территории Ставропольской губернии³⁵⁴.

В дальнейшем, по инициативе Г.С. Голицына, который занимал пост главноначальствующего с 1897 по 1904 гг., были разработаны временные правила, регламентирующие образование городских дум и собраний, действующих в городских поселениях. Теперь он мог устранять неудобных лиц «из состава избираемых в городские гласные или уполномоченные». Причина подобного отношения к конкретной персоне не уточнялась, а потому это открывало самые широкие возможности для произвола со стороны высшего чиновника в крае. Формулировка «деятельность, противоречащая государственным интересам и не соответствующая общественным нуждам» ясности не добавляла и могла трактоваться как угодно.

Кроме того, «должности городских голов или старост, в случае признанной главноначальствующим необходимости», могли «быть замещаемы из числа лиц, имеющих право голоса на городских выборах, – и без производства выборов на эти должности, – по назначению», то есть волею самого Г.С. Голицына³⁵⁵.

Срок, в течение которого должны были действовать такие временные правила, не оговаривался. Всё это делало городское самоуправление фикцией.

---

³⁵³ ПСЗ-III. Санкт-Петербург, 1895. Т. XII. № 8707. С. 430.

³⁵⁴ Гатагова Л.С., Трепавлов В.В. Указ. соч. С. 178.

³⁵⁵ ПСЗ-III. Санкт-Петербург, 1902. Отделение I. Т. XIX. № 16870. С. 441.

Главначальствующие постоянно обращались в столицу с пожеланиями расширить их полномочия, указывая не сложность своевременного принятия управленческих решений и скованность инициативы. В конечном итоге эти сетования были услышаны, и весной 1897 г. приняты новые правила об их правах и обязанностях. Пытаясь сохранить «общие начала сего управления», которые должны были обеспечивать возможности «большого сближения Кавказа с империею и установление непосредственной связи между отдельными отраслями управления» края с различными министерствами и ведомствами, власти одновременно сочли «за благо» расширить возможности местной администрации «действительными способами», то есть правами. Предполагалось, что с новыми полномочиями главначальствующий будет «проявлять присвоенное ему по закону право ревизии и надзора, восстанавливать, где требуется, силу закона, направлять местные административные органы к исполнению служебного долга и ограждать мирное преуспеяние управляемых»³⁵⁶.

Анализ указа позволяет говорить о том, что к концу столетия существенной проблемой для кавказских властей стало самоуправство чиновников. Против их своеволия и было направлено данное распоряжение. Управленческий кризис провоцировал социальное недовольство, а это, в свою очередь, могло вылиться и в беспорядки, которые на Кавказе часто заканчивались кровопролитием. Поэтому, узнав о «явных по какому либо ведомству злоупотреблениях и вообще в случаях важных и отлагательства не терпящих», главначальствующий мог своим решением отстранить виновника от должности, «вплоть до увольнения»³⁵⁷.

Кроме этого, ему дозволялось запрещать проживание в пределах Кавказского края лиц, признанных неблагонадёжными. Но каждый такой

---

³⁵⁶ ПСЗ-III. Санкт-Петербург, 1900. Т. XVII. № 13818. С. 97.

³⁵⁷ Там же.

случай должен был быть рассмотрен в Совете Главногоначальствующего и подкреплён необходимыми фактами³⁵⁸.

Имеющиеся противоречия с частью горского населения пытались разрешить запретительными мерами. В частности, неблагонадёжным, по мнению администрации, элементам, воспрещалось селиться в ключевых населённых пунктах Северо-Восточного Кавказа. В 1893 г. издаётся предписание «О воспрещении горцам, не состоящим на государственной службе и не в офицерских чинах, селиться и владеть имуществом в некоторых пунктах Терской области», что объяснялось возросшими криминальными правонарушениями в этих местах. Часто в качестве виновников фигурировали горцы-новопоселенцы, которые обвинялись в пристанодержательстве. Под запретом объявлялись город Грозный, слободы Воздвиженская, Шатой, Ведено, где нельзя было не только проживать, но ещё и приобретать какое-либо недвижимое имущество. Те, кто уже приобрёл его, обязывались продать в течение одного года, а в случае неповиновения это имущество изымалось в пользу казны³⁵⁹.

Реакция властей была мотивирована всплеском криминальных происшествий в регионе. Участились случаи нападения на сотрудников железных дорог и пассажиров. Императорским указом виновники должны были подвергаться военному суду «для суждения по законам военного времени», что чаще всего заканчивалось либо казнью, либо ссылкой на каторгу. Делалось это в том случае, если «преступление сопровождалось убийством, покушением на оное, нанесением ран и увечий, разбоем, грабежом или поджогом»³⁶⁰.

Ситуация в крае заставила главногоначальствующего гражданской частью просить «о применении той же меры на всём пространстве Кавказского края к туземцам онаго, обвиняемым в разбое, умышленном

³⁵⁸ ПСЗ-III. Санкт-Петербург, 1900. Т. XVII. № 13818. С. 98.

³⁵⁹ Терский календарь на 1895 год. / Под ред. Г.А. Вертепова. Вып. 4. Владикавказ, 1894. С. 157.

³⁶⁰ Между централизмом и регионализмом: административные преобразования на Центральном Кавказе в 70-х гг. XIX – начале XX в.: сборник документов / Сост., вступ. ст., коммент Е.И. Кобахидзе. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНИЦ РАН и РСО-А, 2014. С. 174.

убийстве, грабеже с насилием, зажигательстве, восстании и вооружённом сопротивлении властям», то есть наиболее опасным видам правонарушений. Реагировать на них следовало незамедлительно, а у главноначальствующего для этого не было соответствующих полномочий. В этой связи военный министр и министр внутренних дел просили государя «впредь до искоренения разбойничества в Кавказском крае и Ставропольской губернии» предоставить ему такие возможности. Сословный статус и национальная или конфессиональная принадлежность в этом случае никакой роли не играли³⁶¹. Аналогичное право передавать такие дела военному суду получили командующий войсками военного округа и наказной атаман Кавказских казачьих войск.

Власти сочли Ставропольскую губернию отличной от прочих частей Кавказского края и 10 мая 1899 г. вынесли постановление изъять её, переподчинив «подлежащим министерствам, с сохранением в силе установленных для неё особых законоположений, поскольку последние не обуславливаются принадлежащими главноначальствующими гражданской частью на Кавказе по отношению к указанной губернии правами»³⁶². К сожалению, данное распоряжение не конкретизировало причин такого шага, и остаётся лишь предполагать, почему правительство и император пошли на это. Скорее всего, Ставропольская губерния быстрее других частей Кавказа адаптировалась к общеимперским порядкам и особого управления для неё уже не требовалось.

Черета указов позволяет оценить процесс реорганизации управления окраинами как форсированный, что не всегда соответствовало достаточно инертному процессу интеграции, не терпящему столь кардинальных трансформаций. Это приводило к излишней нервозности, «нарушило хрупкий баланс внутри административной системы империи»³⁶³. Если

³⁶¹ Между централизмом и регионализмом: административные преобразования на Центральном Кавказе в 70-х гг. XIX – начале XX в.: сборник документов / Сост., вступ. ст., коммент Е.И. Кобахидзе. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНИЦ РАН и РСО-А, 2014. С. 174.

³⁶² ПСЗ-III. Санкт-Петербург, 1902. Отделение I. Т. XIX. № 16841. С. 408.

³⁶³ Гагагова Л.С., Трепавлов В.В. Указ. соч. С. 178.

раньше наблюдалось сочетание централизованного управления с многочисленными моделями управления децентрализованного, обеспечивавшего известную гибкость и необходимую эффективность, то теперь эти возможности были утрачены. Отсюда и рост радикальных настроений, усиливавшихся в инородческих обществах, видевших в происходящем ущемление своих прав.

Между тем было бы неправильно говорить о полном отсутствии возможности влиять на ситуацию и поддерживать порядок на своей территории у выборных представителей горского мира. Так, согласно существовавшему законодательству, «сельскому старшине предоставляется подвергать за маловажные полицейские проступки подведомых ему жителей, между прочим, денежному взысканию до одного рубля и аресту до двух дней»³⁶⁴. Это позволяло разрешать возникающие конфликты своими силами, не раздражать жителей мелочным контролем со стороны царской администрации. Но старшина мог таким образом наказать далеко не всех своих земляков. Его власть не распространялась на «лиц привилегированного сословия, а равно имеющих офицерские чины»³⁶⁵. Их наказание могло быть произведено лишь с разрешения начальника округа. Это был компромисс, при котором сельский старшина и российский чиновник согласовывали свои действия, так как первый не мог без разрешения оштрафовать виновника, а второй не обладал полномочиями налагать на них взыскания без ходатайства туземного выборного.

Завершившиеся военные действия на Северном Кавказе давали возможность ускорить интеграционные процессы в крае. Это нашло отражение в постепенной адаптации местных традиций к имперскому закону, тем более что царская администрация готова была проявлять гибкость в этом вопросе. Переходный период затянулся на два десятилетия и дал возможность относительно безболезненно воспринять новые правовые

---

³⁶⁴ Между централизмом и регионализмом. С. 176.

³⁶⁵ Там же. С. 176–177.

реалии. Система военно-народного управления при наличии контроля со стороны властей не вмешивалась в горскую повседневность, давала возможность самостоятельно разбираться с большинством имеющихся конфликтных ситуаций. Государство ограничилось лишь изъятием преступлений, направленных против личности, как то: убийства, грабежи или же правонарушения, связанные с враждебными действиями против существующих имперских устоев – вооружённые мятежи. Во всех остальных случаях выборные лица сами урегулировали проблемы либо привлекали для этого авторитетов из числа духовенства.

Не без оснований возникло желание окончательно объединить местную правовую практику с общегосударственной, что и легло в основу учреждения поста главноначальствующего гражданской частью с полномочиями генерал-губернатора. Но, как показали дальнейшие события, этот шаг был слишком поспешным, и полномочия гражданских органов постоянно расширялись, фактически приближаясь к тем, которые имело в своё время наместничество.

2.3. Общественно-политические процессы в регионе в условиях новой реальности

Политические процессы, протекающие во второй половине XIX века на территории Северного Кавказа, были обусловлены завершением вооруженного противостояния в период Кавказской войны, проведением в стране «великих реформ» 60-70-х годов и модернизацией общества – факторами, существенно изменившими жизненный уклад местного населения.

Перемены затрагивали все сферы жизни коренных жителей края. В частности, в 1860 г. российское руководство занялось модернизацией административно-территориального устройства региона. В результате все

имеющиеся Кавказские военные линии были ликвидированы, а вместо них сформированы области. Такими областями стали Кубанская, Терская и Дагестанская³⁶⁶. Разделение края на эти территории преимущественно было связано с утверждением российской власти в регионе, однако подобное размежевание не принимало во внимание присущие им особенности. Всё это постепенно подготавливало почву для развития в будущем противоречий и столкновений интересов.

Окончание военного противостояния и исход наиболее непримиримой части горского социума в пределы Османской империи не привели к окончательному изживанию комплекса проблем, связанных с распространением имперского мироустройства. Горцы опасались утраты самобытности и происходящей постепенной аккультурации. Они готовы были покинуть места своего традиционного проживания и найти спасение в единой Турции. Находились и те, кто вновь готов был с оружием в руках бороться за «старину».

Следствием государственных преобразований стала активизация в период с 1863 по 1864 годы политики в области проведения земельной реформы на Северном Кавказе, установления и закрепления границ земельных участков внутри обществ, разделения земель среди различных этнических групп горцев, а также установления единых правовых норм, регулирующих пределы пользования землей³⁶⁷. Целью производимого землеустройства было ослабление перманентных конфликтов, связанных с малоземельем.

Однако, несмотря на это, не всё население было готово принять перемены, разрушающие привычный уклад жизни, и скрытое недовольство всё ещё имело место быть: старшее поколение было не готово отойти от привычных традиций, а молодежь не хотела выполнять правила, вводимые российскими властями.

---

³⁶⁶Цуциев А.А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). Москва: Издательство «Европа», 2006. С.20.

³⁶⁷Там же. С. 23.

Например, болезненно воспринималась необходимость внесения платы за вырубку леса. Если раньше все желающие могли использовать его в целях удовлетворения своих личных потребностей, то теперь жителям было необходимо предварительно получить специальные билеты, дающие право на сбор хвороста и заготовку древесины, а отсутствие такого разрешения могло обернуться оплатой штрафа. Такие меры приводили к растущему недовольству местного населения, которое выливалось в нападения на лесную охрану.

Негативную реакцию вызывали и налоговые сборы, которые были для местного населения непривычны и воспринимались как оскорбление. Местная знать и раньше получала от рядовых общинников свою статусную ренту, нередко большую, чем приходилось отдавать государству. Но это преподносилось как «добровольный подарок». В частности, разрешение на покос травы на земле старшины стоило одного воза сена, а использование сельскохозяйственных угодий для выпаса домашних животных возможно было только в обмен на овцу и ягненка с каждого стада в 100 голов³⁶⁸. Теперь налоги выглядели как насилие победителя над побеждённым. Сказывалось и затруднительное материальное положение, в котором горцы оказались по завершении вооружённого противостояния. Их возмущала выплата налогов, которая воспринималась как оскорбительная.

Недовольство также вызывала практика подселения в аулы представителей других обществ, которые должны были снабжаться наделом наравне со старожилами³⁶⁹. Учитывая, что необходимого земельного фонда не хватало, такие люди воспринимались крайне негативно, и их права всячески ущемлялись. Но власти настойчиво продолжали политику укрупнения селений на равнине и старались снизить численность горских обществ, столкнувшись с тем, что именно там сконцентрированы наименее склонные к компромиссу с властями люди. Вследствие такой политики

---

³⁶⁸ Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания (ЦГАСО-А). Ф. 256. Оп. 1. Д. 33. Л. 48–49.

³⁶⁹ РГВИА. Ф.1300. Оп. 7. Д.3. Л. 369.

наибольшее раздражение вызывала инициировавшая её царская администрация, любые шаги которой встречали латентную или открытую форму неприязни.

Все эти факторы приводили к выступлениям, последствиями которых стали значительные людские потери. В основном конфликты были локальными и нецентрализованными и в большинстве случаев не выходили за пределы того или иного сельского поселения. Вместе с тем были зафиксированы отдельные случаи, когда соседние поселения оказывали друг другу поддержку и помощь, что увеличивало охват территории, выступившей против российских властей³⁷⁰.

Имперские власти, во-первых, воспринимали подобные волнения как естественный результат продолжительной войны в регионе, а, во-вторых, недостаточно объективно и критично оценивали проводимый ими курс по модернизации жизненного уклада местных жителей.

Хронологически произошедшие восстания горцев, направленные против российских властей после завершения Кавказской войны, охватывают период с 1858/59 по 1877 годы³⁷¹. Эти волнения преимущественно происходили в горных и равнинных районах Северо-Восточного Кавказа, принимая самые разнообразные формы: от небольших бунтов, набегов и покушений на отдельных чиновников до масштабных восстаний и массовых переселений на территорию Турции. Что касается территории Северо-Западного Кавказа, то здесь вплоть до 1864 г. всё ещё продолжались боевые действия, а после их завершения серьёзных волнений в данном регионе не происходило. Это объясняется двумя основными причинами. Первая причина связана с насильственным переселением местных жителей из труднодоступных ущелий на равнинные территории. В результате значительная часть горцев в первые же годы после утверждения российской власти в регионе эмигрировала на территорию Турции. Вторая причина

---

³⁷⁰ Северный Кавказ в составе Российской империи. Москва: Новое литературное обозрение, 2007. С. 137.

³⁷¹ Там же. С. 136.

обусловлена чересполосным расселением «замиранных» жителей с казаками и выходцами из южных регионов империи.

Одни из первых волнений вспыхнули на территории Ингушетии и были связаны с переселенческой практикой властей³⁷². В частности, в мае 1858 г. недовольство назранцев переросло в открытое вооружённое выступление, получившее название «Назрановского возмущения», в результате которого пятитысячный союз общин назранцев под руководством юнкера Чандыр Арчакова, знаменосца Магомет Мазурова (Султыгова) и Джагостуко Бехоева предпринял попытку уничтожения Назрановской крепости. Ответной мерой военного командования на это выступление стало направление из Владикавказа в Назрань крупного воинского соединения, которое во главе с полковником Зотовым сумело подавить восстание. Решением военно-полевого суда лидеры восстания были казнены, 37 участников восстания были подвержены телесному наказанию и сосланы на каторжные работы, а несколько сотен восставших переселены в Сибирь³⁷³.

Осенью 1859 г. принимается решение о переселении беноевского общества Чечни на территории других аулов и небольших хуторов и недопущении их к использованию своих прежних наделов. Однако в мае 1860 г. большая часть жителей вернулась на родную территорию к началу посевных работ, отказавшись покидать свои жилища. Такой поступок со стороны горцев был расценен российской администрацией как проявление открытого неподчинения. Беноевцы, выразив своё нежелание переселяться на территории, указанные российскими властями, надеялись на уступку с их стороны. В ответ на действия горцев первый начальник Терской области генерал Н.И. Евдокимов направил войска для урегулирования конфликта. В результате к началу июня 1860 г. неповиновение местных жителей вышло за

---

³⁷²Ингуши / отв. ред. М.С.-Г. Албогачиева, А.М. Мартазанова, Л.Т. Соловьёва. Москва: Наука, 2013. С. 59.

³⁷³Северный Кавказ в составе Российской империи. С. 138.

рамки простого спора и приобрело вооруженный характер³⁷⁴.

В качестве своего предводителя жители избрали Байсангура Беноевского. Решив не дожидаться блокады поселения, восставшие ушли в леса, и, объединившись в небольшие группы, стали осуществлять нападения на российские отряды. В короткие сроки к ним начали присоединяться и другие селения, которые не были готовы принять вводимые царскими властями порядки. Часть жителей не принимала непосредственного участия в сражениях, но при этом оказывала помощь повстанцам в предоставлении продуктов питания, а также необходимой информации о расположении российских сил и их перемещениях.

Российскому командованию не удалось добиться быстрого разрешения сложившейся ситуации. Уже к концу июня 1860 г. подавляющая часть селений Ичкерийского округа была объята восстаниями, и российские силы были вынуждены признать потерю контроля над территорией. Нападения продолжались до наступления зимы. Был введен принцип коллективной ответственности, который означал, что люди, оказывающие помощь восставшим, также будут в ответе за осуществляемые мятежниками действия. Подобные меры в короткие сроки позволили изолировать Байсангура Беноевского и его сподвижников. Поселения, в которых базировались его отряды, были подвергнуты разрушению, а проживающее на этих территориях жители выселены. В результате Беной-Ведено было взято под контроль российским командованием, а 59 семей дали своё согласие оставить свои дома и переселиться на территории, определённые российскими властями для их дальнейшего проживания³⁷⁵.

В подавлении восстания принимали участие не только российские солдаты, но также и выходцы из числа горских народов. Это является свидетельством того, что на стороне восставших было не всё население региона. В частности, в рамках организованной военной экспедиции 1861 г.

---

³⁷⁴ История Чечни с древнейших времен до наших дней: В 2 т. Т. I: История Чечни с древнейших времен до конца XIX века. Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2008. С. 685-686.

³⁷⁵ Там же. С. 690.

отрядами российских войск командовал генерал Муса Кундухов, а полковник А.И. Чермоев возглавил милицейское подразделение численностью в 700 человек³⁷⁶.

Понимая, что с помощью оружия не сломить дух повстанцев, российские войска перешли к разрушению их поселений и массовому вытеснению населения на равнины. В результате более 1200 человек было выселено в плоскостные села. 17 февраля 1861 г. были взяты в плен предводители восставших. Байсангур Беноевский был приговорён к повешению, а его сторонники сосланы в Сибирь на каторжные работы.

Тем временем в Аргунском округе продолжала сохраняться напряжённая ситуация в связи с продолжавшимся восстанием, лидерами которого были пользовавшиеся доверием и авторитетом у местных жителей наиб Ума Дуев и окружной кадий Шатоевского общества Атаби (Атабай) Атаев. Сформированные ими отряды занимались кражей лошадей, нападением на обозы, а также обстреливанием постов. Восставшие получали от своих земляков актуальную информацию о местах дислокации и о перемещениях российских войск, что позволяло отрядам мятежников сократить риск попадания в окружение. Всё это привело к тому, что появилась угроза нападения на важнейший административный центр в этой части региона – крепость Шатой – и её потери³⁷⁷.

В качестве основного способа борьбы с восставшими российское командование видело проведение карательных акций, включающих разрушение поселений местных жителей и их переселение на новые места, а также истребление их запасов продовольствия и фуража.

Непрекращающиеся преследования лидеров повстанцев, предпринимаемые российским командованием, начали давать свои результаты. Так, в ноябре 1861 г. российские силы перешли к наступлению, и большая часть сторонников восстания была уничтожена. Необходимо также

---

³⁷⁶ Известия из Терской области // Военный сборник. 1862. №1. С. 30–31.

³⁷⁷ История Чечни с древнейших времен до наших дней... С. 695.

отметить, что к подавлению волнений были выделены дополнительные силы, представленные чеченскими милицейскими отрядами во главе с Мусой Кундуховым. Кроме того, российские войска были размещены в местных поселениях и их содержание легло на плечи местного населения, которое и без того нуждалось в продуктах питания и сене для домашнего скота. При этом жители предупреждались о том, что содержать войска необходимо будет до тех пор, пока руководители восстания не примут решение сдаться. В результате Ума Дуев и Атаби Атаев добровольно сдались российскому командованию и были переселены с семьями в центральную часть империи так же, как и наиболее активные участники восстания³⁷⁸.

Не обошлось без протестного движения и в Дагестане. В период с 1860 по 1861 годы были отмечены волнения среди андийцев. Позднее выступили ункратлинцы, которые под руководством Каракуль-Магома осуществили нападение на местных старшин. Направив в этот район армейские части, власти сумели подавить восстание, в результате чего 143 человека, принявшие участие в сельском бунте, были высланы за пределы Северного Кавказа³⁷⁹.

В 1863 г. начались волнения в Закатальском округе, лидером которого стал штабс-капитан милиции Хаджи-Муртуз. Восстание было вызвано болезненным восприятием населением ложных слухов о якобы желании местной администрации обратить мусульман в православную веру. В ходе восстания повстанцам удалось осадить крепость в селении Закаталы, где размещались российские силы, а также не позволить отряду генерала С.О. Шаликова оказать помощь осаждённым. Путём применения суровых методов восстание всё же было подавлено, а его участники выселены с семьями в глубь империи, но, несмотря на это, события, произошедшие в Закатальском округе, сумели породить протестные настроения на территории Гумбета и Ботлиха.

---

³⁷⁸ История Чечни с древнейших времен до наших дней... С. 695.

³⁷⁹ Северный Кавказ в составе Российской империи. С. 137.

В дальнейшем негативные выступления отмечались в Аварии и Кайтаго-Табасаранском округе. Зачастую восстания происходили в горных селениях, жители которых наиболее болезненно воспринимали вводимые российскими властями перемены социально-экономического и культурного характера³⁸⁰.

Недовольство подогревалось и религиозными проповедями, которые объясняли происходившие процессы «падением нравов» и «греховностью». Они нередко доводили ситуацию до открытой вооружённой борьбы и последующего усиления репрессивных шагов царских властей, как это было при подавлении движения сторонников Кунта-Хаджи Кишиева. В своих проповедях этот религиозный деятель призывал к социальной справедливости, смирению и самосовершенствованию, а также осуждал войну, что не могло не привлечь на его сторону многочисленных слушателей. Кунта-Хаджи в рамках своего учения разработал неизвестную до этого на территории Чечни особую форму молитвы, включающую в себя и танец, и пение – «зикр»³⁸¹. При этом проповедник призывал сторонников обряда учения «зикр» коллективно исполнять «громкий зикр», вследствие чего его последователей начали называть «зикристами». В своё время имам Шамиль запрещал ему открыто выступать со своими проповедями, конкурирующими с идеями мюридизма. Кунта-Хаджи выслали в горный хутор, располагающийся недалеко от поселения Гуниб. Позднее, в 1858 году, проповедник отправился в хадж и возобновил начатое дело по возвращении в родные места в 1861 г.³⁸²

Именно опасения в отношении влияния, которое Кунта-Хаджи оказывал на народ, вынудили Шамиля запретить его проповедническую деятельность. По этой же причине власти Терской области с настороженностью и опасением следили за ростом влияния проповедника и

³⁸⁰ Северный Кавказ в составе Российской империи.. С. 137-138.

³⁸¹ Там же. С. 140.

³⁸² Ипполитов А. П. Учение «зикр» и его последователи в Чечне и Аргунском округе // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1869. Т. 2. С. 2-3

прибегали к наиболее решительным действиям с целью прекращения его деятельности.

Отметим, что поначалу влияние Кунта-Хаджи было незначительным, однако, с наступлением 1863 г. ситуация изменилась: учение проповедника начало расцениваться как идеология, пришедшая на смену мюридизму, а громкое публичное совершение зикра напоминало властям военные песни, которые исполняла армия имама Шамиля перед боем³⁸³. Такая ситуация вызывала у российской администрации беспокойство. Она опасалась новых беспорядков под религиозными лозунгами.

Несмотря на то, что проповеди Кунта-Хаджи сводились к призывам отказаться от призрачного земного бытия и заняться самосовершенствованием, то есть не ставили никаких политических, вполне земных задач, представители официального исламского духовенства считали их вредными для умонастроений их паствы. Так, среди последовательных критиков и разоблачителей Кунта-Хаджи был авторитетный среди чеченцев мулла Абдул-Кадыр Хордаев³⁸⁴.

Во избежание новых вспышек народных восстаний на территории Чечни было запрещено коллективное исполнение зикра, а над проповедником и его семьёй установлено наблюдение³⁸⁵. Позднее, 3 января 1864 г., по распоряжению наместника региона князя Михаила Николаевича, Кунта-Хаджи был тайно изолирован и вывезен в Новочеркасск, а затем выслан в Новгородскую губернию.

Изоляция проповедника вызвала возмущение его приверженцев. Они попытались силой отбить своего лидера, но были разгромлены силами армии

---

³⁸³ Гатагова Л.С. Северный Кавказ в эпоху поздней империи: природа насилия. 1860-1917. Москва: Новый хронограф, 2016. С. 232.

³⁸⁴ История Чечни с древнейших времен до наших дней. С. 696-697.

³⁸⁵ Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX – середина XX в.) / авт. коллектив. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. С. 419.

и казаков³⁸⁶. В дальнейшем многие сторонники вооружённого сопротивления использовали учение Кунта Хаджи в качестве своей идеологии³⁸⁷.

В частности, 8 мая 1865 г. под предводительством Хаджи Таза (Тоза) Экмирзаева произошел бунт в Ичкерии, поводом для которого стало выселение жителей Ичкерского округа. Отличительной чертой данного выступления являлся не стихийный характер, присущий предыдущим волнениям, а усиленная предварительная подготовка. Предводитель восстания вёл себя достаточно осторожно и старался не привлекать посторонних людей, делая ставку только на родственников и доверенных лиц. Но, несмотря на это, незадолго до выступления замыслы Тазы Экмирзаева были раскрыты властями, что свидетельствует об отсутствии единого мнения среди населения по данному вопросу, так как не все жители были готовы примкнуть к повстанцам и подвергнуть свои жизни опасности.

Не согласившись на уговоры местной власти разойтись мирно, «возмутитель спокойствия» ушёл в леса, где к нему примкнуло около 200 последователей, которые позднее в результате нескольких столкновений с чеченской милицией рассеялись. 29 мая 1865 г. руководитель восстания был выдан старшинами Шали и подвергся аресту вместе с 17 ближайшими соратниками³⁸⁸.

Участники волнений понесли суровое наказание – их отправили в ссылку или расселили по другим аулам, а те из горцев, кто участвовал в подавлении этого движения, напротив, были награждены, явив пример выгоды конструктивного сотрудничества с царской администрацией. На таких примерах можно делать убедительный вывод, что в местной среде сформировалась достаточно большая группа лиц, успешно интегрировавшихся во властные структуры империи.

В числе тех, кто сохранил приверженность учению Кунта-Хаджи, был абрек Вара, принимавший участие в Шалинском «кинжальном» бою.

---

³⁸⁶ Свистунов А.П. Очерк восстания горцев Терской области в 1877 году. Санкт-Петербург, 1896. С. 16.

³⁸⁷ Ковалевский П.И. Восстание Чечни и Дагестана в 1877-1878 гг. Зелим-Хан. Санкт-Петербург, 1912. С. 94

³⁸⁸ Северный Кавказ в составе Российской империи. С. 141.

Потерпев поражение, он был вынужден скрываться в горных аулах Чечни. Вара пользовался уважением жителей и со временем, благодаря своей храбрости и энергии, стал всенародным героем. Несмотря на то, что громкое коллективное совершение зикра было под запретом, а тайные совещания последователей Кунта-Хаджи отслеживались властями, число приверженцев учения росло так же, как и число сторонников, готовых оказать помощь в укрытии Вары. В этой связи для его поимки был привлечен чаберлоевский наиб Гуданат Мударов, имевший свои счёты с Варой. В результате наиб сумел отследить его и в 1865 г. заманил Вару в селение Новые Атаги, предварительно сообщив об этом российскому командованию. В ходе боя, длившегося около трех часов, Вара был убит³⁸⁹.

В 1863 г. отмечались восстания и на территории Дагестана, объясняемые попытками распространения христианства. В частности, вспышки повстанчества произошли в Закатальском округе, население которого выступило под предводительством провозглашённого имамом Хаджи-Муртуза. Оно также было подавлено совместными усилиями регулярной армии и милицейскими отрядами из числа самих горцев.

Но на смену одному выступлению, приходили всё новые вспышки насилия. Значительная часть населения не могла смириться с той моделью мироустройства, которые принесла им Российская империя³⁹⁰. Одним из новых предводителей восстания в Аварском округе стал Габизат-Магома, который приходился имаму Шамилю племянником. Именно уважение и авторитет Шамиля привлекали на сторону нового вождя движения всё большее количество последователей. Однако не все были готовы пойти за Габизат-Магомой. В результате благодаря действиям местных старшин российским властям удалось его поймать и после суда отправить в Сибирь. Таким образом, восстание не достигло угрожающих масштабов.

---

³⁸⁹ Ошаев Х. Мюридизм в Чечне // Революция и горец. 1930. № 9-10 (23-24). Сентябрь-октябрь. С. 50.

³⁹⁰ Гагагова Л.С. Указ. соч. С. 247.

Наибольшим раздражителем выступала фискальная политика властей. Доходило до убийства отдельных представителей царской администрации. Можно упомянуть, например, наиба Хаджиява Каратинского, ставшего в 1871 г. жертвой народного гнева³⁹¹. Важным является тот факт, что не все жители поддержали случившееся, так как именно население близлежащих селений оказало помощь российским властям в восстановлении порядка. Но их сил было недостаточно для подавления мятежа, в связи с чем российскими властями было принято решение направить в данную местность войска. Восставшие селения были окружены и подчинены, а активные участники волнения переселены либо в соседние селения, либо в другие регионы страны, а тех, кого сочли наиболее опасными, отправили в Сибирь.

Другой формой социального сопротивления новым порядкам было абречество. Абреки были сторонниками применения практики насилия, предполагающей кровную месть, набеги и т. д.³⁹². Нередки были случаи, когда местные жители оказывали поддержку абрекам, предоставляя им продовольствие, а также актуальную информацию о местонахождении отрядов, занимающихся их поиском. В ответ на помощь местного населения абреки отдавали им часть своей добычи, а также выступали на защите их интересов в случае конфликтных ситуаций. Если поддержка абрека прекращалась, он, как правило, быстро ликвидировался, либо силами полиции, либо своими кровниками³⁹³.

В 60 – начале 70-х гг. XIX в. в регионе были распространены и одиночное абречество, и небольшие разбойнические группировки. Абреки преимущественно осуществляли свою набеговую деятельность в весенний и летний период, грабя и поджигая дома, а также захватывая в плен местных жителей. В местной прессе фигурировали сюжеты, в которых рассказывалось, что «с наступлением сезона полевых работ, почти вся

---

³⁹¹ Абдулаева М.И. Внутриполитическая ситуация в Дагестане в 70-90-е гг. XIX в. и миграционные процессы. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2006. С. 63.

³⁹² Северный Кавказ в составе Российской империи. С. 139.

³⁹³ Ботяков Ю.М. Абреки на Кавказе: Социокультурный аспект явления. Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение, 2004. С. 94–95.

работоспособная часть населения нагорной полосы Терской области выезжает на полевые работы на плоскость. Это время с мая до ноября. Во время этого хождения на безоружных горцев нападают разбойничьи шайки, иногда численностью до 40 – 50 человек. Среди нападающих бывают воры, конокрады, которые нападают на горцев, убивают их, издеваются над ними, отнимают добро»³⁹⁴.

Ярким примером является судьба известного абрека Вары, о котором шла речь ранее, погибшем в результате действий наиба Мурада Гуданата, сводившего с ним личные счеты. Также получили известность Назир-абрек и Атабай Карачаевский, погибшие в бою от рук российских солдат.

Абреки принимали участие в ряде отдельных антироссийских бунтов, а также в масштабном восстании, происшедшем в 1877 г. Деятельность абреков вызывала своими действиями большой резонанс в обществе, поскольку зачастую сводилась не только к грабежу и набегам. Так, отдельные отряды осуществляли нападения на крепости и покушались на жизнь российских офицеров. В частности, в 1872 г. в результате нападения был убит руководитель Хасавюртовского округа, который в это время объезжал подведомственную территорию³⁹⁵.

Связав свою жизнь с систематическими разбоями, абреки не возвращались больше к мирной жизни и созидательному крестьянскому труду, хорошо понимая свою обособленность. Объективно они становились препятствием на пути интеграции края в российскую правовую систему. Но реагируя на этот социальный «раздражитель», власти более активно занимались поиском приемлемой модели взаимодействия с населением Кавказа, стремясь привлечь как можно больше сторонников на свою сторону.

Большое влияние на расшатывание ситуации в регионе оказывала неблагоприятная внешнеполитическая обстановка. Между Россией и Турцией всё ещё сохранялось соперничество, а Стамбул надеялся вернуть

---

³⁹⁴ Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах: Научно-популярный сборник. / Сост. Чибиров Л.А. Цхинвали: Ирыстон, 1989. Книга 4. С. 369.

³⁹⁵ Северный Кавказ в составе Российской империи. С.143.

потерянные позиции на Кавказе. При этом среди коренных жителей Кавказа было немало сторонников турецкого султана, веривших, что благодаря его помощи смогут обрести независимость от царской власти³⁹⁶.

Подобные настроения находили поддержку у турецких агентов, а принимая во внимание массовое переселение местных жителей на территорию Турции, их связи с Османской империей только усиливались. Так, по данным официальных источников, только на территории Дагестана находилось 43 турецких представителя, которые, агитируя местное население на «священную» войну, сулили им освобождение от «неверных» в короткие сроки³⁹⁷. Такие действия оказали существенное влияние на ситуацию в регионе, когда произошло противостояние между Россией и Турцией в период с 1877 по 1878 годы.

К этому моменту отчетливо сформировались силы, выражающие своё недовольство по отношению к новым порядкам, введённым российскими властями. Среди таких сил были и представители «старой» знати, авторитет которых пошатнулся в глазах местных жителей. Так, не все высокопоставленные лица сумели войти в российскую административную систему, а те, кому это всё же удалось, оценивали это как недостаточную компенсацию по сравнению с их прежними полномочиями и привилегиями.

Рядовые жители также выражали недовольство в отношении различного рода натуральных и денежных обязательств, возложенных на них государством. В частности, в 1865 г. для населения Дагестана был введён единый налог в размере от полутора рублей до трёх рублей и более, уплата которого в особенной степени поставила в затруднительное положение зависимых крестьян, не освобождавшихся от растущих повинностей и податей перед феодалами. А позднее в 1866 г. был введён особый денежный

---

³⁹⁶ Магомеддаев А.М., Амирова З.М. Роль профессора Р.М. Магомедова в исследовании восстания 1877 года в Дагестане // Актуальные проблемы истории Кавказа: материалы международной конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения профессора Р.М. Магомедова (Махачкала, 14 – 15 апреля 2010 г.) / Отв. ред. М.М. Гасанов; под ред. В.П. Егоровой. Махачкала: Издательство ДГУ, 2010. С. 39.

³⁹⁷ Чернявский А.С. Кавказ в течении 25-летнего царствования государя императора Александра II. Санкт-Петербург, 1898. С.41.

сбор в размере 38 000 рублей, заменявший обязанность населения Дагестана нести военную службу³⁹⁸.

Значительное влияние на настроения местных жителей всё ещё оказывал земельный вопрос. На фоне этого возрастал уровень социальной напряжённости, влекущий за собой распространение протестных настроений среди населения, а проникновение капиталистических отношений в их привычный уклад расценивалось как деградация общества и утрата традиционных обычаев, имеющих для горцев нравственное значение³⁹⁹.

Однако это не означало, что все коренные жители региона были настроены на войну против России, более того – многие были готовы сражаться в рядах российской армии. Именно из таких горцев были организованы добровольческие воинские подразделения для борьбы с османами. Российские власти неоднократно прибегали к подобной практике, в связи с чем было решено не игнорировать накопленный положительный опыт в данном вопросе и поддержать такие порывы горцев⁴⁰⁰. Кроме того, по мнению российских властей, благодаря такому подходу удалось бы переместить определенную долю мятежного населения за пределы империи, направив их активность на пользу страны⁴⁰¹.

Положительный пример добровольцев должен был повлиять на восприятие их земляками российских властей, демонстрируя все преимущества преданной службы империи. Такая политика принесла свои плоды, в полной мере оправдав возлагаемые на неё надежды, а самоотверженная служба горцев на Балканском и Кавказском фронтах была отмечена почётными Георгиевскими знамёнами⁴⁰².

---

³⁹⁸Хашаев Х.М. Общественный строй Дагестана в XIX веке. Москва: АН СССР, 1961. С.69–70.

³⁹⁹Иразова М. А. Причины и начальный этап восстания в Чечне в 1877 г. // Чеченцы в сообществе народов России: Материалы всероссийской научно-практической конференции, посвященной 420-летию установления добрососедских отношений между народами России и Чечни (г. Грозный, 18-20 декабря 2008 г.). Т. I. Нальчик: Пилигрим, 2008. С.375-376.

⁴⁰⁰Лапин В. В. Армия России в Кавказской войне XVIII-XIX вв. Санкт-Петербург: Издательство «Европейский дом», 2008. С.336-365.

⁴⁰¹Колубакин Б. Русско-турецкая война 1877-1878 гг. на Кавказе и в Малой Азии. Санкт-Петербург, 1906. Ч. I. С.155.

⁴⁰²Безугольный А.Ю. Народы Кавказа и Красная Армия. 1918-1945 годы. Москва: Вече, 2007. С.25.

В числе горцев, занимавших противоположную позицию, были такие фигуры, как Дада Залмаев – житель селения Чеберлой – и Алибек-Хаджи Алданов – выходец из аула Симсир Зандакского общества, который в 1877 году при возвращении из хаджа встречался с генералом турецкой армии, вторым сыном Шамиля, Гази-Мухаммедом, обещавшим оказать ему поддержку со стороны турецкого правительства⁴⁰³. Благодаря своему авторитету и уважению среди местных жителей им удалось стать лидерами чеченских повстанцев, а Алибек-Хаджи на собрании старшин был избран новым имамом. С помощью агитации ему удалось привлечь на свою сторону множество сторонников из селений Беной, Зандак и населенных пунктов, расположенных в долине реки Аксай. В результате в течение месяца к Алибеку-Хаджи примкнули жители 47 поселений восточных районов Ичкерии.

Интересен также и круг помощников Алибека-Хаджи и Дады Залмаева, ставших предводителями новых восстаний. Большая часть из них ранее уже принимала участие в вооружённом противостоянии против российских властей. Среди них были широко известные по восстаниям 60-х годов Султан-Мурад и Ума Дуев, вернувшийся из ссылки.

У Алибека-Хаджи не было необходимости создавать неправильное представление в умах своих земляков, поскольку Стамбул действительно рассчитывал на поддержку горцев, готовых сформировать повстанческие добровольческие отряды, которые в ходе восстания позволят перетянуть внимание российских властей на себя и сумеют ослабить тем самым их действия против армии Османской империи⁴⁰⁴. Более того, в ряды турецкой армии уже были привлечены мухаджиры, желавшие свести счёты с российскими властями за тяготы, которые переносил их народ.

Восстание горцев в апреле 1877 г. продемонстрировало глубину социальных противоречий, имеющих в среде коренных народов.

---

⁴⁰³Иразова М. А. Указ. соч. С.375–376.

⁴⁰⁴Ковалевский П.И. Указ. соч. С. 90.

Горские общества разделились на два лагеря: тех, кто был на стороне вооружённого противостояния, и тех, кто был противником протестных движений. Жители, остававшиеся преданными империи, объявлялись предателями и в дальнейшем ликвидировались, независимо от их положения.

Социальная база сторонников интеграционного сближения подверглась серьёзной угрозе. В частности, Алибека-Хаджи не остановил тот факт, что в числе противников вооружённого противоборства выступил его родственник, занимающий должность старшины. Имущество «изменников» передавалось сторонникам вооружённой борьбы. В считанные дни новому имаму удалось собрать около 18 000 человек, среди которых были не только его последователи, но и жители, опасющиеся за свою жизнь, в случае если останутся в стороне⁴⁰⁵.

Первоначально протестные настроения вспыхивали только в горных селениях Чечни, но вскоре к ним стали присоединяться и некоторые равнинные жители. Царскому командованию пришлось спешно перебрасывать на проблемные участки новые силы, причем не только из числа казаков и регулярной армии, но и из сохранивших свою лояльность горцев-милиционеров. В ряды добровольцев записывались в первую очередь те жители, которым в условиях нового порядка удалось добиться достойного уровня жизни, терять который им не хотелось по причине мятежа земляков.

Тактика российского командования, заключающаяся в блокировании повстанцев в горах, оправдала себя. Отряд Алибека-Хаджи, не имея возможности прорваться через заслон российских войск, был вынужден нести потери, а предпринимаемые ими неоднократные попытки продвинуться вперед привели к утрате фактора внезапности. Кроме того, важную роль сыграла агитация по вопросу сохранения верности властям со стороны генерал-майора Арцу Чермоева, пользовавшегося уважением со стороны местных жителей. Дополнительно в подконтрольных имаму

---

⁴⁰⁵ Восстание дагестанцев и чеченцев в послешамилевскую эпоху и имамат 1877 года (материалы) / Сост. Т.М. Айтберов, Ю.У. Дадаев, Х.А. Омаров. Махачкала, 2001. Кн. I. С.51.

местностях находились лояльные империи люди, предоставляющие сведения о действиях восставших. Таким образом, угроза мятежа привела к активизации сил, заинтересованных в продолжении тех начинаний, которые были инициированы Российской империей. Среди местных жителей нашлось немало тех, кто с риском для жизни и собственного благополучия готов был противостоять архаичной «контрреволюции».

Прислушались к призывам Арцу Чермоева сохранить лояльность империи и жители селения Шали, выступившие против имама. Они сформировали отряд самообороны и, вооружившись, не пустили к себе повстанцев. За такой поступок российские власти наградили шалинского старшину, а жителей поселения приводили в пример пока ещё не определившимся с политическим выбором людям⁴⁰⁶.

В результате действий военного командования, с одной стороны, и отсутствия поддержки среди населения, проживающего на равнинных территориях, – с другой, Алибек-Хаджи и Дада Залмаев вынуждены были уйти в горы. Таким образом, начался новый этап противостояния, в котором теперь уже повстанцы вынуждены были отражать наступление российских войск, действующих одновременно в нескольких направлениях, таким образом, окружая повстанцев⁴⁰⁷. Однако до конца реализовать данный план помешали усилившиеся вспышки возмущения на территории Дагестана, куда срочно пришлось перевести часть подразделений, принимающих участие в операции.

Большие надежды возлагались на местное население, которому в благодарность за оказанную помощь в поимке или уничтожении руководителей движения обещали награду. Кроме того, предпринимались меры по запугиванию последователей имама посредством уничтожения их имущества, пленения и применения принципа коллективной ответственности. Подобные действия российского командования в короткие

---

⁴⁰⁶ Свистунов А.П. Очерк восстания горцев Терской области в 1877 году. С. 66.

⁴⁰⁷ Клычников Ю.Ю., Линец С.И. Северокавказский узел: особенности конфликтного потенциала (исторические очерки) / под ред. В.Б.Виноградова. Пятигорск: РИА-КМВ, 2006. С.53.

сроки дали свои плоды: не желая нести ответственность за проступки земляков, жители начали приводить к российским властям пленных абреков⁴⁰⁸.

Больше всего страдала от сложившейся обстановки в регионе часть населения, стремящаяся сохранить нейтралитет. Именно эти люди подвергались давлению и со стороны повстанцев, считавших их предателями народа, и со стороны российских властей, подозревавших их в оказании помощи восставшим.

Понимая, что длительное нахождение в одном месте может быть чревато разгромом со стороны российских сил, Алибек Алданов принял решение изменить своё месторасположение, перебравшись в июне 1877 г. в селение Гуниб. Это стало определенным знаком для его последователей, которые не просто выразили ему свою преданность, но и начали осуществлять нападения на тех, кто оказывал поддержку имперским властям. Ярким примером является нападение жителей Махкеты на аргунское подразделение милиции, которому потребовалось приложить немало усилий, чтобы отбиться от неприятеля.

К новому эпицентру возмущений в верховьях реки Баас российское командование начало стягивание войск. В результате некоторые жители селения Махкеты были взяты под арест, а сам населённый пункт razoren. Однако стоило российскому отряду выдвинуться обратно, как повстанцы сумели вернуть часть своих единомышленников, что стало для них большим успехом. Этот успех только сыграл на руку Алибеку-Хаджи, подняв его авторитет в глазах населения.

Тем временем начали распространяться слухи о том, что в короткие сроки прибудет подмога от султана Османской империи. Решающим аргументом для тех, кто ещё не примкнул к той или иной противоборствующей стороне, стали сведения о том, что во главе турецких отрядов будет находиться сын имама Шамиля, который продолжит дело

---

⁴⁰⁸ ЦГА РСО-А. Ф. 55. Оп. 1. Д. 35. Л. 28.

отца. Чтобы поразить воображение потенциальных союзников, он приказал напечатать свои воззвания золотыми буквами, что, по мнению его османских покровителей должно было повлиять на умы неискущённых горцев⁴⁰⁹.

Однако подобная ситуация продлилась недолго. Перейдя к уверенному наступлению, генерал А.М. Смекалов получил контроль над всеми баасовскими поселениями, а та часть населения, которая пыталась скрыться в лесах в поисках убежища, разыскивалась, а потом ликвидировалась. Обессиленные местные жители приняли решение прекратить сопротивление, осознавая всю опасность ситуации с учётом приближающихся холодов, и переехали на равнинные территории по распоряжению российского командования⁴¹⁰.

Дагестан являлся вторым центром возмущений, возникших с началом русско-турецкой войны. Ситуация в этом регионе была схожа с событиями в Чечне. Значительная часть местных жителей была недовольна теми переменами, с которыми им пришлось столкнуться, кроме того, в памяти были свежи воспоминания о происшедших в период правления Шамиля событиях. Помимо идейных последователей борьбы за прежний жизненный уклад, встречались и те, кто, прикрываясь высокими идеями, стремился улучшить своё благосостояние посредством грабежа и нападений. В результате это привело к столкновению с другой частью местного населения, не желавшей более терпеть разбойные нападения⁴¹¹.

На первых этапах выступления в Дагестане не получили размах, и российские власти сумели в короткие сроки усмирить восставших. Во главе с князем М.А. Накашидзе специально организованный Нагорный Дагестанский отряд, двигаясь от одного населенного пункта к другому и руководствуясь принципом коллективной ответственности, наказывал как мятежников, так и жителей, сохранявших нейтралитет⁴¹².

---

⁴⁰⁹ Ковалевский П.И. Указ. соч. С. 29-30.

⁴¹⁰ ЦГА РСФСР-А. Ф. 55. Оп. 1. Д. 164. Л. 5.

⁴¹¹ Восстание дагестанцев и чеченцев в послешамилевскую эпоху... С. 59.

⁴¹² Гасанов М.М. Дагестан в составе России (вторая половина XIX века). Махачкала, 1999. С. 129-130.

Реакцией на применение российским командованием подобной практики стало возрастание недовольства среди населения, побуждающее его перейти на сторону повстанцев. В какой-то степени основным поводом для новых вспышек волнений стали распространяемые турецкими эмиссарами ложные слухи о поражении российских войск под Карсом. Именно это побудило местных жителей объединиться под руководством выходца из аварского селения Согратль Гаджи-Мухаммеда, который был вскоре избран имамом. Его кандидатура на эту роль была выбрана не спонтанно, а готовилась в предшествующие годы, причём не без турецкой помощи. Далеко не случайно, что именно в этот период в горах появляются османские агенты, убеждавшие местных жителей в скорой поддержке их борьбы со стороны султана⁴¹³.

О сложившихся в этот период настроениях говорит и тот факт, что на сторону восставших начали переходить жители, достигшие определённого уровня благосостояния и карьерного роста на российской службе. В своём выборе они руководствовались тем, что верных российским властям жителей уничтожали повстанцы, а сумевшие скрыться от преследований покидали свои дома, оставляя всё своё имущество восставшим, ввиду чего наиболее выгодным решением было примкнуть к рядам нового имама⁴¹⁴.

Осенью 1877 г. территория Западного Дагестана была под контролем мятежных горцев. Именно сюда и направился вытесненный с чеченских территорий отряд Ума Дуева. Что касается российских войск, то они начали стягиваться к аулу Акуши, где были сосредоточены все силы повстанцев. В результате российским силам удалось не допустить горцев на равнину, успешно отразив все попытки повстанцев прорваться вперед.

Однако, пока происходили сражения в западных районах Дагестана, беспорядки начались в его южных областях. Волнения захлестнули окрестности Дербента, а сам город был осаждён. Вооруженное восстание

---

⁴¹³ История народов Северного Кавказа (конец XVIII в.–1917г.) / отв. ред. А.Л. Нарочницкий. Москва: Наука, 1988. С.289.

⁴¹⁴ Хашаев Х.М. Указ. соч. С.72.

поднял Махти-бек из Кайтага, к которому постоянно присоединялись новые последователи⁴¹⁵.

Российское командование приняло решение направить на помощь Дербенту три колонны, которые выдвинулись из Баку, Петровска и Красноводска⁴¹⁶. Кроме того, были переброшены силы, располагавшиеся у селения Леваша. В результате мятежники не смогли противостоять такому наступлению и, потерпев серьезное поражение от российских войск, были вынуждены снять осаду. Крупные потери, понесенные в ходе сражения, заставили их в скором времени покинуть равнины и отойти в горы. Столкнувшись с жестокостями, совершаемыми мятежниками, жители освобождённого Дербента радостно встречали российские войска как своих освободителей от блокады⁴¹⁷. Российская альтернатива выглядела явно привлекательнее, нежели то, к чему призывали её противники.

Следующим направлением был Южный Дагестан. Потеряв инициативу, восставшие предприняли попытку изнурить имперские силы обороной подконтрольных им селений. Однако все мятежные аулы, встречавшиеся на пути российских войск, вынуждены были капитулировать. Среди сторонников мятежа стали появляться сомнения в его успешном завершении. Ряды повстанцев начали сокращаться. В результате вчерашние мятежники спешили выразить своё раскаянье и тем самым претендовать на помилование. В ходе подавления повстанческих движений были захвачены или ликвидированы все главные фигуры, руководившие мятежниками в этом районе. Таким образом, к началу зимы все волнения на территории Южного Дагестана были подавлены.

Российские войска не прекращали вести борьбу и в его западных частях. Центром недовольства стало селение Телетль, где были сосредоточены оставшиеся силы повстанцев и их руководители. Сюда же направился отряд Умы Дуева. 24 октября 1877 г. аул был окружен

---

⁴¹⁵ Богуславский Л. История Апшеронского полка 1700–1892. Санкт-Петербург, 1892. Т. 2. С. 478.

⁴¹⁶ Северный Кавказ в составе Российской империи. С. 137.

⁴¹⁷ Богуславский Л. Указ. соч. С. 487.

российскими войсками, возглавляемыми генералом А.М. Смекаловым. В ходе бомбардировки жители приняли решение сдаться, не доводя до масштабного кровопролития. Ума Дуев, сумев вырваться, направился к своему союзнику Алибеку-Хаджи в селение Согратль. Таким образом, российскому командованию удалось установить контроль над Западным Дагестаном.

Последним очагом сопротивления оставался Средний Дагестан. К октябрю 1877 г. восставшие перестали надеяться на помощь турецкого султана. Попытки отправить какие-либо письма в столицу Османской империи были безуспешны, поскольку российские власти перехватывали их, а инициаторы подвергались серьезному наказанию. Так, были высланы жители селения Казикумух, а их руководителя Джафар-хана арестовали⁴¹⁸.

Наблюдалась тенденция роста сторонников мирного соглашения с российскими властями. Они не только прекратили оказывать помощь восставшим, но и начали вести с теми активную борьбу.

Последним крупным населенным пунктом, оставшимся под контролем мятежников, было селение Согратль. Его осада продолжалась в течение двух дней, и в результате решительного штурма селение было захвачено. Массовые волнения жителей пошли на спад. Всё ещё продолжались отдельные вспышки недовольства, однако они значительно уступали по своему масштабу прежним движениям мятежников и ликвидировались силами местных властей.

Произошедшие события показали, с одной стороны, силу российских властей, а с другой – её слабость и уязвимость на Кавказе. Действительно, массовым возмущениям не удалось сломить российскую власть, а немалая часть жителей, среди которых были чиновники и представители милицейских отрядов, оказывала поддержку российским силам. Однако стало очевидно, что не всё население готово принять проводимые властями реформы, которые либо воспринимались горцами как покушение на

---

⁴¹⁸ ЦГА РСО-А. Ф. 55. Оп. 1. Д. 55. Л. 23.

устоявшиеся традиции и привычный жизненный уклад, либо вызывали страх разорения и нищеты. Требовалось время, чтобы местные жители осознали всю пользу вводимых преобразований и готовы были их принять.

Становилось понятно, что силовое подавление мятежей не может быть гарантом их неповторения в будущем. Всё ещё требовалось решения земельного вопроса, который особенно остро воспринимался жителями горных районов. Анализ обращений жителей к местным властям даёт возможность понять основные потребности и проблемы, с которыми сталкивается основная часть населения. Так, в 1882 г. жители аула Дуба-Юрт выразили жалобу в отношении качества выделенных для них земельных участков. Проблема заключалась в том, что участки были непригодны для занятия сельским хозяйством ввиду своей каменистости, а имевшиеся плодородные почвы были недостаточны для удовлетворения минимальных потребностей поселян. Похожие жалобы поступали и от других жителей. Обращения подобного характера исследователи интерпретируют как форму пассивной борьбы, побуждающей власть отзываться на недовольства местных жителей⁴¹⁹.

Ещё одним примером пассивного сопротивления стала поддержка этнически близких и игнорирование конфессионально чуждых. А.-Х.А. Саламов отмечал, что успех коммерсантов-чеченцев был обусловлен тем, что они «наживались не просто «тем или иным способом», а самой беззастенчивой эксплуатацией некультурного чеченского крестьянства, используя для этой цели и остатки родовых связей, и религиозный фанатизм, и национальное чувство (покупать у своего брата-чеченца, а не у русского купца-христианина)»⁴²⁰. В этом они нашли поддержку у религиозных лидеров, действуя «вкупе и в любе с шейхами»⁴²¹.

При этом так и не удалось окончательно справиться с разбоем абреков. Стычки с ними продолжались весь рассматриваемый период, и такие случаи

⁴¹⁹ История Чечни с древнейших времен до наших дней... С.712–713.

⁴²⁰ Саламов А.-Х.А. Очерк о Чечне // Революция и горец. 1929. № 7–8 (9–10). Июль-август. С. 96–97.

⁴²¹ Там же. С. 96.

активно обсуждались в прессе⁴²².

Черета преобразований, охвативших империю в 60-х – начале 80-х годов XIX века, не могла пройти бесследно для Северного Кавказа. Среди наиболее болезненно воспринимаемых проблем выделялся земельный вопрос. Совершенствование системы управления также не всегда позитивно воспринималось населением, которое расценивало это как вторжение в их привычный образ жизни. Введение централизованной системы налогообложения также порождало негативную реакцию среди горцев.

Всё это выливалось в многочисленные восстания местных жителей, отличающиеся своей масштабностью и настойчивостью в борьбе против российских властей. При этом не все жители вставали на сторону мятежников. Было немало и тех, кто не только выступал за применение карательных мер против повстанцев, но и принимал непосредственное участие в борьбе против них.

После завершения силового этапа по распространению порядков Российской империи на Северном Кавказе были созданы условия для его мирного преобразования. Это подразумевало изменения в разных сферах жизни местных народов и прежде всего в их хозяйственном укладе. Натуральное хозяйство горцев постепенно приобретало товарные черты. Капиталистический уклад постепенно проникал в местное производство, что неминуемо должно было привести и к социальным трансформациям. Эти процессы сближали народы региона с Россией, усиливая общность интересов и ускоряя интеграционные тенденции.

Происходящее начинало отражаться в правовом поле, которое в рассматриваемый период представляло собой симбиоз традиционных, основанных на обычаях практик и письменного законодательства. Удачным представляется опыт военно-народного управления, при котором за горскими

---

⁴²² Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах: Научно-популярный сборник. / Сост. Чибиров Л.А. – Цхинвали: Ирыстон, 1982. – Книга 2. С. 146.

обществами сохранялась значительная автономия, а за царской администрацией – контроль и вмешательство лишь в случае крайней необходимости в налаженный уклад автохтонного населения. Отказ от такой модели управления, ликвидация наместничества привели к дезорганизации сложившейся системы взаимодействия государства и местных сообществ. Попытка управлять краем без учёта его специфики в итоге закончилась неудачей и признанием необходимости вернуться к практике наместничества.

Следует признать, что закрепить за собой монополию на насилие государству в полной мере так и не удалось. Отсутствие эффективных способов диалога между царской администрацией и кавказским населением приводило к вспышкам недовольства, которые приходилось подавлять с помощью вооружённых сил. Это были массовые волнения, как, например, в 1877–1878 гг., или действия отдельных немногочисленных групп или даже одиночек в лице абреков. Не только просчёты в управлении, но и социально-экономические процессы, связанные с распространением капиталистического уклада, делали неминуемыми такие эксцессы, тормозившие интеграцию Северного Кавказа и империи.

Заключение

На основании проведённого исследования были сделаны следующие выводы:

1. Приоритетной целью Российского государства на Северном Кавказе стало умиротворение местных сообществ, которые далеко не однозначно восприняли новое соседство. Поселения российских колонистов не раз становились объектом набегов отрядов горцев, которые видели в них возможность получения добычи. Отсюда и применение армии в политике империи в регионе. Долгое время она считалась последним аргументом в выстраиваемом диалоге, и к силовым акциям прибегали в том случае, когда иные способы воздействия оказывались тщетными.

Первоначальные планы ограничивались эпизодическими акциями устрашения и наказания за предпринятые враждебные действия. Разорение жилищ «немирных» горцев должно было, согласно замыслам командования, послужить наглядным уроком для них. На практике это лишь приводило к эскалации насилия и не гарантировало долговременного результата.

Начиная с периода, когда на Кавказе действовал генерал А.П. Ермолов, имперская администрация приступает к систематическим шагам по ужесточению блокады территорий, на которых было сосредоточено наименее склонное к компромиссу население. Строятся новые пограничные Линии, которые всё дальше углубляются в неподконтрольные ранее территории. Попытки отказаться от такой пошаговой стратегии не приводят к успеху, а потому командование возвращается к ермоловским методам.

Окончательный перелом связывают с деятельностью М.С. Воронцова и А.И. Барятинского, сумевших выработать оптимальную стратегию покорения Кавказа. Неблагоприятные внешние обстоятельства лишь задержали, но не помешали её реализации. Ставка на силовую политику была обусловлена не нежеланием искать мирный компромисс, а вполне объективными причинами,

связанными как с теми социальными трансформациями, которые переживали горские общества, активно использовавшие набеги для формирования в своей среде новой элиты, так и со стремлением в кратчайшие сроки обрести надёжную южную границу, чтобы противостоять геополитическим вызовам вставшим перед Россией, столкнувшийся с враждебными действиями ряда европейских и азиатских государств.

2. Горские общества не выступили единым фронтом против России. Для многих из них она стала естественным союзником в отстаивании собственных интересов в противостоянии с соседями. Предложенная империей альтернатива явилась приемлемым способом изменить либо сохранить свой социальный статус, занимаясь привычным и престижным воинским делом.

Для других сближение с царской властью казалось святотатством и покушением на традиционные ценности. Они желали и дальше сохранять свой образ жизни, в котором молодечество и воинская удаль позволяли не только поправить материальное положение, но и добиться привилегированного статуса в глазах соотечественников.

Подобные предпочтения не являлись чем-то неизменным. История русско-северокавказских контактов в рассматриваемый период знает немало примеров перехода из одного лагеря в другой. Обласканные командованием горцы переходили в лагерь «немирных» соплеменников. В свою очередь мюриды, клявшиеся в верности делу «священной войны с неверными», готовы были перебежать на сторону русских и весьма активно бороться со вчерашними соратниками. В каждом конкретном случае мотивы могли отличаться, но сам процесс такого выбора происходил непрерывно.

По мере увеличения числа побед российских войск число разочаровавшихся в дальнейшем сопротивлении росло. Горцы готовы были выступать в качестве лазутчиков, проводников, вступать в ряды милиции и с оружием в руках доказывать свою пользу империи, стремясь извлечь максимум выгоды, оказавшись в рядах победителей.

Современники отмечали, что к числу непримиримых противников замирения относилась немалая часть горской молодёжи, которая в боях искала славы и для которой участие в набегах было необходимой составляющей процесса социализации. В свою очередь зрелые мужчины-воины, люди старшего поколения готовы были идти на компромисс, обеспечивая безопасность своим близким и рассчитывая сохранить имеющиеся в их семьях материальные ценности.

3. В процессе вооружённого противостояния обе стороны конфликта старались мобилизовать и максимально эффективно использовать оказавшиеся у них ресурсы. Для этого следовало создать новые властные институты, с помощью которых можно было регламентировать жизнь народов региона, подчинив её потребностям войны. Предлагаемые модели должны были завоевать доверие у людей, привыкших к значительной автономии в своём существовании и опиравшихся на обычаи старины, уже доказавшим свою состоятельность. И Российская империя, и её противники между тем должны были вторгнуться в это правовое пространство и изменить его в соответствии с текущими задачами.

Российская администрация настойчиво пыталась найти компромисс с новыми подданными империи и минимизировать своё воздействие на быт горских обществ. Даже традиционно характеризуемые как сторонники силовых методов борьбы за Кавказ генералы П.Д. Цицианов, А.П. Ермолов при ближайшем рассмотрении не были чужды мирным способам выстраивания диалога с местным населением. Нередко только неблагоприятная внешнеполитическая конъюнктура или отсутствие желания учитывать интересы российской власти со стороны горцев толкали имперские власти на жёсткое подавление их самобытности. Попытка применить на Кавказе гражданские органы управления себя не оправдала, а потому в первой половине XIX в. мы видим сосредоточение власти в руках армейских чинов.

Применяли насилие и представители противоположного лагеря. Имамат, позиционирующий себя как защитник социальной справедливости и использовавший для этого религиозную риторику, также широко применял карательные инструменты для подчинения себе горского традиционного общества. По мере ослабления теократии, её лидеры всё чаще прибегали не к диалогу с подвластными сообществами, а к террору и физическому устранению неугодных.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что практикуемые модели управления не оставались неизменными. По мере неминуемой трансформации образа жизни местных народов менялись и способы взаимодействия с ними властных структур. Военственные парадигмы горского социума постепенно смягчались, что позволяло успешно интегрировать его в имперское правовое поле.

4. Вторая половина XIX в. демонстрировала бурный рост региональной экономики, что в первую очередь объяснялось завершением боевых действий и активным включением местного населения в мирную, созидательную работу. Для горцев открывались самые широкие перспективы, тем более что Российская империя переживала в этот период бурное развитие капитализма, позволявшее в короткие сроки восстановить ослабленное войной хозяйство, включившись в товарное производство.

Значительная часть традиционных занятий успешно адаптировалась к новым вызовам. Речь шла о земледелии и скотоводстве, которые не только удовлетворяли потребности отдельной семьи, но теперь начинали работать на обезличенный рынок. В немалой степени сохранили свою значимость и ремёсла. Даже массовое фабрично-заводское производство не могло полностью вытеснить эти сферы деятельности, которые гибко реагировали на изменявшиеся запросы потребителя. Местные мастера лучше знали вкусы и эстетические предпочтения населения края.

Существенный потенциал роста имела добыча нефти и её переработка, ставшие одним из локомотивов экономического развития края. Потребности

в этом товаре с каждым годом только возрастали. В данной отрасли оказались сосредоточены наиболее технологичные производства, что уже не позволяет оценивать Северный Кавказ как исключительно «сырьевой придаток» империи.

Энергичное дорожное строительство обеспечило ускорение процесса экономической интеграции края с остальными частями страны. Прежде всего, речь идёт о железнодорожном транспорте и той инфраструктуре, которая была с ним связана. Возросла трудовая мобильность населения, успешно использовавшего сезонные работы как внутри региона, так и за его пределами.

Начали возникать различные виды кредитных учреждений и обществ, бурно развивались банки, охотно кредитовавшие перспективные проекты, связанные с местной промышленностью или сельским хозяйством.

Но столь высокие темпы экономической модернизации неминуемо приводили к росту социальной напряжённости, связанной с ускорившимся процессом расслоения общества. Это не могло не отразиться на протестном движении, порой принимавшем характер массовых беспорядков.

5. Привычные для горцев правила регламентации жизни далеко не всегда соответствовали тем принципам, которые принесла на Кавказ Российская империя. Выказывая готовность к компромиссу, царская администрация при этом не собиралась оставлять те патриархальные правовые институты, которые не соответствовали курсу на унификацию образа жизни местных народов с правилами державного правопорядка. Прежде всего, предполагалось сохранить возможность применять насилие за государством, пресечь обычай кровной мести, не допустить дальнейшего распространения набеговой традиции.

Значимую роль в этом сыграло военно-народное управление, которое представляло собой симбиоз из привычных населению правовых практик и контроля за соблюдением законности со стороны военных чинов, назначаемых имперской администрацией. Изымая дела, связанные с

разбоями, грабежами, убийствами и мятежами, власти оставляли разбор бытовых конфликтов самим выборным представителям из числа горцев, тем самым не пытаясь мелочно вмешиваться в их жизненный уклад. Царской администрации удалось привлечь на свою сторону и значительную часть религиозных авторитетов, сохранив за ними право разбирать дела, связанные с духовными спорами. Такой подход обеспечил относительно приемлемые условия для вхождения ещё недавно враждебных империи народов в единое правовое пространство, с каждым годом расширяя число сторонников мирного сосуществования в составе полиэтничного сообщества.

Правительство сочло возможным отказаться от особого статуса кавказских территорий, отменить пост наместника, а вместо этого ввести должность главноначальствующего гражданской частью. Однако эти шаги оказались поспешными и не соответствовали реальным потребностям властей в условиях кавказской действительности. Было нарушено сочетание централизованного управления с многочисленными моделями управления децентрализованного, обеспечивавшего известную гибкость и необходимую эффективность. Постепенно приходилось возвращать местной администрации права и возможности, которые имелись у их предшественников.

6. Новации, привнесённые Российской империей, крайне болезненно воспринимались частью горского населения, которые видели в них покушение на привычное мироустройство. Этому способствовало и то, что далеко не все смогли улучшить своё благосостояния в условиях капиталистической модернизации региона. Это привело к радикализации социального протестного движения в крае, нередко принимавшего форму вооружённого противостояния как с царской администрацией, так и с иноэтничными и иноконфессиональными соседями. Религия нередко становилась маркером «свой – чужой» и являлась основой для идеологии оппозиции, не признававшей происходящие социокультурные, экономические и политические процессы и не желавшей мириться с ними.

Примером такого противостояния стала деятельность чеченского проповедника Кунта-Хаджи Кишиева, чьи мистически-религиозные взгляды были интерпретированы последователями как призыв к новому джихаду.

Наиболее массовые выступления произошли на Северо-Восточном Кавказе в 1877–1878 гг., когда во время войны с Османской империей часть горцев, рассчитывая на помощь султана, попыталась свергнуть царскую власть и расправиться с её сторонниками. Примечательно, что против этого выступили не только российские войска, но и отряды из числа местных жителей, далеко не всегда разделявшие идеи своих непримиримых земляков.

В дальнейшем такие массовые протесты не повторялись, и крайние формы недовольства вылились в практику абречества. Как правило, это были одиночки, либо небольшие группы маргиналов, которые в силу разных жизненных обстоятельств не рассчитывали примириться с властью. Абреческое движение не могло остановить процесс интеграции народов Северного Кавказа с «Большой Россией», но создавало проблемы для местных властей, действия которых по искоренению данного явления нередко приводили к неоправданно суровым мерам по отношению к тем горским обществам, которые давали абрекам приют и оказывали различную поддержку.

Список источников и литературы

ИСТОЧНИКИ

1. Неопубликованные материалы:

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА)

1. Ф. 400 – Главный штаб (1866 – 1919 гг.). Оп.1. Д. 172; Д. 950. – Текст: непосредственный.
2. Ф. 414 – Военно-статистические, географические, топографические описания России по областям, краям, губерниям, уездам и наместничествам (1735-1914). Оп. 1. Д.305. – Текст: непосредственный.
3. Ф. 644 – Военная канцелярия при военном губернаторе Терской области (1787 – 1916 гг.). Оп. 1. Д. 54. – Текст: непосредственный.
4. Ф. 846 – Военно-учёный архив (1803 – 1892 гг.). Оп. 16. Д.6164. Ч. 55; Д. 6186. Ч. 2; Д.6245. – Текст: непосредственный.
5. Ф.1300 – Штаб Кавказского военного округа на театре военных действий (1819 – 1928 гг.). Оп. 7. Д.3. – Текст: непосредственный.
6. Ф. 13454 – Штаб войск в Кавказской линии и Черномории расположенных (1771 – 1916 гг.). Оп. 2. Д. 74. – Текст: непосредственный.
7. Ф. 14719 – Кавказской армия (1805 – 1902 гг.). Оп. 3. Д. 8. – Текст: непосредственный.

Российский государственный исторический архив (РГИА)

8. Ф. 268 – Департамент железнодорожных дел Министерства финансов (1860 – 1919 гг.). Оп. 2. Д. 19. – Текст: непосредственный.
9. Ф. 1268 – Кавказский комитет (1833–1882 гг.). Оп. 1. Д. 951. – Текст: непосредственный.

10. Ф. 1407 – Благотворительное общество чинов судебного ведомства (1894–1917 гг.). Оп. 3. Д. 7943. – Текст: непосредственный.

Государственный архив Краснодарского края (ГАКК)

11. Ф. 249 - Канцелярия наказного (войскового) атамана Черноморского казачьего войска (1776–1898 гг.). Оп. 1. Д. 417; Д.446; Д. 462. – Текст: непосредственный.

Государственный архив Ставропольского края (ГАСК)

12. Ф. 55 – Канцелярия гражданского губернатора Кавказской губернии. Оп. 1. Д. 214. – Текст: непосредственный.

13. Ф. 128 – Кавказское губернское правление. Оп. 1. Д. 1121. – Текст: непосредственный.

Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания (ЦГА РСО-А).

14. Ф. 55 - Походный штаб командующего войсками Терской области (1877–1879 гг.). Оп. 1. Д. 35; Д. 55; Д. 164– Текст: непосредственный.

15. Ф. 256 – Комиссия по правам личным и поземельным городского населения Терской области (1861–1877 гг.). Оп. 1. Д. 33. – Текст: непосредственный.

2. Опубликованные:

16. Абрамов Я. В. Кавказские горцы. (Из летних экскурсий) / Я.В. Абрамов // Дело. – 1884. – № 1. – С. 63-104. – Текст: непосредственный.

17. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. / Под ред. А.П. Берже. – Тифлис, 1866. – Т. I. – 816 с. – Текст: непосредственный.

18. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. / Под ред. А.П. Берже. – Тифлис, 1868. – Т. II. – 1238 с. – Текст: непосредственный.

19. Акты, собранные Кавказскою Археографическою комиссиею. / Под ред. А.П. Берже. – Тифлис, 1869. - Т. III. – 760 с. – Текст: непосредственный.

20. Акты, собранные Кавказскою Археографическою комиссиею. / Под ред. А.П. Берже. – Тифлис, 1870. – Т.IV. – 1113 с. – Текст: непосредственный.

21. Акты, собранные Кавказскою Археографическою комиссиею. / Под ред. А.П. Берже. – Тифлис, 1873. – Т.V. – 1170 с. – Текст: непосредственный.

22. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. / Под ред. А.П. Берже. – Тифлис, 1874. – Т.VI. – Ч.I. – 941 с. – Текст: непосредственный.

23. Акты, собранные Кавказскою Археографическою комиссиею. / Под ред. А.П. Берже. – Тифлис, 1875. – Т.VI. – Ч.2. – 950 с. – Текст: непосредственный.

24. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. / Под ред. А.П. Берже. – Тифлис, 1881. – Т.VIII. – 1009 с. – Текст: непосредственный.

25. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. / Под ред. А.П. Берже. – Тифлис, 1885. – Т.X. – 936 с. – Текст: непосредственный.

26. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией – Тифлис, 1904. – Т.XII. – 1552 с. – Текст: непосредственный.

27. Белозерская, Н.А. Записки Ван-Галена / Н.А. Белозерская // Исторический вестник. – 1884. – Т. XVI. – Июнь. – С. 651–678. – Текст: непосредственный.

28. Бестужев-Марлинский, А.А. Сочинения в двух томах / А.А. Бестужев-Марлинский. Т.2. Повести; Рассказы; Очерки; Стихотворения; Статьи; Письма. / Сост., подгот. Текста; коммент. В.И. Кулешова. – Москва: Художественная литература, 1981. – 591 с. – Текст: непосредственный.

29. Бюрно, К.И. Кавказская оборонительная Линия / К.И. Бюрно // Кавказский сборник. – Тифлис, 1883. – Т.VII. – С. 50–57. – Текст: непосредственный.

30. Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX – середина XX в.) / авт. коллектив. – Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. – 1094 с. – Текст: непосредственный.

31. Вельяминов, А.А. Способ ускорить покорение горцев (Мемория генерал-лейтенанта Вельяминова, представленная в 1828-м году) / А.А. Вельяминов // Кавказский сборник. – Тифлис, 1883. – Т.VII. – С.10-77. – Текст: непосредственный.

32. Вельяминов, А.А. Замечания на меморию подполковника Бюрно / А.А. Вельяминов // Кавказский сборник. – Тифлис, 1883. – Т.VII. – С. 58–66. – Текст: непосредственный.

33. Вельяминов, А.А. Замечания на письмо главнокомандующего армиею к военному министру от 27 июля 1832 года № 67 / А.А. Вельяминов // Кавказский сборник. – Тифлис, 1883. – Т.VII. – С.78-144. – Текст: непосредственный.

34. Восстание дагестанцев и чеченцев в послешамилевскую эпоху и имамат 1877 года (материалы) / Сост.Т.М. Айтберов, Ю.У. Дадаев, Х.А. Омаров. – Махачкала, 2001. – Кн. I. – 280 с. – Текст: непосредственный.

35. Всеподданнейший отчет Главнокомандующего Кавказской армией по Военно-народному управлению за 1863–1869 гг. – Санкт-Петербург, 1870. – II, 120 с. – Текст: непосредственный.

36. Высочайшее повеление. О привлечении к отбыванию воинской повинности населения Закавказья и инородцев Терской и Кубанской областей. – Тифлис, 1886. – 5 с. – Текст: непосредственный.

37. Даргинская трагедия. 1845 год. Серия: «Воспоминания участников Кавказской войны XIX века. Составление текстов Г.Г. Лисицыной. Комментарии, указатели Б.П. Миловидова. – Санкт-Петербург: Издательство журнала «Звезда», 2001. – 616 с. – Текст: непосредственный.

38. Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50 гг. XIX века. Сборник документов. – Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1959. – 785 с. – Текст: непосредственный.

39. Документальная история образования многонационального государства Российского. В четырёх книгах. Книга первая. Россия и Северный Кавказ в XVI-XIX веках. Под общей ред. доктора юридических наук Г.Л. Бондаревского и кандидата юридических наук Г.Н. Колбая. – Москва: Изд-во НОРМА, 1998. – 672 с. – Текст: непосредственный.

40. Донесения и письма А.П. Ермолова: имп. Александру I, гр. Аракчееву, кн. Волконскому, Паскевичу и др. Сообщ. М.Н. Похвиснов // Русская старина. – 1872 . – Ноябрь. – С. 493–546. – Текст: непосредственный.

41. Записки А.П. Ермолова 1798-1826 / Сост., подготовка текста, вступ. ст., коммент. В.А. Федорова. – Москва: Высшая школа, 1991. – 463 с. – Текст: непосредственный.

42. Записки Василия Антоновича Инсарского // Русская старина. – 1897. – № 12. – С. 631–648. – Текст: непосредственный.

43. Зиссерман А.Л. Кавказские воспоминания / А.Л. Зиссерман // Русский архив. – 1885. – № 1. - С. 67–102. – Текст: непосредственный.

44. Известия из Терской области // Военный сборник. – 1862. – №1. – С. 30-31. – Текст: непосредственный.

45. Из записок барона (в последствии графа) М.А. Корфа // Русская старина. – 1900. – Т. 101. – С. 25–56. – Текст: непосредственный.

46. Кавказ. – 1898. – № 109. – 27 апреля 1898. – Текст: непосредственный.

47. Кавказские письма А.П. Ермолова М.С. Воронцову / Предисловие Я. Гордина. Комментарии, указатель Б.П. Миловидова. – Санкт-Петербург: ЗАО «Журнал «Звезда», 2011. – 376 с. – Текст: непосредственный.

48. Кавказское краевое военно-народное управление. Всеподданнейший отчет Главнокомандующего Кавказской армией по

Военно-народному управлению за 1863-1869 гг. – СПб.: Воен. тип., 1870. – 120 с. – Текст: непосредственный.

49. Лермонтов, М.Ю. Сочинения в двух томах / М.Ю. Лермонтов. Том первый. / Сост. и комм. И.С. Чистовой; Вступ. ст. И.Л. Андроникова. – Москва: Правда, 1988. – 720 с. – Текст: непосредственный.

50. Макаров, Т. Шамиль – гражданский и военный правитель (Очерк из описания военного крыла) / Т. Макаров // Кавказ. – 1859. – № 94. – С. 325-326. – Текст: непосредственный.

51. Материалы по пересмотру хлебных тарифов Российских железных дорог на 1893 г. – Санкт-Петербург, 1894. – Выпуск 3. – 45 с. – Текст: непосредственный.

52. Медокс, Р.М. Моё предприятие составить кавказско-горское ополчение в 1812 году / Р.М. Медокс // Русская старина. – 1879. – Т. XXVI. – № 12. – С. 709–713. – Текст: непосредственный.

53. Между централизмом и регионализмом: административные преобразования на Центральном Кавказе в 70-х гг. XIX – начале XX в.: сборник документов / Сост., вступ. ст., коммент Е.И. Кобахидзе. – Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2014. – 225 с. – Текст: непосредственный.

54. Милютин, Д.А. Воспоминания. 1860-1862. / Д.А. Милютин. – Москва: «Редакция альманаха «Российский Архив», 1999. – 559 с. – Текст: непосредственный.

55. Милютин, Д.А. Воспоминания. 1863-1864 / Д.А. Милютин / Под ред. Л.Г. Захаровой. – Москва: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003. – 688 с. – Текст: непосредственный.

56. Мнение адмирала Мордвинова о способах, коими России удобно можно привязать к себе постепенно кавказских жителей // Чтение в императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете. – Москва, 1858. – Октябрь – декабрь. – Книга четвёртая. – С. 109–112. – Текст: непосредственный.

57. Москвич, Г. Владикавказская железная дорога. Краткий иллюстрированный практический путеводитель / Г. Москвич. – Петроград, 1915. – 128 с. – Текст: непосредственный.

58. Обзоры о состоянии Дагестанской области за 1892 год. – Темир-Хан-Шура, 1893. – 126 с. – Текст: непосредственный.

59. Общее обозрение Московской политехнической выставки императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. – Москва, 1872. – 58, XVI с. – Текст: непосредственный.

60. Ольшевский, М.Я. Кавказ с 1841 по 1866 год / М.Я. Ольшевский. Серия: «Воспоминания участников Кавказской войны XIX века». – Санкт-Петербург: Издательство журнала «Звезда», 2003. – 608 с. – Текст: непосредственный.

61. Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах: Научно-популярный сборник. / Сост. Чибиров Л.А. – Цхинвали: Ирыстон, 1982. – Книга 2. – 372 с. – Текст: непосредственный.

62. Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах: Научно-популярный сборник. / Сост. Чибиров Л.А. – Цхинвали: Ирыстон, 1989. – Книга 4. – 416 с. – Текст: непосредственный.

63. Письма Алексея Петровича Ермолова к Арсению Андреевичу (впоследствии графу) Закревскому // Сборник императорского русского исторического общества. – Санкт-Петербург, 1890. – Т.73. – 616 с. – Текст: непосредственный.

64. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. – Санкт-Петербург, 1830. – Т. XXII. С 1784 по 1788. – 1168, 12 с. – Текст: непосредственный.

65. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. 1802 – 1803. – Санкт-Петербург, 1830. – Т. XXVII. – 1196 с. – Текст: непосредственный.

66. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. – Санкт-Петербург, 1830. – Т. II. 1827. – 1561 с. – Текст: непосредственный.
67. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. – Санкт-Петербург, 1857. – Т. XXXI. Отделение первое. 1856. – 1111 с. – Текст: непосредственный.
68. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. – Санкт-Петербург, 1858. – Т. XXXII. Отделение первое. 1857. – 1066 с. – Текст: непосредственный.
69. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе (1830-1881). Отделение I. – Санкт-Петербург, 1853. – Т. XXVII. – 801 с. – Текст: непосредственный.
70. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. – Санкт-Петербург, 1860. Т. XXXIII. Отделение второе. 1858. – 595 с. – Текст: непосредственный.
71. Полное собрание законов Российской империи. – Собрание второе. Отделение I. – Санкт-Петербург, 1862. – Т. XXXV. – 962 с. – Текст: непосредственный.
72. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. – Санкт-Петербург, 1865. – Т. XXXVII. – 833 с. – Текст: непосредственный.
73. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. – Санкт-Петербург, 1886. Т. III. – 998 с. – Текст: непосредственный.
74. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. – Санкт-Петербург, 1887. – Т. IV. – 1257 с. – Текст: непосредственный.
75. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. – Санкт-Петербург, 1889. – Т. VII. – 1158 с. – Текст: непосредственный.
76. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. – Санкт-Петербург, 1895. – Т. XII. – 1385 с. – Текст: непосредственный.
77. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. – Санкт-Петербург, 1900. – Т. XVII. – 1571 с. – Текст: непосредственный.

78. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. – Санкт-Петербург, 1902. – Т. XIX. – 1347 с. – Текст: непосредственный.
79. Портовые устройства Общества Владикавказской железной дороги и обзор коммерческой деятельности в Новороссийске на 1-е января 1896 г. – Санкт-Петербург, 1896. – 39 с. – Текст: непосредственный.
80. Проект положения об устройстве аульных обществ Кубанской области // Памятная книжка Кубанской области на 1874 год. – Екатеринодар, 1873. – С. 104–172. – Текст: непосредственный.
81. Прокламация чеченскому народу Главнокомандующего Кавказской армией, Наместника кавказского, генерал-фельдмаршала князя А.И. Барятинского // Родина. – 2000. – № 1–2. [Электронная версия]. URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1840-1860/Varjatinskij_A_I/proklamac_sesen_1860.htm (дата обращения: 02.02.2024 г.).
82. Руновский, А. Кодекс Шамиля / А. Руновский. – Санкт-Петербург, 1862. – 54 с. – Текст: непосредственный.
83. Руновский, А. Записки о Шамиле / А. Руновский. – Москва: Внешторгиздат, 1989. – 176 с.
84. Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX вв.: сборник документов. – Москва: Наука, 1988. – 357 с. – Текст: непосредственный.
85. Сборник сведений о Терской области. Владикавказ / Изд. Терск. обл. стат. ком. под ред. и д. секр. ком. Н. Благовещенского. – Владикавказ, 1878. – Вып. 1. – Текст: непосредственный.
86. Статистические таблицы населенных мест Терской области. / Под ред. Е. Максимова. – Владикавказ, 1890. – Т. 1. – Вып. 1. – 216 с. – Текст: непосредственный.
87. Терский календарь на 1892 г. – Владикавказ, 1891. – Вып. 2. – Кн. 2. – 466 с. – Текст: непосредственный.

88. Терский календарь на 1895 год. / Под ред. Г.А. Вертепова. – Владикавказ, 1894. – Вып. 4. – 355 с. – Текст: непосредственный.
89. Терский календарь на 1902 г. / Под ред. Г.А. Вертепова. – Владикавказ, 1901. – 213 с. – Текст: непосредственный.
90. Торнау, Ф. Ф. Воспоминания кавказского офицера / Ф.Ф. Торнау. – Майкоп: Полиграфиздат «Адыгея», 2008. – 328 с. – Текст: непосредственный.
91. Тучков, С. А. Записки Сергея Алексеевича Тучкова, 1766–1808 / С.А. Тучков / Под редакцией и с вступительной статьёй К.А. Военского. – Санкт-Петербург: Типо-литография Т-ва «Свет», 1908. – 383 с. – Текст: непосредственный.
92. Учреждение управления Кавказского и Закавказского края. – Тифлис, 1869. – 60 с. – Текст: непосредственный.
93. Хан-Гирей. Записки о Черкесии. – Нальчик: Книжное изд-во «Эльбрус», 1978. – 335 с. – Текст: непосредственный.
94. Хетагуров, К. Полное собрание сочинений в 5-ти томах / К. Хетагуров. / Составление, подготовка текста, комментарии и указатели З.Н. Суменовой. – Владикавказ, 2000. – Т. 4. – 506 с. – Текст: непосредственный.
95. Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи о дагестанских войнах в период Шамиля / Перевод с арабского А.М. Барабанова, предисловие И.Ю. Крачковского. – Москва, Ленинград: Изд-во АН СССР, 1941. – 336 с. – Текст: непосредственный.

Литература на русском языке:

96. Абдулаева, М.И. Внутриполитическая ситуация в Дагестане в 70-90-е гг. XIX в. и миграционные процессы / М.И. Абдулаева. – Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2006. – 196 с. – Текст: непосредственный.
97. Алов, А.А. Производство плугов в слободе Беловодске / А.А. Алов // Отчёты и исследования по кустарной промышленности в

России. – Санкт-Петербург, 1898. – Т. V. – С. 471–488. – Текст: непосредственный.

98. Ахмадов, Ш.Б. Взаимовлияние производственного опыта русских переселенцев и местных народов Терской области в XIX – начале XX в. / Ш.Б. Ахмадов // Прогрессивное влияние России на социально-экономическое и политическое развитие народов Чечено-Ингушетии (дореволюционный период). – Грозный: Чечено-Ингушское изд.-полигр. объединение «Книга», 1989. – С. 26–40. – Текст: непосредственный.

99. Баддели, Д. Завоевание Кавказа русскими. 1720-1860 / Д. Баддели / Пер. с англ. Л.А. Калашниковой. – Москва: ЗАО Центрполиграф, 2007. – 351 с. – Текст: непосредственный.

100. Безугольный, А.Ю. Народы Кавказа и Красная Армия. 1918–1945 годы / А.Ю. Безугольный. – Москва: Вече, 2007. – 512 с. – Текст: непосредственный.

101. Бейтуганов, С.Н. Кабарда и Ермолов: Очерки истории / С.Н. Бейтуганов. – Нальчик: Эльбрус, 1993. – 304 с. – Текст: непосредственный.

102. Бижев, А.Х. Заселение Кубанской области русскими и развитие русско-адыгских торговых связей (конец XVIII – первая половина XIX вв.) / А.Х. Бижев // Вопросы истории и историографии Северного Кавказа (дореволюционный период). – Нальчик, 1989. – С. 100–112. – Текст: непосредственный.

103. Блиев, М.М. Русско-осетинские отношения (40-е гг. XVIII – 30-е гг. XIX в.) / М.М. Блиев. – Орджоникидзе: Издательство «Ир», 1970. – 380 с. – Текст: непосредственный.

104. Блиев, М. М. Кавказская война / М.М. Блиев, В.В. Дегоев. – Москва: Росет, 1994. – 592 с. – Текст: непосредственный.

105. Блиев, М. М. Россия и горцы Большого Кавказа на пути к цивилизации / М.М. Блиев. – Москва: Мысль, 2004. – 877 с. – Текст: непосредственный.

106. Блиева, З.М. Некоторые черты административного развития Северного Кавказа в 20-х гг. XIX в. / З.М. Блиева // Россия и Северный Кавказ (проблема историко-культурного единства). – Грозный, 1990. – С. 72-81. – Текст: непосредственный.

107. Блиева, З.М. Система управления на Северном Кавказе в конце XVIII – первой трети XIX в. / З.М. Блиева. – Владикавказ: Изд-во СОГУ, 1992. – 107 с. – Текст: непосредственный.

108. Бобровников, В.О. Военно-народное управление в Дагестане и Чечне: история и современность / В.О. Бобровников // «Россия и Кавказ – сквозь два столетия». Исторические чтения. – Санкт-Петербург: АОЗТ Журнал «Звезда», 2001. – С. 91–107. – Текст: непосредственный.

109. Богуславский, Л.А. История Апшеронского полка 1700-1892 / Л.А. Богуславский. – Санкт-Петербург, 1892. – Том. II. – 552, XV с. – Текст: непосредственный.

110. Ботяков, Ю. М. Абреки на Кавказе: Социокультурный аспект явления / Ю.М. Ботяков. – Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение, 2004. – 205 с. – Текст: непосредственный.

111. Васильев, Е. Черноморская береговая линия 1834 – 1855 гг. / Е. Васильев // Военный сборник. – 1874. – № 98. – С. 5–26. – Текст: непосредственный.

112. Вертепов, Г. А. Очерки кустарных промыслов в Терской области / Г.А. Вертепов // Терский сборник. – Владикавказ, 1897. – Вып. 4. – 126 с. – Текст: непосредственный.

113. Виноградов, Б.В. Кавказский след в войне 1812 г.: авантюра Р. Медокса в контексте специфики российско-кабардинских отношений конца XVIII – начала XIX в. / Б.В. Виноградов // Вопросы северокавказской истории. – Армавир, 2004. – Вып. 9. – С. 69–70. – Текст: непосредственный.

114. Волконский, Н. А. Война на Восточном Кавказе 1824 по 1834 гг. / Н.А. Волконский // Кавказский сборник. – Тифлис, 1887. – Т. XX. [Электронная версия]. URL:

<https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1820->

1840/Volkonskij_N_A/text20.htm?ysclid=lizuxc5ls6351083767 (дата обращения: 25.03.2022).

115. Вышинский. Военно-географическое и статистическое описание Кавказского Военного Округа / Вышинский. – Тифлис, 1906. – 366 с. – Текст: непосредственный.

116. Гаджиев, Б.И. Шамиль от Гимр до Медины / Б.И. Гаджиев. – Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1992. – 176 с. – Текст: непосредственный.

117. Гапуров, Ш. Кавказская политика России в период наместничества П. Д. Цицианова (1802—1806 гг.) / Ш. Гапуров. [Электронная версия]. URL: <https://kvkz.ru/history/3422-kavkazskaya-politika-rossii-v-period-namestnichestva-p-d-cicianova-1802-1806-gg.html> (дата обращения: 10.01.2022).

118. Гасанов, М.М. Дагестан в составе России (вторая половина XIX века) / М.М. Гасанов. – Махачкала: б.и., 1999. – 357 с. – Текст: непосредственный.

119. Гатагова, Л.С. Северный Кавказ в эпоху поздней империи: природа насилия. 1860-1917 / Л.С. Гатагова. – Москва: Новый хронограф, 2016. – 448 с. – Текст: непосредственный.

120. Гатагова Л.С. «Перед толпою соплеменных гор»: проблемные вопросы истории политики России на Кавказе (XVIII – XIX вв.) / Л.С. Гатагова, В.В. Трепавлов. – Москва: Институт российской истории РАН: Центр гуманитарных инициатив, 2019. – 280 с. – Текст: непосредственный.

121. Гершальман, Ф. Причины неурядиц на Кавказе / Ф. Гершальман. – Санкт-Петербург, 1908. – 80 с. – Текст: непосредственный.

122. Глашева, З.Ж. Из истории реформирования системы местного самоуправления горских народов (вторая половина XIX – начало XX вв.) / З.Ж. Глашева // Исторический бюллетень 2019. – Т. 2. – № 4. – С. 12 – 20. – Текст: непосредственный.

123. Голицын, Н.Б. Жизнеописание генерала от кавалерии Емануеля / Н.Б. Голицын. – Санкт-Петербург, 1851. – 196 с. – Текст: непосредственный.

124. Гордин, Я.А. Кавказ: земля и кровь / Я.А. Гордин. – Санкт-Петербург: Журнал «Звезда», 2000. – 464 с. – Текст: непосредственный.

125. Горчханова, Г.А. К состоянию кустарных промыслов и обрабатывающей промышленности в пореформенной Чечено-Ингушетии / Г.А. Горчханова // Вопросы политического и экономического развития Чечено-Ингушетии (XVIII- начало XX века). – Грозный: б.и., 1986. – С. 77–86. – Текст: непосредственный.

126. Грабовский, Н.Ф. Присоединение Кабарды к России и ее борьба за независимость / Н.Ф. Грабовский // Сборник сведений о Кавказских горах. – Тифлис, 1876. – Вып. IX. – С. 112–212. – Текст: непосредственный.

127. Гранкин, Ю.Ю. Торгово-экономические связи России с народами Западного и Центрального Кавказа (конец XVIII – первая половина XIX вв.) / Ю.Ю. Гранкин. – Пятигорск: изд-во ПГЛУ, 2002. – 215 с. – Текст: непосредственный.

128. Гранкин, Ю.Ю. Наместничество и реализация стратегии экономического развития Северного Кавказа в 1844-1881 гг. / Ю.Ю. Гранкин – Пятигорск: ПГЛУ, 2011. – 403 с. – Текст: непосредственный.

129. Гранкин, Ю.Ю. Управленческие практики на Северном Кавказе: от соперничества к симбиозу / Ю.Ю. Гранкин. – Пятигорск: ПГЛУ, 2020. – 156 с. – Текст: непосредственный.

130. Григорян, М. Р. Проекты российской администрации по «умиротворению» Кавказа в первой половине XIX в. / М.Р. Григорян // Гуманитарные и юридические исследования. – 2022. – Т. 9 (4). – С. 549–553. – Текст: непосредственный.

131. Григорян, М.Р. Промышленный потенциал Северного Кавказа во второй половине XIX века / М.Р. Григорян // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2022. – № 3. – С. 88–93. – Текст: непосредственный.

132. Гриценко, Н. П. Социально-экономическое развитие Притеречных районов в XVIII – первой половине XIX в. / Н.П. Гриценко. – Грозный: б.и., 1961. – 196 с. – Текст: непосредственный.

133. Гриценко, Н.П. Экономическое развитие Чечено-Ингушетии в пореформенный период (1861-1900) / Н.П. Гриценко. – Грозный: б.и., 1963. – 199 с. – Текст: непосредственный.

134. Данилов, А.В. История становления и развития транспортной системы Кавказских Минеральных Вод в конце XVIII – первой четверти XX века / А.В. Данилов. – Пятигорск: Рекламно-информационное агентство на КМВ, 2015. – 232 с. – Текст: непосредственный.

135. Дебу, И. О Кавказской линии и присоединённом к ней Черноморском войске, или общие замечания о поселённых полках, ограждающих Кавказскую линию, и о соседственных горских народах. С 1816 по 1826 год / И. Дебу. – СПб., 1829. – 464 с. – Текст: непосредственный.

136. Дегоев, В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. Статьи, очерки, эссе. – Москва: Русская панорама, 2001. – 510 с. – Текст: непосредственный.

137. Дегоев, В.В. Кавказ в составе России: формирование имперской идентичности (первая половина XIX века) / В.В. Дегоев // Кавказский сборник. – Москва: НП ИД «Русская панорама», 2004. – Т.1 (33) / Под редакцией Н.Ю. Силаева. – С. 28–47. – Текст: непосредственный.

138. Дегоев, В.В. Кавказ и великие державы 1829-1864 гг. Политика, война, дипломатия / В.В. Дегоев. – Москва: Издательский дом «Рубежи XXI», 2009. – 560 с. – Текст: непосредственный.

139. Денисова, Г.С. Русские на Северном Кавказе: анализ трансформации социокультурного статуса / Г.С. Денисова, В.П. Уланов. – Ростов-на-Дону, 2003. – 352 с. – Текст: непосредственный.

140. Деятельность Государственного Совета за время царствования государя императора Александра Александровича. 1 марта 1881. 20 октября 1894 г. – Санкт-Петербург, 1900. – 161 с. – Текст: непосредственный.

141. Джахиев, Г.А. Дагестан в международных отношениях на Кавказе (1813-1829 гг.) / Г. А. Джахиев. – Махачкала, 1991. – 76 с. – Текст: непосредственный. – Текст: непосредственный.

142. Джимов, Б. М. Социально-экономическое положение и классовая борьба трудящихся Адыгеи в пореформенное время (1869-1900 гг.) / Б.М. Джимов // Ученые записки Адыгейского научно-исследовательского института экономики, языка, литературы и истории: История и этнография. – Майкоп: б.и., 1974. – Т. 17. – С. 179-345. – Текст: непосредственный.

143. Дубровин, Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. – Санкт-Петербург, 1887. – Т. V. – 550 с. – Текст: непосредственный.

144. Дубровин, Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Ртищев и Ермолов / Н.Ф. Дубровин. – Санкт-Петербург, 1888. – Т. VI. – VIII, 495 с. – Текст: непосредственный.

145. Ибрагимова, З.Х. Чеченская история. Политика, экономика, культура. Вторая половина XIX века / З.Х. Ибрагимова. – Москва: «Евразия+», 2002. – 447 с. – Текст: непосредственный.

146. Ибрагимова, З.Х. Чеченские кустарные промыслы / З.Х. Ибрагимова // Чеченская Республика и чеченцы. История и современность. – Москва, 2006. – С. 234–243. – Текст: непосредственный.

147. Ибрагимова, З.Х. Мир чеченцев. XIX век / З.Х. Ибрагимова. – Москва: «Пробел-2000», 2007. – 1024 с. – Текст: непосредственный.

148. Иваненко, В. Разлад между уголовным законом и народным обычаем на Кавказе и его влияние на преступность / В. Иваненко // Русская мысль. – 1904. – № 5. – С. 205–224. – Текст: непосредственный.

149. Иваненко, Н.С. Горные чеченцы: Культурно-экономические исследования Чеченского района Нагорной полосы Терской области /

Н.С. Иваненко // Терский сборник. – Владикавказ, 1910. – Вып.7. – 232 с. – Текст: непосредственный.

150. Ингуши. / Отв. ред. М. С.-Г. Албогачиева, А.М. Мартазанова, Л.Т. Соловьёва. – Москва: Наука, 2013. – 509 с. – Текст: непосредственный.

151. Ионисиани, А.З. Кавказ во внешней политике России в начале XIX в. / А.З. Ионисиани // Ученые записки МГПИ. – 1946. – Т. XXXVII. – С. 159–176. – Текст: непосредственный.

152. Ипполитов, А. П. Учение «зикр» и его последователи в Чечне и Аргунском округе / А.П. Ипполитов // Сборник сведений о кавказских горах. – Тифлис, 1869. – Т. 2. – С. 1–17. – Текст: непосредственный.

153. Иразова, М. А. Причины и начальный этап восстания в Чечне в 1877 г. / М.А. Иразова // Чеченцы в сообществе народов России: Материалы всероссийской научно-практической конференции, посвященной 420-летию установления добрососедских отношений между народами России и Чечни (г. Грозный, 18-20 декабря 2008 г.). Т. I. – Нальчик: Пилигрим, 2008. – С. 375–379. – Текст: непосредственный.

154. Исторический очерк развития железных дорог в России с их основания по 1897 г. включительно. – Санкт-Петербург, 1899. – Вып. 2. – С. 177-592, 59 с. – Текст: непосредственный.

155. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). / Отв. Ред. А.Л. Нарочницкий. – Москва: Наука, 1988. – 659 с. – Текст: непосредственный.

156. История Чечни с древнейших времен до наших дней: В 2 т. Т. I: История Чечни с древнейших времен до конца XIX века. – Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2008. – 832 с. – Текст: непосредственный.

157. Кабузан, В.М. Население Северного Кавказа в XIX – XX веках. Этностатистическое исследование / В.М. Кабузан. – СПб.: Издательство «Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ», 1996. – 224 с. – Текст: непосредственный.

158. Казначеев, А. В. Развитие северокавказской окраины России (1864-1904 гг.) / А.В. Казначеев. – Пятигорск: «Технологический университет», 2005. – 409 с. – Текст: непосредственный.
159. Калоев, Б.А. Земледелие народов Северного Кавказа / Б.А. Калоев. – Москва: Наука, 1981. – 248 с. – Текст: непосредственный.
160. Керсновский, А.А. История русской армии: В 4-х томах / А.А. Керсновский. – Москва: Голос, 1999. – Т.2. – 336 с. – Текст: непосредственный.
161. Киняпина, Н.С. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России (вторая половина XVIII – 80-е годы XIX в.). – Москва: Изд-во Московского ун-та, 1984 / Н.С. Киняпина, М.М. Блиев, В.В. Дегоев. – 328 с. – Текст: непосредственный.
162. Кислинский, Н.А. Наша железнодорожная политика. По документам архива Комитета Министров / Н.А. Кислинский. / Под ред. А.Н. Куломзина. – Санкт-Петербург, 1902. – Т. 2. – 324 с. – Текст: непосредственный.
163. Климан-фон, Ф. Война на восточном Кавказе с 1824 по 1834 г. в связи с мюридизмом / Ф. Климан-фон // Кавказский сборник. – Тифлис, 1894. – Т. XV. – С. 506–576. – Текст: непосредственный.
164. Клычников, Ю.Ю. Деятельность А.П. Ермолова на Северном Кавказе (1816-1827) / Ю.Ю. Клычников. / Под редакцией и с послесловием В.Б. Виноградова. Ессентуки, 1999. – 135 с. – Текст: непосредственный.
165. Клычников, Ю.Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827-1840 гг.) / Ю.Ю. Клычников. – Пятигорск: ПГЛУ, 2002. – 494 с. – Текст: непосредственный.
166. Клычников Ю.Ю. «Так буйную вольность законы теснят...»: борьба российской государственности с хищничеством на Северном Кавказе (исторические очерки) / Ю.Ю. Клычников, А.А. Цыбулькинова. / Под ред. и с предисловием В.В. Виноградова. – Пятигорск: Рекламно-информационное агентство на Кавминводах, 2011. – 256 с. – Текст: непосредственный.

167. Клычников, Ю.Ю. Северный Кавказ: старые проблемы в новом измерении (Историко-политические очерки) / Ю.Ю. Клычников. / Под ред. и с предисловием проф. С.Л. Дударева. – Пятигорск: ПГЛУ, 2016. – 99 с. – Текст: непосредственный.

168. Клычников, Ю.Ю. Солдат империи Николай Иванович Евдокимов / Ю.Ю. Клычников. – Пятигорск: ПГУ, 2019. – 277 с. – Текст: непосредственный.

169. Лапин, В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII–XIX вв. / В.В. Лапин. – Санкт-Петербург: Издательство «Европейский дом», 2008. – 400 с. – Текст: непосредственный.

170. Клычников, Ю.Ю. «Многолетний, всегда беспорочной и отлично усердной службе его...»: Алексей Федорович Ребров в памяти потомков / Ю.Ю. Клычников // Ребров А.Ф. Научно-практическое наследие: Материалы для биографии А.Ф. Реброва. Вып. 2 / сост. И.А. Лачинов. – Кисловодск: Северокавказское издательство «МИЛ», 2021. – С.5–42. – Текст: непосредственный.

171. Клычников, Ю.Ю. Северокавказский узел: особенности конфликтного потенциала (исторические очерки) / Ю.Ю. Клычников, С.И. Линец. / Под ред. В.Б.Виноградова. – Пятигорск: РИА-КМВ, 2006. – 211 с. – Текст: непосредственный.

172. Кобахидзе, Е.И. От «военно-народного» управления к «гражданскому»: административная политика России на Центральном Кавказе в конце 50-х – начале 70-х гг. XIX в. / Е.И. Кобахидзе // Известия СОИГСИ. – 2009. – № 3 (42). – С. 107–128. – Текст: непосредственный.

173. Ковалевский, П.И. Восстание Чечни и Дагестана в 1877–1878 гг. Зелим-Хан / П.И. Ковалевский. – Санкт-Петербург, 1912. – 91 с. – Текст: непосредственный.

174. Колосов, Л.Н. Очерки истории промышленности и революционной борьбы рабочих Грозного против царизма и монополий

(1893–1917) / Л.Н. Колосов. – Грозный: Грозненский рабочий, 1962. – 381 с. – Текст: непосредственный.

175. Колосов, Л.Н. Славный Бейбулат. Историко-биографический очерк / Л.Н. Колосов. – Грозный: Чечено-Ингушское издательско-полиграфическое объединение «Книга», 1991. – 176 с. – Текст: непосредственный.

176. Колюбакин, Б. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. на Кавказе и в Малой Азии / Б. Колюбакин. – Санкт-Петербург, 1906. – Ч. I. – 185 с. – Текст: непосредственный.

177. Косвен, М.О. Этнография и история Кавказа. Исследования и материалы / М.О. Косвен. – Москва: Издательство Восточной литературы, 1961. – 260 с. – Текст: непосредственный.

178. Кочекаев, Б.Б. Социально-экономическое и политическое развитие ногайского общества в XIX – начале XX века / Б.Б. Кочекаев. – Алма-Ата: Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского книжного издательства, 1973. – 185 с. – Текст: непосредственный.

179. Крымин, А.В. Тарикат / А.В. Крымин // Международный исторический журнал. – 2000. – № 9. [Электронная версия]. URL: <https://oldsufiwebzine.wordpress.com/2001/10/14/крымин-ав-тарикат/> (дата обращения: 16.01. 2023).

180. Кумыков, Т.Х. Вовлечение Северного Кавказа во Всероссийский рынок / Т.Х. Кумыков. – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1962. – 200 с. – Текст: непосредственный.

181. Куприянова, Л.В. Города Северного Кавказа во второй половине XIX века / Л.В. Куприянова. – Москва: Наука, 1981. – 230 с. – Текст: непосредственный.

182. Лапин, В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII – XIX вв. / В.В. Лапин. – Санкт-Петербург: Изд-во «Европейский дом», 2008. – 400 с. – Текст: непосредственный.

183. Лапин, В.В. Цицианов / В.В. Лапин. – Москва: Молодая гвардия, 2011. – 542 с. – Текст: непосредственный.

184. Лисицына, Г.Г. Кавказский комитет 1845 – 1882 / Г.Г. Лисицына. // КЛИО. – 1997. – № 2. – С. 140–148. – Текст: непосредственный.

185. Лисицына, Г.Г. Кавказский комитет – высшее государственное учреждение для управления Кавказом / Г.Г. Лисицына // «Россия и Кавказ – сквозь два столетия». Исторические чтения. – Санкт-Петербург: АОЗТ Журнал «Звезда», 2001. – С. 154–168. – Текст: непосредственный.

186. Магомеддаев, А.М. Роль профессора Р.М. Магомедова в исследовании восстания 1877 года в Дагестане / А.М. Магомеддаев, З.М. Амирова // Актуальные проблемы истории Кавказа: материалы международной конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения профессора Р.М. Магомедова (Махачкала, 14 – 15 апреля 2010 г.) / Отв. ред. М.М. Гасанов; под ред. В.П. Егоровой. – Махачкала: Издательство ДГУ, 2010. – С. 38–42. – Текст: непосредственный.

187. Малахова, Г.Н. Становление и развитие российского государственного управления на Северном Кавказе в конце XVIII – XIX вв. / Г.Н. Малахова. – Ростов-на-Дону: Издательство СКАГС, 2001. – 400 с. – Текст: непосредственный.

188. Малахова, Г.Н. Исторические аналогии политики softpower на северном Кавказе (конец XVIII - XIX вв.) / Г.Н. Малахова, В.Н. Чегарнова // Дискурс-Пи. – 2014. – № 4. [Электрон. версия]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskie-analogii-politiki-soft-power-na-severnom-kavkaze-konets-xviii-xix-vv> (Дата обращения: 16.06.2022).

189. Мальбахов, Б.К. Кабарда в период от Петра I до Ермолова (1722–1825) / Б.К. Мальбахов. – Нальчик: Книга, 1998. – 352 с. – Текст: непосредственный.

190. Маргграф, О.В. Очерки кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства / О.В. Маргграф. – Москва, 1882. – 248 с. – Текст: непосредственный.

191. Масальский, В. Кавказ и его промышленность / В. Масальский // Кавказский вестник. – 1900. – Книга 7. – № 7. – С. 44–103. – Текст: непосредственный.
192. Муханов, В.М. Покоритель Кавказа А.И. Бярятинский / В.М. Муханов. – Москва: ЗАО Центрполиграф, 2007. – 428 с. – Текст: непосредственный.
193. Национальные окраины в политике Российской империи и русской общественной мысли. / Под общ. ред. А.Т. Урушадзе. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2020. – 608 с. – Текст: непосредственный.
194. Неверовский, А.А. О начале беспокойств в Северном и Среднем Дагестане / А.А. Неверовский. – Санкт-Петербург, 1847. – 533 с. – Текст: непосредственный.
195. Неверовский, А.А. Истребление аварских ханов в 1834 г. / А.А. Неверовский. – Санкт-Петербург, 1848. – 37 с. – Текст: непосредственный.
196. Невская, Т.А. Северный Кавказ в начале XX в. Очерки истории / Т.А. Невская. – Ставрополь: СКФУ, 2012. – 217 с. – Текст: непосредственный.
197. Невская, Т.А. Северный Кавказ: традиционное общество и реформы (XVIII – начало XX вв.) / Т.А. Невская, А.С. Кондрашева. – Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2015. – 368 с. – Текст: непосредственный.
198. Окольников. Перечень событий в Дагестане / Окольников // Военный сборник. – 1859. – № 2. – С.337–406. – Текст: непосредственный.
199. Омаров, А.С. Становление российского управления на Северо-Восточном Кавказе в конце XVIII начале XIX века / А.С. Омаров // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2009. – № 93. [Электрон. версия]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-rossiyskogo-upravleniya-na-severovostochnom-kavkaze-v-kontse-xviii-nachale-xix-veka> (дата обращения: 19.06.2022).
200. Омельченко, И.Л. Терское казачество / И.Л. Омельченко. – Владикавказ: Ир, 1991. – 301 с. – Текст: непосредственный.

201. Ореус, И.И. Граф Николай Иванович Евдокимов (1804–1873) / И.И. Ореус // Русская старина. – 1889. – № 3. – С.480–506. – Текст: непосредственный.

202. Осмаев, М.К. История и культура вайнахов / М.К. Осмаев, И.Ю. Алироев. – Москва: Academia, 2003. – 381 с. – Текст: непосредственный.

203. Ошаев, Х. Мюридизм в Чечне / Х. Ошаев // Революция и горец. – 1930. – № 9-10 (23-24). – Сентябрь-октябрь. – С. 48-54. – Текст: непосредственный.

204. Парова, Л.М. К истории разработки планов покорения кавказских горцев российским царизмом / Л.М. Парова // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 1993. – № 3. – С. 55–74. – Текст: непосредственный.

205. Пиралов, А.С. Краткий очерк кустарных промыслов Кавказа / А.С. Пиралов. – Санкт-Петербург, 1913. – 128 с. – Текст: непосредственный.

206. Покровский, Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля / Н.И. Покровский / Под ред. В.Г. Гаджиева, Н.Н. Покровского. – Москва: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. – 511 с. – Текст: непосредственный.

207. Потолов, С.И. Начало монополизации грозненской нефтяной промышленности (1893–1903 гг.) / С.И. Потолов // Монополии и иностранный капитал в России. – Москва–Ленинград: Издательство АН СССР, 1962. – С. 94–141. – Текст: непосредственный.

208. Потто, В.А. Кавказская война: В 5 томах. Том 5. Время Паскевича, или Бунт Чечни / В.А. Потто. – Москва: Центрполиграф, 2006. – 351 с. – Текст: непосредственный.

209. Рагузов, А.В. М. М. Блиев о российских проектах покорения народов Кавказа (XIX в.) / А.В. Рагузов // Омский научный вестник. – 2010. – №3 (88). – С. 46–48. – Текст: непосредственный.

210. Родионова, Н.А. Испанский путешественник дон Хуан Ван Гален в «тёплой Сибири»: размышления участника Кавказской войны / Н.А. Родионова // Современные проблемы сервиса и туризма. – 2008. – № 2. – С. 14–20. – Текст: непосредственный.

211. Саламов А.-Х.А. Очерк о Чечне / А.-Х.А. Саламов // Революция и горец. – 1929. – № 7-8 (9-10). – Июль-август. – С. 94 – 98. – Текст: непосредственный.

212. Свистунов, А.П. Очерк восстания горцев Терской области в 1877 году / А.П. Свистунов. – Санкт-Петербург, 1896. – 124 с. – Текст: непосредственный.

213. Северный Кавказ в составе Российской империи. – Москва: Новое литературное обозрение, 2007. – 460 с. – Текст: непосредственный.

214. Северный Кавказ с древнейших времён до начала XX столетия (историко-этнографические очерки). / Под редакцией и с предисловием В.Б. Виноградова. – Пятигорск: ПГЛУ, 2010. – 318 с. – Текст: непосредственный.

215. Смирнов, Н.А. Политика России на Кавказе в XVI-XIX веках / Н.А. Смирнов. – Москва: издательство социально-экономической литературы, 1958. – 244 с. – Текст: непосредственный.

216. Смирнов, Ф. А. Краткая история Кавказа / Ф.А. Смирнов. – Санкт-Петербург, 1901. – 64 с. – Текст: непосредственный.

217. Социально-экономическое развитие Северного Кавказа в пореформенный период [Электрон. версия]. URL: <https://cyberpedia.su/10xас82.html> (дата обращения: 28.08.2022).

218. Толстов, В.Г. Историческая хроника Хоперского полка Кубанского казачьего войска. 1696-1896 / В.Г. Толстов. – Екатеринодар, 1896. – 44 с. – Текст: непосредственный.

219. Толстов, В.Г. История Хоперского полка Кубанского казачьего войска. 1696 – 1896 / В.Г. Толстов. – Тифлис, 1900. – Т. I. – 4, 280 с. – Текст: непосредственный.

220. Тотоев, М.С. Из истории дружбы осетинского народа с великим русским народом / М.С. Толстов. – Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1963. – 157 с. – Текст: непосредственный.

221. Уманец, Ф.М. Проконсул Кавказа / Ф.М. Уманец. – Санкт-Петербург, 1912. – 117 с.

222. Утверждение русского владычества на Кавказе. / Под редакцией В.А. Потто. – Тифлис, 1904. – Т.Ш. – Ч.І. – 545 с. – Текст: непосредственный.

223. Фадеев, А.В. Очерки экономического развития Степного Предкавказья в дореформенный период / А.В. Фадеев. – Москва: Изд-во АН СССР, 1957. – 260 с. – Текст: непосредственный.

224. Фадеев, Р.А. 60 лет Кавказской войны Р.А. Фадеев / Р.А. Фадеев. – Н. Новгород: Чёрная Сотня, 2015. – 150 с. – Текст: непосредственный.

225. Хасбулатов, А. И. Чечено-Ингушетия накануне первой русской буржуазно-демократической революции / А.И. Хасбулатов. – Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1963. – 79 с. – Текст: непосредственный.

226. Хасбулатов, А.И. Социально-экономическое и политическое положение Чечни во второй половине XIX – начале XX в. / А.И. Хасбулатов [Электронная версия]. – URL: <http://pandia.ru/text/77/477/15217-3.php> (дата обращения: 22.05.2022).

227. Хашаев, Х.М. Общественный строй Дагестана в XIX веке / Х.М. Хашаев. – Москва: АН СССР, 1961. – 262 с. – Текст: непосредственный.

228. Цуциев, А.А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004) / А.А. Цуциев. – Москва: Издательство «Европа», 2006. – 128 с. – Текст: непосредственный.

229. Чекменев, С.А. Социально-экономическое развитие Ставрополья и Кубани в конце XVIII века и в первой половине XIX века. Издание второе, дополненное / С.А. Чеменев. – Пятигорск: ПГУ, 2022. – 368 с. – Текст: непосредственный.

230. Чернявский, А.С. Кавказ в течении 25-летнего царствования государя императора Александра II / А.С. Чернявский. – Санкт-Петербург, 1898. – 61 с. – Текст: непосредственный.

231. Чудинов, В. Окончательное покорение осетин / В. Чудинов // Кавказский сборник. – Тифлис, 1889. – Т. XIII. – С. 1–122. – Текст: непосредственный.

232. Шавров, Н.Н. Описание кавказского шелководства / Н.Н. Шавров. – Тифлис, 1891. – 320 с. – Текст: непосредственный.

233. Шингарова, З.О. Изменения в административном управлении накануне образования Дагестанской области / З.О. Шингарова // Вестник Дагестанского университета. – 2014. – Вып. 4. – С. 15–20. – Текст: непосредственный.

234. Эсадзе, С. Историческая записка об управлении Кавказом / С. Эсадзе. – Тифлис, 1907. – Т. I. – 616 с. – Текст: непосредственный.

Диссертационные исследования

235. Гойбасханов, А.А. Северный Кавказ в условиях преодоления последствий политического и социокультурного кризиса и его рецидивов (60-е гг. XIX – начало XX вв.): дисс. ...канд. ист. наук: 07.00.02 / Абдухалим Абдурашидович Гойбасханов. – Ставрополь, 2021. – 208 с. – Текст: непосредственный.

236. Зубариев, Р.Б. Колонизационно-переселенческие процессы на Северном Кавказе во второй половине XIX века: политические, экономические и демографические последствия: дисс. ...канд. ист. наук: 07.00.02 / Рамзан Байтуевич Зубариев. – Ставрополь, 2019. – 190 с. – Текст: непосредственный.

237. Маркова, Д.К. Российская империя и «конфликтные сообщества»: опыт политического и социально-экономического реформирования на примере российско-северокавказских отношений в первой половине XIX века: дисс. ...канд. ист. наук: 5.6.1 / Дарья

Константиновна Маркова. – Пятигорск, 2023. – 204 с. – Текст: непосредственный.

238. Мутаев, С. С.-А. Народы Северо-Восточного Кавказа в «эпоху великих реформ» 60-70-х годов XIX века: региональные особенности и результаты модернизационных преобразований: дисс. ...канд. ист. наук: 07.00.02 / Мутаев Сайди Сайд-Алиевич. – Ставрополь, 2020. – 198 с. – Текст: непосредственный

Литература на английском языке:

239. Rhineland L.H. The Creation of Caucasian Vicegerency // The Slavonic and East European Review. – 1981. – Vol. 59. – N1. P. 15-40. – Text: direct.

240. Rhineland L.H. Russian imperial policy: The administration of the Caucasus in the first Half of the nineteenth century // Canadian Slavonic papers. – 1975. – Vol. 17. – N 2/3. – P. 218-235. – Text: direct.